

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(120)**

МОСКВА 2018

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2018. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузов (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н.,
проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков;
д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тугов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2018

Содержание

В долгу перед Россией! (<i>Главный редактор</i>)	7
Часть I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка»	11
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Метафизика стоимости	24
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Технос и Сфинкс	27
<i>М.М. Гузев</i>	
От неolibеральной утопии к практическому гуманизму	47
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Становление философии хозяйства Евангелическо-социального конгресса	57
Часть II. Экономическая теория	
<i>И.Е. Рудакова</i>	
Поведенческая экономика — новая мода или новая парадигма?	69
<i>А.А. Ермоленко, О.В. Брижак</i>	
Новые формы отношений, возникающие в движении капитала	80
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Противоречия социально-экономической системы будущего: есть ли альтернативы?	102
<i>К.В. Молчанов</i>	
Об одной из катастрофических ошибок К. Маркса	112
<i>Ю.А. Мирошников, Л.Л. Бушухина</i>	
Производительность труда и лицемерие архаичных методов ее измерения	123
Часть III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Основные принципы дигитальной философии	133
<i>С.В. Синяков</i>	
Эволюция идеи прогресса в зеркале противоречий современной цивилизации	139
<i>С.В. Лучинин</i>	
Научный и идеологический аспекты марксизма в социально- философском учении А.А. Зиновьева	153

<i>Р.С. Осин</i>	
О некоторых особенностях современного противоречия между производительными силами и производственными отношениями (социально-философский аспект)	162
<i>Е.В. Леденева</i>	
Природа и культура в концепции Карла Густава Юнга	179
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Субъекты логики (тезисы)	197
Часть IV. Общая социология	
<i>Т.А. Симонова</i>	
Демократизм социокультурных практик Древней Руси.....	205
<i>К.Р. Баянов, Н.П. Павлова</i>	
Трансформация образовательной и воспитательной модели: исторический и логический аспекты.....	222
<i>А.А. Лакомова, Т.М. Хусяинов</i>	
Особенности социальной адаптации женщин-мигрантов: региональный аспект	231
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Социальная безопасность — основа российской устойчивости.....	245
Часть V. Рецензии и отклики	
<i>В. Драшкович</i>	
Экономическая альтернатива как открытая загадка	255
<i>С.Ю. Румянцева</i>	
Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта («Размышления над книгой «(Не)Реальный капитализм В.Т. Рязанова»).....	257
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Знаменательное тридцатилетие!	269
<i>Е.С. Зотова</i>	
О философско-хозяйственном мониторинге текущей реальности (дискуссия на Орленковских чтениях — 2018).....	275
Анонсы	284
Наши авторы	288
Содержание за 2018 г.....	293

Contents

In debt to Russia! (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
A Great Game, Russian Middlegame, «Russian Roulette».....	11
<i>I.G. Shevchenko</i>	
The Metaphysics of Value	24
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Technos and Sphinx	27
<i>M.M. Guzev</i>	
From the Neoliberal Utopia to Practical Humanism	47
<i>R.E. Sokolov</i>	
Formation of Philosophy of Economy in the Evangelical Social Congress	57
Part II. Economic Theory	
<i>I.E. Rudakova</i>	
Behavioral Economics is a New Fashion or a New Paradigm?	69
<i>A.A. Ermolenko, O.V. Brizhak</i>	
New Forms of Relations Arising in the Capital Flow	80
<i>M.L. Alpidivskaya</i>	
The Contradictions of the Social and Economic System of the Future: Are There any Alternatives?	102
<i>K.V. Molchanov</i>	
On One of K. Marx's Catastrophic Mistakes	112
<i>Y.A. Miroshnikov, L.L. Bushukhina</i>	
Labor Productivity and Hypocrisy of Archaic Methods of Its Measurement	123
Part III. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Basic Principles of Digital Philosophy	133
<i>S.V. Siniakov</i>	
Evolution of the Idea of Progress in the Mirror of Contradictions of Modern Civilization	139
<i>S.V. Luchinin</i>	
Scientific and Ideological Aspects of Marxism in the Social Philosophy of Alexander Zinoviev	153

<i>R.S. Osin</i>	
About Some Peculiarities of the Modern Antagonism Between Productive Forces and Productive Relations (Socio-Philosophic Aspect).....	162
<i>E.V. Ledeneva</i>	
Nature and Culture in the Concept of Carl Gustav Jung	179
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Subjects of Logic (Theses)	197
Part IV. General Sociology	
<i>T.A. Simonova</i>	
Democracy of Social and Cultural Practices Ancient Russia.....	205
<i>K.R. Bayanov, N.P. Pavlova.</i>	
The Transformation of Educational Models: Historical and Logical Aspects	222
<i>A.A. Lakomova, T.M. Khusyainov</i>	
Peculiarities of Social Adaptation of Migrant Women: the Regional Aspect	231
<i>T.Yu. Yakovets</i>	
Social Security is the Basis of Russian Sustainability	245
Part V. Reviews and Responses	
<i>V. Drashkovich</i>	
Economic Alternative as an Open Mystery.....	255
<i>S.Yu. Rumiantseva</i>	
The Six Kondratieff Wave – the economy of passion and comfort (reflections on the book «(In)Real capitalism» of V.T Rjazanov	257
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Significant Thirtieth Anniversary!	269
<i>E.S. Zotova</i>	
About Philosophical and Economic Monitoring of the Present (a Discussion on Orlyonok Readings, 2018).....	275
Anounces	284
Our Authours	288
Contents for 2018.....	293

В долгу перед Россией!

Россия и отечественная гуманитарная мысль!

Россия как онтоc — есть, однако есть ли у России о России адекватный ей гуманитарный гнозис, да не как о стране, пространстве, земле, народонаселении, природе, а как о бытийно-историческом феномене, как о... России как России, как раз той самой России, которую умом-де — рационально-исследовательским, конечно — не понять, и в которую остается только безотчетно верить?

Да, Россия как Россия, то бишь как идея, как концепт, как эгрегор, как замысел Божий — и в самом деле первая и последняя вера для русичей, русских, россиян, — кто бы сомневался! — но что же она такое — Россия; откуда и когда явилась на свет, пусть и не называясь собственно Россией, а будучи некоей протоРусью; какой путь она прошла, куда и зачем идет; что же это на самом деле — русский дух или тот же российский мир; что это за проект такой под названием «Россия»; не Европа ведь и не Азия, хотя и в Европе Россия, и в Азии, но вовсе и не Евразия эта Россия, ибо она — Россия; а что сегодня есть Россия как Россия, с какой идеей, каким смыслом, какой перспективой, а-а?

А сколько загадок, неясностей и белых пятен в реальном бытии и в долгой более или менее известной истории России, в событиях, происшествиях, персоналиях, сколько обо всем этом понаосздано «чудесных» мифов и наговорено «чудных» нелепостей!

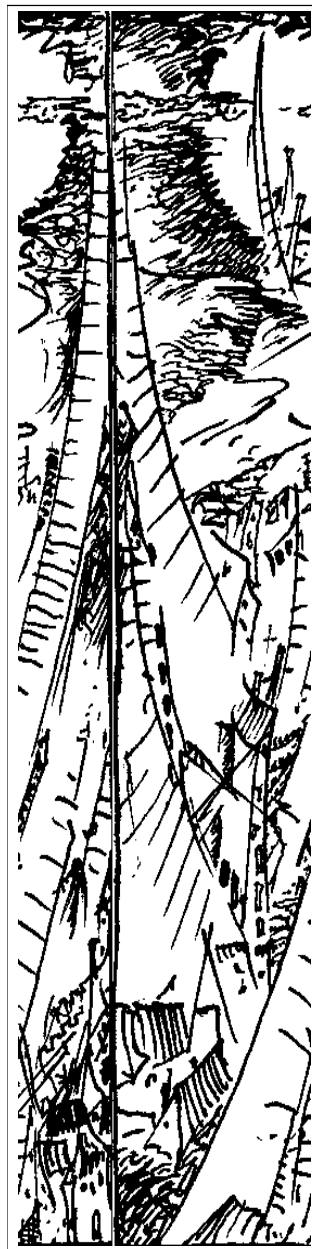
Так есть ли оно — актуальное россияеведение, освобожденное от привольной мифологии и избавившееся от набивших оскомину наукообразных догм, — и не в долгу ли великом (не)родная гуманитарная мысль перед (не)родной Россией?

Вопросы!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Большая игра — российский миттельшпиль —
«русская рулетка»***

Аннотация. Полная деяний, событий и вероятностей окружающая жизнь допускает образное сравнение с шахматной игрой, длящиеся процессы — с партиями, а возникающие ситуации — с дебютами, миттельшпилями и эндшпилями. Современная Россия в лице государства ведет свою геостратегическую на мировой арене и социохозяйственную внутри страны игру, достигшую стадии миттельшпиля, однако не лишенную неопределенности и риска. Какую конкретную игру, с какими текущими итогами и возможными перспективами?

Ключевые слова: мир, Россия, большая общемировая игра, миттельшпиль, геостратегия, реформизм, постреформизм, «русская рулетка».

Abstract. All the life is full of acts, events and probabilities, allows figurative comparison with a chess game, different processes can be compared with parties, and the arising situations can be compared with debuts, middlegame and endgame. Modern Russia with its state leads a geostrategic game in the world and an economic game in the country which is reached middlegame stage, however, it's not deprived of uncertainty and risk. What the game will it be and what results will we expect?

Keywords: world, Russia, universal game, middlegame, geostrategy, reformism, postreformism, Russian roulette.

УДК 327; 330
ББК 65в; 66

Жизнь — игра, война — театр (театр военных действий), многое из вокруг происходящего — цирк! Вроде бы вполне милые, не совсем милые, а то и весьма саркастические, метафоры — игра, театр, цирк, но

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка» // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 11—24.

при этом и вполне себе смылосодержательные определения, более того — сами сущности тут по существу и есть!

Бытие человеческое, как и больших земно-человеческих образований (стран, государств, наций), — большая экзистенциальная игра. Можно ли так? Можно! Именно игра и именно большая: с субъектами-игроками, их «игроцкими» ходами и выходками, ходом самой игры — с намерениями, планами, тактиками и стратегиями, с неопределенностью, вероятностью, случайностью и неизвестностью, с удачами и победами, промахами и поражениями, с метафизикой, мистикой и чудесами, в общем, со всем, что свойственно почти любой игре — что шахматам, что преферансу, что тому же футболу, но что присуще и самому бытию, самой жизни, самой зёмной экзистенции.

Не одно тут лишь сравнение с игрой, а и сама по себе игра, мощная, разнообразная, захватывающая, романтическая, ну и рискованная, жесткая, беспощадная, кровавая. Не в шутку вовсе тут игра, да и не только на жизнь, а и на смерть!

Почему так? А потому что жизнь тут, экзистенция, бытие, ну и сознание, воля, деятельность, творчество, выдумки, перемены, суэта, беспокойство, беспредел, отчаяние, ну и... много еще чего, что не может вершиться иначе, как через борьбу — «за» или «против», вообще всякую борьбу, а следственно, и через игру, которая и есть борьба, ее проектно-расчетная и даже стихийная реализация. Никакой игры нет лишь на погосте, да и то, знаете ли... души покойников, призраки... своя, видно, и там игра, как же без нее?

Играя в большую экзистенциальную игру, каждый субъект-игрок играет не только с другими игроками, как и не только с самой игрой, но и с собою тоже, что, пожалуй, самое важное в такой игре и есть, хотя менее всего игроком замечаемо, контролируемо и управляемо: поглощенный игрой, делая превосходные на свой взгляд ходы и обыгрывая других игроков, гордясь собою, хотя и немало при этом расходуясь, игрок-счастливчик не замечает ни своего уже лукаво ослабленного состояния, ни подступающего к нему предательского самопреигрывания. И это не только самое в любой игре важное — для самого успешного игрока, но и самое для него... страшное!

Что сегодня?

Большая. планетарного масштаба и значения, судьбоносная для всего зёмного мира, экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра. И Россия в лице своего государства — один из ведущих в этой игре игроков, разумеется, игрок среди игроков, ну и игрок с самим собою: одно дело — игра России в мировой игре, совсем другое, хотя и зависимая от мировой игры, как и в нее попросту включенная, но все-таки

своя игра России с самой собою, так что наряду с большой планетарной игрой, в которой участвует Россия, идет и другая, тоже ведь не малая игра по значимости и риску — *игра России с... самой же Россией*.

На том пока и порешим!

А теперь обратимся к самой большой игре, которая разворачивается на наших глазах и в которой Россия непосредственно из ведущих игроков, той самой игре, которая вдруг пошла при внезапном и неожиданном для всего мира выходе нынешней России к игровому столу, что было сначала обозначено всего лишь метким словом (мюнхенской речью главы российского государства в 2007 г.), а затем и кое-какими деяниями (подъем «оборонки» и рождение новых вооруженных сил — это внутри страны, и кое-какие оборонно-наступательные действия вне страны: от защиты российских оакомов и русского мира до борьбы с угрожающим России международным терроризмом на том же Ближнем Востоке).

Игра со стороны России — игра за себя, свой суверенитет, свою неприступность, свое бытие и соответственно против всепоглощающего имперо-колониального глобализма, круто замешанного на постмодерновом западнизме, а потому и игре за иное общемировое устройство — многополярное, и за иное, чем западное, цивилизационное разрешение зёмного бытия.

Игра-то игра, но зато... *какая!*

Ничего особенно нового в самом факте такой игры для человеческого мира нет — сия экзистенциально-футуро-стратегическая игра, она же и борьба, всегда на Земле была, есть она и сейчас, правда, в уже глобально и тесно взаимосвязанном планетарном мире, а для ведущих игроков еще и с атомной бомбой за пазухой.

Некоторый набор внутренних и внешних ходов-деяний, не говоря о бьющих в цель откровенных словах, и вот — из почти что списанного, то бишь весьма разоренного и ослабленного предшествующей мировой игрой, субъекта — постсоветской России 1990-х, вдруг возникает... *игрок*, да еще *какой* (!)... вдруг оказавшийся в *самом центре* больших игровских событий, прямо в эпицентре большой геостратегической игры.

Почему?

По причине вдруг им начатой и неплохо проведенной контригры как раз против главного и вполне уже почивавшего на планетарных лаврах всемирного глобального игрока — «дяди Сэма». Стоило лишь нашему «мюнхенцу» заявить, что «дядя Сэм», не более чем... «дядя Сэм» (то бишь вовсе не бабушка из «Красной шапочки», а всего лишь... серый волк в образе бабушки), как всё стало на свои места:

«дядя Сэм» оказался снова на своем почетном имперо-колониальном, но уже явно пошатнувшемся, стуле, а мир, вдруг зашевелившись, стал подыскивать себе другие на мировой арене стулья, если не «контрстулья», относительно великого «дяди Сэма».

Раздосадованный «дядя Сэм» тут же начал вполне себе уже военную игру с взбрыкнувшей Россией, обозвав в конце концов эту войну «гибридной» — не объявленной официально и по преимуществу информационно-санкционной, без собственно боевых, то бишь горячих действий, но все-таки войной, а затем повел и войну тут уже более всего торговую, с другим мощным контригрокком — Китаем, причем войну уже объявленную, пусть и вопреки дипломатическому этикету.

Интересно, что раздраженный «дядя Сэм» не удержался и даже открыл внутризападную войну, в основном с не слишком с ним солидарной и стремившейся к своей имперского пошиба самостоятельности Европой — Европейским союзом.

Очень любопытная тут выходит в целом всемировская заварушка!

С началом войны США и всего Запада с Россией российская большая игра вступила, завершив стадию дебюта, в характерную для шахмат основную игровую стадию — *миттельшпиль*, в ту самую стадию, когда всё главное для перспективы ведущейся игры и решается, пусть еще и не слишком заметно, а во многом и вообще скрытно, но... решается: в замыслах игроков и в их ходах, «ходом вещей», «ходом неизвестности».

Россия, пользуясь ментальной, духовной, геополитический, отчасти и экономической, поддержкой так или иначе антисэмовски настроенной части мира, тоже, впрочем, по преимуществу игровой, справляется в целом с фронтальной против себя «войновской» игрой «дядюшки Сэма», принявшего, кстати, адекватный себе персональный образ в лице г. Трампа — очень уж подходит «рыжий Дональд» на хрестоматийного «дядюшку».

Россия отстаивает прежде всего себя, свой суверенитет, но при этом еще и ведет геополитическое наступление, препятствуя Штатам вольготно по миру господствовать, а также если не напрямую построая, то активно способствуя созиданию новой конструкции планетарного мира — *многополярной*, да еще и ведет атаку, пусть еще только «вылазковскую», на святая святых Западного мира — американский доллар.

Примечательно, что Россия не только играет в большую мировую игру, но и весьма определенно переигрывает в ней зазнавшегося

«дядю Сэма», хоть и несет немалое материальное бремя и заметные экономические убытки.

Зачем это России надо: большая игра, война, борьба, бремя, убытки, потери?

С позиции обыденного здравого смысла ничего *такого* стране вроде бы вовсе не надо, наоборот, надо бы ей было оставаться в «великолепной восьмерке», пусть и в роли «попутной шестерки (!)», пользуясь доверием и покровительством всесильного «дяди Сэма», возлежать на отведенной глобализмом энерго-сырьевой поляне, спокойно продавая себя и свои ресурсы, раздавая «умному Западу», а может, и хитроумному Китаю, свои пространство, территорию, землю, покончив с собою как историческим субъектом, но при этом жить, жить, жить — в немалом материальном достатке и в неограниченном виртуальном дольстве.

Но... но, с одной стороны, имперо-колониальный эгоизм Америки и Запада, как и их лицемерное, эгоистическое и в целом неэффективное управление миром, реализуемое через перевороты, войны и катастрофы, вкупе с тлетворным антикультурным и ядовитым античеловеческим вливанием, а с другой — поначалу глухой, а с российской инициативой все более зычный, протест незападной части планетарного мира против всего этого американо-западного безобразия с желанием обзавестись неформальным суверенитетом и идти по жизни и в будущее *своими* путями, сохраняя традиции и выдвигая для *себя* свои же новые экзистенциальные и цивилизационные разрешения.

В мире так или иначе назрела потребность в освобождении от американо-западного доминирования, усиленная и ускоренная наглыми силовыми и санкционными расправами с неугодными режимами и государствами, что привело к возникновению международного оппозиционного «сердечного соглашения» под чудесным названием БРИК (теперь уже БРИКС), а также к неожиданному, но вполне оправданному «взбрыку» России — страны европейской, хотя при этом и евразийской и даже азиатской, в основе христианской, пусть по преимуществу, и русско-православной, белорасовой, арийской, то бишь... в целом такой же по натуре, генезису, культуре, цивилизации, как и большинство других западной принадлежности стран, что и стало мощнейшим концептуально-политическим ударом для почивавшего на золотых лаврах Запада. Из чуть ли уже не ставшего союзническим партнером Запада, если не прямо звеном западнического по духу планетарного Севера, могшего эффективно-де противостоять Востоку и Югу, Россия вдруг оказалась мало того что выпавшей из северной западнического края железной челюсти золотой коронкой, но еще и... чуть ли не главной

противницей Запада, хотя, конечно, не так, собственно, Запада, как американо-западнического на планете и над самой Россией доминирования.

За сие-то «предательство», как старается себя убедить обманутый-де Россией Запад, уже и всю саморазрушающийся как поздний Рим или та же запоздалая Византия, Запад и обрушился на Россию войной, которая вовсе не предавала Запад, а всего лишь заявила о себе как... *Россия*, причем заявила не то что незападной страной, а попросту... *собою*, следственно, никак не частью глобальной американской (америкоевропейской) империи. Россия всего лишь отказалась пребывать в сей замечательной всемирной империи, вновь вступив на путь собственного суверенного бытия — и ничего более!

Запад хорошо понимает, что за Россией на данный исторический момент не только большая экзистенциальная *правда*, но и явная *геостратегическая инициатива*, а еще лучше он сознает, что из России истекает для него великая экзистенциально-геостратегическая угроза, против которой он, во-первых, не может не бороться, а во-вторых, не может не бороться несправедливо и неправомерно, лживо, подло, ибо как тут иначе поступать с лицемерных имперо-колониальных позиций перед лицом жесткой и колючей исторической правды, хотя Россия нынешняя вовсе и не такая уж праведная «дамочка», а та еще в своих евразийских чертогах прозападная «блудница».

Да — суверенитет, независимость, самостоятельность, — все это так, и это вполне уже оправдывает антиамериканский «взбрык» России. Но дело не только и столько в этом: Россия — *сама-себе-проект*, хотя сама себе она вполне и не принадлежит, а поэтому действует не так, как видится и хочется актуальной России, а как ей вовсе и не видится, и не хочется, что бывало не раз в большом бытии-истории России, что случилось с ней и в переходном XX в. — от Великой революции 1917 г. до великого самопогрома 1991 г., ну и, разумеется, революционной реформы 1990-х. Антиамериканский (антизападный, антиглобалический) рывок России из того же ряда не слишком субъективно желательных, но объективно неизбежных происшествий. Метафизики с глубинной трансценденцией тут куда как больше, чем физики с имманентной ей поверхностной обыденностью.

Россия исходно *неотмирна* и деяния ее с событиями, происшествиями и потрясениями тоже *неотмирны* — никаким разумом с никакой логикой они не объяснимы!

Но и это не всё: какой бы конкретно ни была в текущем бытии-истории Россия, в каком бы положении ни находилась, она всегда, пусть и не слишком выражено, пусть более всего потенциально, пусть

где-то в темных закромах бытия-истории, она — Россия — всегда какая-то никому и неизвестная, даже и самой России... *альтернатива*, причем альтернатива всему зёмному миру сразу, не говоря уже о Западе, Европе и тех же США, да и самой себе она постоянная альтернатива, ибо ни на чем конкретном не задерживается, хотя и спелёнывается, и спутывается, и насильно кем-то и чем-то на чем-то конкретном удерживается: то рюриковством, то византийством, то ордынством, то святорусскостью, то европейством, то большевизмом, а теперь вот и глобализмом, но, увы, ничего с того не получается: приходит момент, когда Россия охотно и без сожаления сбрасывает с себя навязанные ей одежды и, охотно или нет, напяливает на себя какие-то новые одежды, как правило, увы, с чужого плеча, поносит их некоторое время и непременно с себя сбрасывает — не то как норовистый конь, не то как вытянутый в неурочье из берлоги растревоженный медведь, но непременно сбрасывает, ища что-то *иное*, а что... и сама не знает!

Россия — единственная страна в мире, причем не просто страна, а мир-страна, не эволюционирующая просто так, не развивающаяся в рамках навсегда избранной модели, не что-то конкретное достигающая и на чем-то конкретном покоящаяся, а идущая дискретно и импульсивно куда-то вперед, держа в себе неизвестную ей самой альтернативу и стремясь к чему-то иному — не этому, не тутошнему, не сеюмирному, не зёмному только, а хотя бы к *земно-космическому*, то бишь к действительно *иному*.

Таков он, изначальный, запрятанный в первосемени, генетический код России, ее подспудная проектная матрица, ждущая реального воплощения в каком-то (не)реальном и (не)зёмном варианте.

Игра, в которую вступила (попала, встряла) Россия, не только большая игра с миром, с Западом, Востоком, Югом, с Европой, США, Китаем, Индией, с кем тут еще, ибо игроков разных хватает, включая и мелких подпевал, подстрекателей, перебежчиков, изменщиков, нахлебников, но это и большая игра России *с самою собою* — вполне себе *«русская рулетка»*, — и ежели вовне у России война фронтальная — против внешней антиРоссии, то внутри России идет уже тыловая война — как с самою собою, так и со вполне враждебной коренной России (России как России) внутренней антиРоссией, давненько поселившейся в России и с ней самозабвенно враждующей.

Отсюда и российский миттельшпиль, о котором речь, накрывающий сразу и внешнее фронтальное и внутреннее тыловое, а потому и говорить надо о миттельшпиле сложном, двойственном, внешне-внутреннем, фронтально-тыловом.

А по-другому, надо заметить, в России и с Россией и быть не может: внешняя антиРоссия вполне тут естественна, а внутренняя — весьма для России органична. Так что ежели экзистенциально-геостратегическая война, то непременно там — вовне и здесь — внутри.

Во внешней сфере Россия не ставит перед собой задачи какого-либо себе подчинения и уж тем более уничтожения (в отличие от некоторых, западного кроя сил, буквально грезящих распадом и исчезновением России), ибо игра, которую ведет Россия, это игра всего лишь за самостояние России и всего лишь за новое устройство мира, к которому мир, как надеется Россия, должен прийти без всемирной тотальной войны — компромиссно и согласительно. Разумеется, амбициозный имперо-колониальный и агрессивный Запад, в особенности США с Англией, никакого переустройства мира не желают и ради сохранения своего доминирования идут на всё, включая прежде всего войну с Россией, что означает, что конфронтация Запада с Россией, вполне и яростная со стороны уходящего в преисподние дали Запада, совершенно неизбежна.

Что же Россия?

Ведет-таки свою игру, разоблачая и дискредитируя Запад во главе с США, всюю уже прибегающий к нарочитой диффамации России и к откровенной антироссийской лжи, отбивая любые западные на себя идеократические наскоки; останавливая на подступах к России западный «Дранг нах Остен»; ведя и кое-какое наступление, включая медийно-информационное; ища и находя поддержку вовне, не исключая и самого Запада, который вовсе не так однороден, каким кажется, и где находятся силы, заинтересованные в существовании и даже процветании России, как и заинтересованные в переходе к новому обустройству мира; обретая, — может, и временных, — союзников, сторонников и попутчиков, а в складывающейся тревожной ситуации в мире не таких уж и временных; создавая и стимулируя международные интеграционные группировки, заключая межстрановые договоры, реализуя взаимовыгодные политико-экономические отношения, продвигая свое конструктивное влияние во все стороны, в особенности на Юго-Восток, Ближний и Средний Восток, поддерживая взаимоприемлемые отношения со многими странами, не исключая и страны СНГ.

Да — война с Западом, да — западные санкции, да — западная игра без правил, но при этом невероятные, но такие долгожданные со стороны России стойкость, твердость, отстаивание своих интересов, наступательные, причем не только реактивного, но и опережающего характера, «игроцкие» ходы: политические, информационные, эконо-

мические, военные, технические, геостратегические. Запад тревожится, негодует, бесится, но... fortuna нынче все-таки более с Россией, чем с Западом: таков всесильный, он же и магический, разворот *самого Бытия-Истории!*

Россия в целом справляется — и неплохо, надо заметить, справляется! — с большой геостратегической игрой, доведя начатую ею партию в позиционном, содержательном и перспективном планах до весьма обнадеживающего миттельшпиля, что позволяет сделать вывод о новом качестве России как действующего на мировой арене субъекта-игрока. Что, что, но *это* у нынешней России, судя по всему, получается!

Не то с внутренней — тыловой на сегодня — социохозяйственной игрой, а ведь в стране тоже идет немалая игра — за настоящее, будущее и даже прошлое (его трактовку), в которой участвуют разные субъекты-силы и силы-субъекты, как и просто силы как силы — вроде обстоятельств, стихий, процессов, случайностей, неизвестностей.

Внутри страны, как и на мировых просторах, тоже ведь своеобразное *казино*, где хватает всего: игроков, управителей, инициаторов, слуг, хапуг, мошенников, палачей, жертв, а главное — игры без правил, питаемой алчностью, блудом, деспотизмом.

Тут ведь не какое-то райское для населения убежище, скорее некое адовское прибежище, где в почете деньги, богатство, успех любой ценой, присвоение, коррупция, грабеж... да, конечно, уже не так, как в лихие 1990-е, но... увы... всё еще *сверх всякой меры*, — да и что еще может быть в пореформенном (созданном лукавой грабительской реформой) казино, если не это: игра без правил, нескончаемая схватка за блага, разъедающее беззаконие.

Но что особенно интересно, хоть и не особенно приятно: идет и вполне себе «казионная» игра... между властью и населением — на основе и в рамках пореформенной социохозяйственной системы, которая в общем-то никакая не система, а скорее — антисистема, ибо управляющая власть, хоть и старается иной раз что-то хорошее сделать, но либо в не очень-то управляемой ею среде, либо с не слишком адекватными стране задачами, либо явно «чужебесно» и вполне себе абсурдно, либо всего лишь некомпетентно, а главное — более всего служба, если уж это получается... самой себе, как и новым в стране большой собственности и кое-каких властей предержавшим, кровные интересы которых, увы, не очень-то совпадают не то что с народными, а даже и национальными.

Тут даже не противоречие между верхами и низами, а уже... *противостояние*, нет, конечно, не площадное, во всяком случае, пока,

а... воззренческое, поведенческое, духовное, одним словом — *метафизическое*.

Власть — одно, население — другое, — и никакие телеинтервью и телешоу ситуацию внутри страны не спасают и спасти не могут, в особенности с уклонением власти от возможности начать отход по итогам мартовских выборов от по сути и духу глобалической пореформенной системы (антисистемы) в пользу постреформенной системы, как более адекватной России, — что исторической, что нынешней, что будущей.

Власть решила не на переделку себя под коренную суть и текущие интересы России, а вместе с этим и на созидание новой, адекватной как раз самой себе России, а на дельнейшую переделку России под все тот же реформенный, в основе и в главном вполне глобалический, проект, т. е. переделку не себя под Россию, а *Россию под себя*, наступая на все те же, излюбленные отечественным правлением, грабли: не себя ломать под Россию, разумеется, новую Россию, а ломать Россию под себя, повторяя, что рюриковичей-византийцев, что Петра-европейца, что большевиков — мировых революционеров.

Ату ее — корневую Россию!

И что же в стране сейчас?

А сейчас наблюдается, может, пока не слишком явно выраженный, но все-таки... *кризис*, да не какой-нибудь там переходный или обычный экономический, а кризис самой *пореформенной системы*, ее *собственный кризис*, который на деле выражается сверху в *кризисе властных намерений* и в *кризисе властного управления*, а снизу — в *кризисе народного к власти доверия*.

Да, это *кризис пореформенной системы*, но вовсе не ее крах, — система жива и действует, однако в концепте своем она близка к полному банкротству: она то ли не захотела, то ли не смогла радикально измениться, а потому сама въехала в кризисное безвременье, когда никакие ссылки на безобразные 1990-е уже не выручают, — тут уж ее — пореформенной системы — собственное достижение.

Верховное правление рассчитывает на некоторое подправление социохозяйственной ситуации в стране и даже во властвующей системе, но... на основе, в рамках и усилиями самой этой системы, что очень напоминает те же николаевские (Николая I и Николая II), хрущевские и брежневские времена, а это, как хорошо известно из отечественной, да и зарубежной тоже, истории, чревато лишь углублением кризиса и переходом кризисной системы в неуправляемый режим существования.

Внутри страны, как мы видим, идет совсем другая большая игра, совсем иная тут разворачивается партия, отличный у нее и миттель-

шпиль. Какой же? Мало того, что остро проблемный, напряженный, неопределенный и рискованный, но и... страшно сказать... чуть ли не безысходный, что-то вроде шахматного *мата*, когда любой ход либо ничего не меняет, либо многое или все в партии лишь усугубляет.

Возникшая по итогам реформы и стабилизации пореформенной системы, административно-менеджеральная подсистема существует, действует, как и безостановочно бездействует, более всего ради себя, но никак не ради какого-то там населения, предназначенного для непонимания, послушания, эксплуатации, обирания, безработицы, самовывживания, обмана, издевательств, ну и для бегства за границу; точно так же бытуют и надзорно-охранительные органы, кроме разве МЧС, даже и неподсудные «независимые суды»; и наша медийно-развлекательная матрица такая же, хотя и имеет, как и везде во всем, какие-то позитивные исключения.

Если власть бывает в себе очень уж уверена и не считает нужным искать реальной, а не той же шоу-электоральной, поддержки у народа, то это, как когда-то выразился хитроумный Галейран, даже не преступление с ее стороны, а... *ошибка*, та самая роковая ошибка, которая дорого обходится всякому из правлений, как раз вполне уже в себя и в свою несокрушимость уверившимся.

Власть, даже самая авторитарная, неотделима от народа-демоса, даже самого, казалось-бы, пассивного и самой же властью изрядно... э-э... презираемого, ибо между народом-демосом и властью бытует мистическая — невидимая и безгласная — связь, причем как позитивная, так и негативная, причем направленная в обе стороны — либо такая связь, либо этакая — и что тут особенно важно: не власть вовсе питает энергией и силой народ, а народ питает власть, а потому не так народ мистически зависит от власти, хотя и немало от нее функционально зависит, как власть мистически зависит от народа — не так от действия народного, хотя и это бывает, как от его... *существования*. Плохо народу, когда власть уходит от него в отрыв и ему достойно не служит, но горе власти, которая, оторвавшись от народа, служит боле себе чем народу, ибо вовсе не власть, даже и церковная, благословляет по существу народ, а народ — власть, как, собственно, именно народ благословляет церковь, правящую партию, того же авторитарного вождя, а не наоборот.

Народ всегда бытует и всегда остается, как и та же Россия — бытует и остается, а вот власти и правления приходят и уходят, мало того — исчезают, как и навязанные ими не органично стране режимы.

И что же в России сегодня? А сегодня, что надо бы хорошенько осознать, не что иное, как кризис, да и явная бесперспективность для

России навязанного ей пореформенного режима, а потому и необходимо встать на путь *постреформенного перестроения*, вовсе и не возвратного к чему-то из прежнего, нет, а как раз устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по *концепту*.

Какой же *суперход*, во всяком случае открытый для публичного обозначения, намерено предпринять наше властное правление в развернувшейся в стране судьбоносной партии, чтобы не так даже преодолеть, как попросту смыть и забыть возникший в стране системный кризис, начисто переделав все и вся, всю российскую обыденность, все управление, все жизнеотправление, разумеется, кроме возникшей ответственности и всех властей предержавших.

Нетрудно догадаться, что вся надежда теперь у властей на *то-тальную цифровизацию* бытия, жизни, хозяйства, экономики, человека, сознания, интеллекта, когнитива, коммуникаций, не говоря уже о труде, производстве, потреблении, творчестве, технике, технологиях, — надежда, сравнимая с надеждами, если их не превышающая, на ту же христианскую веру, коммунизм (как учение прежде всего), на научно-технический прогресс, на электрификацию, индустриализацию, коллективизацию, химизацию, электронизацию (ЭВМ), на тот же глобализм, капитализм, на рынок в конце концов, а теперь вот на *всеобъемлющие цифровые технологии*, включая и *кибернейроповеденческие*, да с такой системностью, массивностью и дотошностью, что впору говорить не просто о *новой научно-технической революции*, а о **новой гуманитарной революции**, вполне и гибридной (человек+техника+цифра), сравнимой по силе и образу с неолитической революцией, когда произошла замена неандертальца на кроманьонца, с той лишь разницей, что нынешний «кроманьонец» — оператор-цифровик, он же и киборг, а вместо кроманьонского общества, сменившего неандертальское стадо, приходит оцифрованная матричная сеть.

Не случайно ныне приоритет в образовании и науке отдан математике, лишенной что материального, что идеального предмета, кроме голой когнитивной цифры, а фундаментальная наука, она же и по сути метафизика, в загоне, даже и во вполне осознанном притеснении, если уже не в гонении, ибо всё теперь сводится к количеству, числам, моделям — к цифровым скелетам, а не к содержательным, описываемым словами, «телам» и «душам».

Особенно ныне стало тяжело под прессом наукометрических лимитаций гуманитарной фундаментальной науке, всего ближе и полнее относящейся к метафизике, к слову, к переживанию и откровению, к мудрости, но при этом и к человеку с обществом, к сознанию, разуму,

когнитиву, психике, ноосфере, как и к трансценденции, ко всему тому, что призвано концептуально судить обо всем происходящем с бытием, жизнью, человеком, обществом, историей, идеологией, с той же наукой, с культурой, цивилизацией, государством, вообще со всем человеческим мирозданием.

Цифровизация, видно, нужна и явно неизбежна, но... *какая* цифровизация, с какой гуманитарной *мерой* и в каком предметном *воплощении*? Предпринимаемый в России, как и во всем мире, курс на цифровизацию всего и вся оправдан творческой (демиургической) историей человека, но насколько оправдана вполне возможная тотальная цифровая эсхатология, ведущая к *трансгрессии* человека и человечества во что-то *иное*, вовсе не обязательно, что человеческое? Не окажется ли новая гуманитарная революция самой настоящей античеловеческой революцией, в итоге которой уже не станет ни человека, ни человечества, ни Земли как космического ковчега спасения? Или же наоборот — всё у человека с человечеством, как и у Земли грешной, только начинается?

Кто ответит на эти и им подобные вопросы, пусть и не полно, не окончательно, но хотя бы с заботой о человеке и его будущем, ежели не гуманитарная метафизика, которую нынче если и не гонят взащей из университетов и академий, но к которой явно не спешат прислушиваться ни функционеры, ни даже ученые — денег она не приносит, степеней, должностей и премий тоже!

Вот вам, господа, и *российский миттельшпиль*, прямо посреди функционального игрового алгоритма и в смысловых глубинах сложнейшей экзистенциально-геостратегической партии, точнее, двух взаимоувязанных партий — внешней для России и для нее же внутренней, — и что интересно: вовне Россия разворачивает антиглобалическую игру — против однополярного мира за многополюсный мир, а внутри страны российское правление ведет вполне глобалическую игру, точнее, игру-то вроде бы национальную, по месту ведения, а вот по целям, механизмам и духу своему вполне себе глобалическую — за нового цифrogenного человека (may be — постчеловека) и новое, тоже цифrogenное — сетевое общежитие (may be — постчеловеческое).

Особенность сей игры, что игры вовне, главным образом с Западом, с США и Европой, хотя и не только — с бывшими и нынешними «союзничками» тоже, что игры внутри — с собственным населением, которое, как может, приспосабливается к глобалическим новинам, обороняется от них, избегает их и им сопротивляется, кое в чем им поддается, кое-чему идет навстречу, в общем — преобразуется, по возможности себя сохраняя, — так вот особенность сей игры в большой не-

определенности, как текущей, так и перспективной: во-первых, «что день грядущий нам готовит?», ибо *всякое* тут возможно, а во-вторых, чем же все-таки в итоге всё это станется — что в *эндишпеле*, что в самом уже *конце*?

В общем, хочешь, не хочешь, а «*русская рулетка*» тут: что *там* — вовне, что *тут* — внутри, хотя, быть может, вовсе и не русская, во всяком случае не только русская, ибо истории известны и другие «рулетки» вроде той же бонапартовой, но все-таки... э-э... *рулетка*, хотя, заметим особо: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!».

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Метафизика стоимости*

Аннотация. Долговременные метания экономических теорий и отрицание метафизики привели к ее возврату и победе. Метафизическая природа стоимости и неустойчивость экономики уже вызвали начало формирования нового мирового порядка.

Ключевые слова: экономическая теория, метафизика, стоимость, новый мировой порядок.

Abstract. Long-term movements of economic theories and the struggle opposite metaphysics are main reasons of metaphysics' victory and return. New world order's forming caused by metaphysics nature of value and economic instability.

Keywords: economic theory, metaphysics, value, new world order.

УДК 330
ББК 65

Долгое время исследования экономистов-теоретиков дрейфовали между двумя полюсами экономической мысли — от идей, восхвалявших рынок в его многочисленных модификациях, от свободного рынка либеральных фундаменталистов до рынка в смешанной экономике, управляемого и направляемого государственными институтами, до

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Метафизика стоимости // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 24—27.

марксистской парадигмы, предполагающей отмену рынка вообще — либо сразу, либо через некоторое время.

Несмотря на столь различные взгляды, приверженцев этих теорий объединяет игнорирование значительной и неизбежной роли метафизики в хозяйственной деятельности общества. Это обстоятельство выглядит тем более поразительным при историческом анализе мирового хозяйства, когда метафизическое начало хозяйственной деятельности выступало в качестве мощной направляющей силы, осуществлявшей проекты, влияние которых на экономику исчислялось веками. Достаточно вспомнить влияние строительства пирамид в Древнем Египте и ограничение христианством банковской деятельности в Средневековой Европе.

В чем причина долговременного и массового игнорирования экономистами этой могущественной силы? Как отмечает Н.Б. Шулевский, «уже Аристотель заметил, что у людей, видимо, есть прирожденная, хотя и противоестественная, ненасытная жажда денег, золота и серебра. И эта жажда постепенно становится основным законом самой жизни людей» [2, 19]. Фетишизация денег стала вытеснять метафизическое начало из хозяйственной практики, что не могло не отразиться и на экономической теории, эту практику изучающей. Постепенно стали происходить отказ от накопленного человечеством опыта и формирование экономики иллюзий. В России процесс низвержения метафизического начала с пьедестала экономической теории проходил не столь быстро и успешно как это имело место в «просвещенной Европе».

То, что метафизика прочно и добротнo обосновалась в хозяйственной практике нашей страны и в экономической теории, было далеко не случайным процессом. Сам факт появления России как геополитической реальности во многом носит метафизический характер: принятие Русью христианства и преобразование национальной элиты, неоднократное восстановление страны из небытия, многовековое упорное противостояние искажению христианского учения. В хозяйственной деятельности нашей страны доминировали особые, домостроительные начала.

Домострой не приемлет ростовщичества, спекуляций, паразитизма и праздности. В соответствии с Основными законами Государства Российского 1903 г. ростовщичество воспринималось как уголовное преступление [3, 38—39]. Основоположник отечественной экономической теории И.Т. Посошков в 1726 г. в «Книге о скудости и богатстве» отмечал — главное в хозяйственной деятельности поиск правды и рост морально-нравственного потенциала общества.

Подобные взгляды воспринимались на Западе как архаика и экономический романтизм, в России упорно и уверенно насаждались идеи отсталости отечественной экономической науки, что привело в начале XX в. к торжеству односторонней и разрушительной марксистской идеологии, окончательно изгнавшей метафизику и религиозное начало из теоретического осмысления хозяйственных процессов.

Хозяйственное, моральное, а затем и политическое фиаско марксизма создали благоприятные предпосылки для триумфального возвращения метафизику в экономическую науку и практику хозяйствования. В МГУ появилась новая экономическая школа — философия хозяйства, основанная и руководимая Ю.М. Осиповым. Философия хозяйства, упорно и непредвзято исследуя хозяйственную реальность, выявила колоссальное влияние метафизику на экономику XXI в. В своей книге «Экономика как есть» Осипов указывает, что «традиционная экономическая физика (а наука это и есть физика) стала уступать место постмодерновой экономической метафизике», а сама экономика при этом представляет собой, коллективный, упроченный трансцендентией мозг [1, 118—119].

Выявляя и анализируя эфирную, субъективную природу стоимости (а экономика — это стоимость [1, 12]!) автор книги приходит к выводу о неустойчивом и временном характере экономики как формы хозяйства, ее неизбежной смене принципиально иной формой хозяйственного устройства — техномикой.

Начавшийся в 2010 г. переход к новой хозяйственной системе подтверждает справедливость выводов автора книги. Глобальные процессы моральной, экономической, экологической и политической деградации выступают грозной предтечей будущего мирового порядка, а его форма, отношение к человеку будут во многом определяться тем, как скоро люди осознают значение метафизику в устройении хозяйственной деятельности и насколько успешно смогут сверять свои повседневные и долгосрочные действия с неумолимыми константами метафизического мира.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.
2. *Шулевский Н.Б.* Деньги—Логос—Инкогнито мира // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2008.

3. Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М.: ТЕИС, 2015.

References

1. Osipov YU.M. EHkonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Sudnyj den' ehkonomizma). М.: ТЕИС, 2017. 318 s.

2. SHulevskij N.B. Den'gi—Logos—Inkognito mira // Rossiya kak tsivilizatsiya deneg / Pod red. YU.M. Osipova, M.M. Guzeva, E.S. Zotovoy М.; Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. 2008.

3. YUdina T.N. Novyj Domostroj. Konstituiruyushhaya universal'naya perspektivnaya ehkonomicheskaya sistema Rossii. М.: ТЕИС, 2015.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Технос и Сфинкс*

Аннотация. В статье исследуются некоторые свойства, функции и цели техники. Выделяются субъектные, служебно-орудийные, субстанциальные, инфернально-метафизические, иномировые и глобальные функции техники, а также ее конструктивная роль в созидании мира Иного и в сохранении его хозяйственного и социально-культурного устройства. Рассматриваются участь, судьба людей в реализации каждой из указанных функций. Вывод — перспективы, проекты, шансы на самосохранение человек и техника имеют только в контексте философии хозяйства и софиасофского мировоззрения, только в контексте целостного метода — полилектики, работающих в исконной софийной мудрости Великой Неизвестности России.

Ключевые слова: техника, Россия, человек.

Abstract. The article investigates some properties, functions and purposes of the technics. The author emphasises subject, secondary and substantive, ifernal and metaphysical functions of the technics, considers the people's fate in realization of the specified functions. The article concludes that prospects, projects, chances of people's and technics' selfpreservation

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Технос и Сфинкс // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 27—47.

have in the context of philosophy of economy and sophiasophia outlook only, in the context of a complete method of polilektics only, working in primordial Sophia the Wisdom of Russia's Great Uncertainty.

Keywords: technics, Russia, person.

УДК 11
ББК 65в

Размышления над сутью, смыслом, эсхатологией техники полезно и архиважно, ибо в таком познании человек глубже сознает свой антропологический портрет, узнает, насколько сохраняет свою метафизическую меру, свою идентичность, свою адекватность миру Иному. Такие исследования являются гарантом жизнесохранения человечества, ибо Технос (техника, техничность, техническое) составляет не только внешнюю, но и внутреннюю, сущностную часть людей, да, пожалуй, и всех известных нам реалий. Все реалии — даже газы и виртуалии — вынуждены для самосохранения создавать для себя свою внутреннюю и внешнюю технику — своеобразные пространственно-временные координатии своих элементов, частиц, импульсов, смыслов, ценностей, кодов, шифров. Даже магические искусства не могут обойтись без особой техники, без техникоподобных инструментов, приборов; даже волшебство и сказочные события, чудеса содержат (или — держатся?) неведомую нам пока технику. И даже религии создают для своих очистительных и спасительных ритуалов тоже особые технические изделия, даже заводы строят для их производства.

Если присущая животным техничность делает то, что ей предписано биосом и бессознательным духом, то человек благодаря своей техничности изменяет среду, делая нужные ему вещи. Посему человек не просто часть природы, а владелец и слуга техноидей, посредством которых он осваивает природу, устремляясь в путешествие по морю-окияну в мир Иной. Внутренняя Технос-идея человека — первоисток его внешних изобретений. Техника есть вид проектирования и конструирования самого человека, но не на чисто органических основах, а на его идеях, которые реализуют себя во внешнем Техносе.

Человек рано почувствовал свою искусственность, природную «тюремность», что и движет его стремлением создать себе искусственного двойника, и с его помощью изменить заклятый мир, где рождаются лишь для того, чтобы умирать. И техника должна или помочь в решении этой экзистенциальной проблемы неандертальцев, или же ее вовсе отменить.

Поэтому не удивительно, что с первых же шагов человекоподобные существа утверждали себя посредством самых простых технических изделий (палка, копье, лук, сети, бумеранги, пращи, топоры, мотыги, лодки, рули и др.). В термине «технэ» (древнегреч. *techné* — умение, мастерство, искусство, искусственное) скрыт перводвижитель «греческого чуда», охватывающего почти все сферы их жизни. Технэ греки обозначали не только искусство и архитектуру, но и ткачество, труд гончара и плотника, земледельца, военное дело. «Технэ» обозначало работу человека (а не природы), «технэ» является деланием, а не познанием. «Технэ» опирается строго на умения, правила и каноны, хотя фантазия и опыт не отрицаются. «Технэ» не разделяет искусство на высокое и ремесленное, полагая, что все, сделанное человеком, может и должно быть прекрасным. Мастерство, присущее искусству, возможно в любом деле.

Но «технэ» — это и умное, добродетельное и свободное поведение, руководимое алетейей — незабываемым знанием, без которого жизнь теряет смысл, становится невозможной, и над которой не властны воды Леты. А само по себе «технэ» — благо двойственное, ибо оно зависит и от знания людей, и от самого себя, что чревато неожиданными благами и бедами. А потому целью, делом, плодом «технэ» (техники) должна быть не только польза, а прежде всего — обогащение человечности. Технику должна определять человечность, иначе возможен спонтанный алгоритм техносуицида бытия.

Но вопрос о сути, смысле и целях техники — это жизнесохраняющий вопрос всего человечества, каждой цивилизации и культуры. Древние империи, культуры и цивилизации открыли взрывчатые вещества, металлургию, кораблестроение, инструменты навигации, химию, строительство, письмо, бумагу, математический аппарат, элементарные технологии, которые могли дать старт техногенному развитию, но метафизическое чутье и традиция подсказывали им воздержаться от этого пути. Они применяли отдельные технические средства, но в целом не приняли технику, не сделали ее двигателем своей жизни, хотя необходимая азбука техногенной эволюции у них была. Но все же верность традиции, ограничение технологий не спасли эти цивилизации от их экономического, военного и геополитического порабощения Техносом Европы, которая делала их своими рабами, а то и вовсе — как племена доколумбовой Америки, Тасмании — их уничтожала, часто ради увлечений.

И лишь Западная Европа сделала технику основой и движущей силой своей рабовладельческой экспансии. Правда, есть еще легендарная Атлантида, которая создала уникальную техноцивилизацию. Ле-

генда гласит, что атланты беззаботно экспериментировали даже с гравитаций, что в итоге привело все их технотрудеса к гибели континента. Суть и судьба Атлантиды гипотетичны, а вот ее технократическая идея живет и продолжает дело утопшей Атлантиды. Ф. Бэкон написал трактат «Новая Атлантида» (см.: [1; 3]), в которой изображает общество техноатлантов, похожее на технократизм США. И блок НАТО взывает к всемогуществу техники, магия которой позволит ему властвовать миром. Магия техники сильнее Аида!

Но и создав посредством техники «общество всеобщего потребления» с высоким уровнем благополучия, став техносоциумом, Запад столкнулся с тем, что сама техника начала создавать свой искусственный мир, который требует искусственных людей, неведомой антропологии, а в итоге вообще не нуждается в двуногих. Техника, переходя в режим развития, отрицает естественность природы и человека, превращаясь в уроборосного монстра, способного к созданию технодьяволят, которые могут превзойти родителя своего. Совершенная и разнообразная техника Запада теснит жизнь, и люди подменяют первую сакральную заповедь: «Плодитесь и размножайтесь!» инфернальным императивом: «Наслаждайтесь и загибайтесь!». Сейчас этот «эликсир потребления» решили испытать Китай, Япония, другие восточные культуры¹.

А цивилизации, которые вначале ограничили технику, стали вассалами Запада и перед угрозой гибели были вынуждены принять техническую парадигму бытия, скрыто раболепствовать перед его величеством Техносом, служить ему сырьем, демографией, забыв мудрость техноограничений традиции или пытаясь ее как-то совместить с техногенным прогрессом.

Возникает цивилизационная неразрешимость. Техноограничения угрожают прямо (оружие) и косвенно (болезни) жизни, а зверь, спящий в человеке, ждет праздника великого поедания. Но и торжественное всемогущество техники превращает человека в технократического человеко-робота (Homo Faber), или заменяет его человекоподобным существом, или стремится избавиться от него, сделав сырьем инфернальной бездны. И без техники — беды и тупик, а изобилие техники делает человека излишним.

Каким может быть тот контекст, в котором техника откроет нам свои секреты, смыслы, цели и красоты? В каком контексте техника со-

---

¹ Правда, есть еще Африка, но жизнь не требует от аборигенов ни технического покорения природы, ни технократии, а требует лишь сохранять и защищать наличное хозяйствование на основе обильного ландшафта. Хотя участь народов этого континента вне технического контекста безотраднее.

гласна вступить в диалог с человеком, выразить свои скрытые планы и «замыслы»?

Почти все исследования техники дают лишь ее описание, трактуя ее в качестве средств удовлетворения потребностей и целей человека. Скорбят об экологических следствиях техники, уничтожающей естественную среду жизни. Иногда вспоминают Франкенштейна, прикончившего создавшего его технаря. Художественным обобщением этих представлений служит фильм «Матрица», в которой Избранный узнает, что наш мир является интеллектуальной иллюзией суперкомпьютера, все люди закабалены машинами, производя необходимую им для работы энергию. «Сознательники» скрываются и ведут «технизанскую» борьбу с машинами, сохранив умения самостоятельно входить и выходить из Матрицы, общаться с другими людьми. Главного героя, желающего освободить людей «Матрицы» от «свободы в клетке», убивает предатель, который соблазняет людей променять свою жизнь, свободу, разум и сознание на иллюзии блаженства в качестве машины в технической системе. Но выбор остается за машиной, поэтому человек должен смириться с машинным счастьем, забыв о небе и ценностях духа. Символ «Матрицы» представляет особую социотехносферу, призванную предотвратить общения бунтарей и пассионариев между собой и с окружающей техносредой.

Ну, допустим, Матрицу сломают, коды дешифруют! И что дальше будет делать человек? Ведь он продукт машины и может лишь выбирать между матрицами США, Лондона, Магадана, Сингапура и др. Нет, понять суть, смысл и цель техники можно лишь в таком социальном контексте, в котором техника будет слугой и сотрудником людей. Каков же этот контекст? Пожалуй, близко определил цель существующей ныне техники писатель К. Воннегут: «Над чем бы ученые ни работали, у них все равно получается оружие». Любая техника содержит в себе мину, ждущую своего времени. Мироздание в ужасе от гениальных ученых, не подозревающих о сути возмездия Техноса — главаря демонов!

Поскольку все начала наук, обществ, религий, земледелия, строительства были открыты мифами, то и первоисточки техники тоже нужно искать в мифах. Древние греки не «баловали» технику и ее изобретателей, подозревая, что в ней таятся не только блага, но и античеловеческие извращения, которые, выйдя из-под власти людей, могут погубить их.

Они не могли не заметить демонического аспекта своего «технэ». Жил в Древней Греции Дедал — никем не превзойденный мастер, изобретатель, техник, художник, скульптор, прямо-таки живое вопло-

щение «технэ» (изобрел пилу, топор, бур, проектирование, метод шлифовки мрамора и др.). Был у него племянник Тал, который начал вышаться над своим родственником, который из зависти убил Тала; но греки этого технического гения изгнали из страны (а зря!). Принял его царь Минос на Крите. А жена Миноса, Пасифая, «влюбившаяся» в быка, попросила Дедала сотворить для «влюбленных» станок, на котором из их зоосексигр родился Минотавр — чудовище с туловищем человека и с головой быка. Для сокрытия ребенка Дедал сделал критский лабиринт, из которого никто, попав в него, уже не мог выйти. Каждый год Минотавру приводили для царского питания семь самых красивых славянок и семь юношей греков. Дедалу это людоедство не понравилось, и он решил сбежать. Для побега с Крита Дедал сделал для себя и своего сына Икара крылья, на которых они улетели от царя и его извращенной царицы. Но Икар не рассчитал высоту полета, и жар Солнца разрушил крылья Икара, и он погиб. После трагедии Дедал сломал и всю свою технику, проклял себя, свои технические умения и тайно покончил с собой. Убийство, преступления, бездумное изобретательство, извращения человечности — вот что древние греки видели в технике, хотя не брезговали пользоваться этими ее аидными плодами.

Сфинкс — самая древняя статуя Земли, сохранившаяся до наших дней. Сфинкс — это воплощенная тайна, и главная загадка ее в том, для решения какой задачи давние люди создали именно такую полискульптуру. Суждения о Сфинксе вызывают споры у всех ученых, а в последнее время успехи электроники сделали загадку Сфинкса жизненно интригующей, затрагивающей смыслы нашего бытия.

Сфинкс стал символом то ли неведения, то ли запретного для человека знания. Ведь у Сфинкса голова мужчины и женщины, тело быка, ноги льва и крылья орла. Соединение этих элементов создает тайну в самой тайне, а кто желает узнать ее, тех Сфинкс «душит», когда человек без видимых воздействий гибнет. Даже греки считали Сфинкса хранителем опасной тайной мудрости: Эдип разгадал его загадку, но не до конца. Вначале на четырех ногах, затем на двух, в итоге на трех передвигается человек, а в самом... самом конце он не может передвигаться ни на чем, его передвигают уже без помощи его ног. Но Сфинкс пожалел Эдипа, невинно порочная жизнь которого бесследно растворилась в священной роще. Все же древняя мудрость позаимствовала у Сфинкса некоторые правила жизни: ценить непознаваемую тайну; желать — с умеренной силой льва; рисковать, имея крылья орла: молчать — с несокрушимой мощью быка.

Либералы-англосаксы считают Сфинкса инфермальным чудовищем, андрогинном, представляющим собой символ дикой власти и жиз-

ненно разврата, беспредельного неистовства, буйства желаний, которые могут опустошить даже мир пустыни. Но чудовище из Гизы пережило историю, ибо, видя сквозь времена, навсегда останется образом вечной всевидящей и всезнающей мудрости Великой Неизвестности.

И техника была для них воплощенным Сфинксом, способным порождать кошмары, вызывать неведомое и беспричинное безумие, облики разных реальностей, а то и вовсе создавать живые видения (образы и картины на экранах) и в то же время хранить в себе тайну, нести в себе мудрость Великой Неизвестности, ее Судьбы, загадочные, роковые и грозные послания роду человеческому. Техника и посредством техники смертные могут творить любые изделия, дела, события, но, что именно придает технике такую мощь и чем эта мощь может завершиться для людей, — такой вопрос страшил греков больше технических чудес, и они остерегались этой самозваной богини, готовой выполнять все их желания и капризы. Техника — Сфинкс, и тем верней своим искусом она губит человека, что тайный свой проект она раскроет лишь тогда, когда ей люди отдадут все свои мысли и силы жизни.

Мудрое и всестороннее понимание древними «технэ» европейцы сузили до уровня оружия и средств для различных благ. А основное назначение техники люди стали усматривать в полной замене труда машинами, хотя в эзотерических кругах, в науках пытаются сотворить искусственного человека. Технические модели искусственного человека (Ламетри², Голем) сопровождают всю историю двуногих, которые мечтают идти не только вперед к смерти, но куда-нибудь и в другие миры.

Феномен техники содержит в себе сакрально-человеческий, инфернально-дьявольский, любопытством интригующий, безумием маятящий соблазн, уходящий к древнейшим истокам сущего. Но созданная умом техника завела его в тупик: прогресс техники приносит блага, но... но уносит человечность. Техника безвозвратно уничтожает кислород, плодородие почв, водоемов, порождает у человека массу ненужных потребностей, принуждая его обретать бесполезные вещи, несущие ему деградацию и французскую деконструкцию, разрушающую инстинкт самосохранения.

Исчезает даже утопическая и антиутопическая литература, в которой сохранялся бы человек, хотя и пересотворенный, но существую-

---

² Для просветителя Ж. Ламетри человек предстает «перпендикулярно ползающей машиной, а человеческое тело — это заводящая сама себя машина» [4, 199]. Ну, и Просветитель! «Ползающую машину» собрался просвещать! В каких науках?

щие фэнтези ничего не предсказывают, а плодят сплошное инферночеловекомашиномоляйство, в котором нет малейших культурно-творческих прорывов духа и человека к мирам невиданным и небывалым.

Поэтому Сфинкс является символом понимания того, что в каждой реальности таится непостижимость, кантовская «вещь в себе». Таится непостижимое ядро и в технике, ибо полигибридная натура Техноса охватывает недоступный нам институциональный, временной и смысловой проект, утверждая к тому же еще и запрет на познание человеком всех возможностей и «замыслов» техники. Ведь Технос — плод и жертва европейской эпидемии гуманизма, человекопоклонничества. Человек желал свести все многообразие мира к своей мере, объяснить весь мир человеком, но в итоге это вездечеловечие вызвало отвращение к самому себе. И это отвращение он пытается преодолеть техникой, ее эволюцией и силой, хотя техника погружает его ум в еще более глубокое непонимание, которое может его и выпороть элейскими апориями и кантовскими антиномиями.

Но все же попробуем! Россию, как и Сфинкса, умом не понять, а вот ее софийная мудрость может приоткрыть ее тайны.

Наш анализ техники будет разворачиваться в тройственно-целостном контексте софиасофии, философии хозяйства и полилектики, которые рассматривают любой объект как видимо-невидимое светило, испускающее во все стороны смысловые лучи-проекты, оставляя смысловой горизонт открытым для иных размышлений. Софиасофское мировоззрение — это не обновление и не обогащение Логоса, а оно в свете Софии Премудрости дает иное понимание мира. Софиасофия сохранила исходный род познания, который приближает людей к пониманию мистерии Голгофы даже самой великой Неизвестности, от чего не уйдет и сверхтехника.

Выделим основные социально-экономические, орудийные, метафизические, субстанциальные, смысловые и эсхатологические лучи-ориентиры, в которых техника проявляет свою сущность и цель.

1. Техника, техничность (технэ) в качестве конструктивного самоустроения присущи бытию, миру, всем его реалиям. Техничность — это особые конструктивные умения, создающие из данного материала и условий новые реалии (орудия, инструменты, машины, автоматы, цивилизации и др.). В этом плане Техносу противостоит лишь игра, воображение. Технос является важной, но лишь частью любой целостной реалии Космоса.

Но чтобы эта техническая часть могла стать самостоятельным деятельным фактором целостности сущего, нужен субъект, который

сможет сделать технику творящей силой целого, изменить его, а в итоге стать на его место или разрушить, совершив техногенный суицид бытия и мира.

И такой человек-субъект — ростовщик — возник. Аристотель называл ростовщиками торговцев, которые заняты хрематистикой, т. е. безмерным накоплением денег ради денег. А поскольку бесконечность — это не реалья, а мертвая абстракция, то ростовщик и является подлинным субъектом этой мертвечины, посредством которой он будет влиять сначала на хозяйство и ремесло, затем возьмет в свои руки технический прогресс. Ученые, механики, изобретатели, художники, политики вряд ли признают и сегодня, что реально реализуют они волю ростовщика — самовозрастание денег как материи-сырца Ничто. И сам аноним-ростовщик вряд ли сознает итог своего дела, хотя... хотя зов бездны чувствует, надеясь укрыться от нее техникой, пытаясь из техники-части сотворить единое целое.

Вначале ростовщик промышленял мелкими операциями с долгами и должниками. Раб, скот, долги, ремесло плодят деньги, но ростовщик желал иметь такие рычаги, которые сделали бы его властителем мира. Техническая натура, взявшая в нем верх даже над его алчностью, жаждала другого. Даже долги властителей не давали гарантии бесконечного умножения денег, да и булат в любой миг мог открыть его подвалы и закрыть его лавки. И тогда ростовщик своим дьявольским чутьем увидел в бескорыстных инженерных и технических творениях мастеров источник власти над целостностью социума и решил подчинить их зримо-незримой власти своего капитала и его хозяина — Золотого тельца. Он как бы вселил в технику симулякр души, который подсказал ростовщику наилучшее достижение его целей — создать техническую систему индустрии. Тем самым ростовщик скрылся от возмездия труда за спинами буржуа, а техника стала умножать золото. Но порождаемые техникой и технологиями войны, голод, нищета масс требовали познать суть и смысл своего непосредственного властителя — Техноса.

2. Обычно люди используют технику как средство реализации своих желаний и потребностей. Но есть своеобразная «хитрость техники», которая удовлетворяет желания людей лишь в том случае, когда она сначала убогит ростовщика, а затем изымет у разума свои коммиссионные смыслы, сделав его умнее, расчетливее, но слабее и бессознательнее. Техника служит не только орудием, как и даже раб не приемлет статус средства. Любой предмет, любая реалья служат и средством для «другого», и существуют сами по себе по закону своей идентичности. А назначения любого средства — износ и разрушение. И техника помнит, что у нее тоже есть самобытие, и она решила тихо,

скрыто, иногда бунтарски искать свое самобытие, свою идентичность, свою цель — самоцель. Какую именно?

Телеологическая тайна техники скрывается в религиозных глубинах мысли. Так, на заре истории встретились Каин и Авель. Между ними сразу же началась борьба за власть. Кому жизнь дороже смерти, тот сгинет, кому свобода дороже смерти, тот станет господином. Каин победил, но он не убил пастуха и садовода Авеля, а сделал его рабом своих проектов и наслаждений.

Но господин, не подозревая, стал жертвой «хитрости труда». Погружаясь в безмерные наслаждения, он быстро деградирует, а труд учит раба, и он становится технически умелым человеком. А осознав ничтожество и паразитизм господ, он становится революционером. Но все же ни господа, ни бунтовщики не знают инициатора революций. Разорив аристократов, ростовщик отдал буржуа власть для эксплуатации «свободных граждан», а бунтарям дал умирающую с голода свободу. Французскую революцию делали ростовщики, ученые, разврат и коррупция аристократов.

А кто же будет работать, создавать материал-сырец наслаждений уже для свободных граждан? Выход нашли сами крепостные, из сословия которых выросло немало умелых, инженерно подкованных мастеров, которые и изобрели технику, призванную, по их мнению, искоренить рабство, паразитизм и сделать свободными всех людей. Увы! У техники свои планы. Ведь технику изобрело не свободное, а невольное, рабское сознание, и вовсе не для освобождения людей, а для их неявного тотального порабощения, чтобы они не отвлекались на разные там дары свободы, а работали на рост тука Золотого тельца и Ростовщика, попутно удовлетворяя нужды людей, а также порождая массу извращенных желаний, постепенно превращающих человечность в тук Золотого тельца. Поэтому Маркс назвал техническую эксплуатацию реальным подчинением труда капиталу, ибо индустрия скрывает от рабов их хозяев, не позволяя свести с ними счеты.

Отказ человека технического от вызова мудрости Великой Неизвестности неизбежно запускает апокалиптические алгоритмы истории, которые обладают мощным потенциалом и роста, и самоотрицания. В качестве средства техника стала основным источником и перводвигателем глобального ростовщика, создавшего суицидную экономику.

Но тут техника приготовила для ростовщика премерзкую «нобиле-закавыку», в которой он сам может стать дворником Аида. Дело в том, что любой предмет, любое существо, любая реалья обладают двойственно-полилектическими свойствами, служат и средствами, и располагают автономией-самобытием, и реагируют на условия. Нет

«чистых средств», как нет «чистых целей». Кантовский «человек-самоцель» исчез в мировых войнах. Так вот, непрерывное совершенствование техники-средства сделало человека-самоцель уже не соответствующим новым средствам; не соответствует им... увы!.. и ростовщик — заказчик и повелитель техники! Только техника-средство, превращаясь в самоцель, соответствует самой себе, а самоценные буржуа и люди, включая и растворщика, не желают быть средством, без чего неизбежна гибель такой чудной каннибальской цивилизации! А тут еще со всех сторон бьют молнии экологической апокалиптики. Ростовщик в панике — техника-средство становится единовластителем, превращая людей, включая и ростовщика, в средство суицида, а главное — техника отнимает у денег функцию самоцели, функцию денег вообще. Мир, жизнь требуют учитывать любую реалию в единении их орудийных и самосущих ценностей и функций.

Но это еще цветочки техники! Раз техника в принципе может удовлетворять все желания людей, особенно желание бесконечной свободы, то удовлетворить эту потребность может техника, подобно тому, как отравленные крысы погибают не от яда, а от неудовлетворимой жажды.

Ведь человек изобретает (конструирует, техницизирует!) свою жизнь, подобно тому, как создают трактор или самолет, хотя это конструирование составляет лишь часть жизни. Да, человека можно трактовать как особое техническое изделие, основанное на идейно-мечтательных и воображаемых началах, которые расширяют его свободу. Будучи всего лишь частью человека, внутренний техницизм его тела и мысли создает базу для внешнего изобретения цельного живоподобного техночеловека. Абсолютизация техноэлементов человека и природы сливает их в единую неведомую техническую реальность. И, будучи зависимой частью этой искусственной реальности, человек может действовать уже только как роботомашинное существо. Во всей существующей ныне технике покоится безумие создавших ее людей, не сознающих скрытых целей своих творений. Техника-средство поглощает цели человека, празднуя триумф средств над целями. Судьба всякого средства — износ, мусор или стать самоцелью, вытеснив человека в бездну. Техника-средство и кантовский человек-самоцель находят свою братскую могилу в матрице уробороса, где Технос становится «жизнью», а человек — его жизненным сырьем.

Странно, но человек не стремится удержать в узде средств технику, чтобы сберечь человечность, которую готов преобразить даже в «техновека», только чтобы найти в нем покой, блага и свободу от проблем. И отдельные части задуманного проекта — нового технического

мейнстрима — уже на ходу. Создаются био-нано-инфо-когнитивно-нейролингвистические спецэкологические технологии, которые ищут формы «сотрудничества». Все они объединены одной целью — создать новый носитель сознания, или даже искусственный мозг. Форсируется создание еще одной криптотехнологии — психоинжиниринга (см.: [3, 3—14]), конструирующего искусственные сознания, которые могут взаимодействовать с сознанием людей. Важно и кошмарно то, что психоинжиниринг стремится создать искусственное сознание без совести и морали, ибо именно эти свойства не позволяют сотворить полноценное искусственное сознание. Это технология особого типа: она перерабатывает сознание людей, но сама представляет inferнальный проект отверженной и униженной мудрости Аида.

Забавно! Аморальная техника, аморальные ученые желают создать сознание, которое невозможно без морали. В древнегреческом языке «сознание» содержит в себе совесть и добродетели. В европейских языках наука и техника почти устранили моральность сознания. Отсюда стремление создать более крепкое и подконтрольное искусственно-криминальное сознание, которому не будут мешать искусственные химеры совести и морали. Этот проект пожирает деньги, умы людей, несмотря на то, что термоядерный топор Раскольникова уже завис над ростовщической цивилизацией, исчерпавшей свою уже не нужную технике inferнальность, поскольку она фабрикуется самой техникой в избытке. Близок к мутации проект «Человек», а ростовщический проект экономики и даже саму жизнь мутируют в биотехнологическое Чудо-Юдо. Человеку атрибутивно присущи мораль, совесть, гуманизм, вера, творчество, а для техники-самоцели в качестве средств эти свойства излишни, вредны, мешают.

Сам Логос требует, чтобы техника обрела свободу и независимость от человека. Так, вначале техника служит средством человека; затем по мере совершенствования техника «желает» стать субъектным «другом» субъекта, который сам стремится принять это хитрое и коварное предложение; в итоге техника, действуя по своей «логике», скрыто, но неизбежно обращает уже человека в средство своего суицидного интеллектуализма. Выпаривая из людей (по их! по их желанию!) их человечность, она просто в силу своего техносамосохранения деформирует человека, превращает присущий ему элемент его техничности в целостное техносущество: то ли в живое, то ли в неживое, то ли в гибридное, то ли в никакое, то ли... кто знает во что? И человек не может отказаться от логики, по которой действует он сам, его техника и ее эсхатология. Сама логика делает человека неведомым средством

неведомых целей Техноса, который, не ведая того, творит себе, для себя и для своих техносят своего Хомоса.

Чисто конструктивное совершенствование техники может создать универсальную технологию, которая позволит осуществлять любые идеалы и проекты, а человека сделать магом-технарем. И человек может потерять все свои желания и цели. Ведь если человек может сделать все, то это равноценно тому, чтобы не делать ничего, стать никем, потерять свои идентичность и субъектность. Это значит — добровольно отказаться от жизни, поручив это непонятное дело всезнающим и всеумеющим машинам. («Я хочу быть 600-м “Мерседесом”, — заявил гимназист в Москве.)

3. Ведущиеся Техносом отставки человека, ростовщической экономики, паразитической цивилизации, экологическая апокалиптика говорят, вернее, молчат о многом. Это молчание свидетельствует, что техника-средство не только служит людям, но в ней ради неведомого — благого или, скорее, inferнального проекта — работают антисоциальные, антикультурные и античеловеческие факторы. В технике действует, по догадке М. Хайдеггера, негативная метафизика Судьбы, Ничто, которые принуждают человека посредством техники отрицать наличное бытие культуры и людей, требуя от них новых отрицаний ради инобытия. Активность этого метафизического перводвигателя Великой Неизвестности создала мир и человека, а теперь бросает им вызов. В этом вызове слышны грозные раскаты Судьбы, ее недовольство скрытостью своей сущности и непризнание людьми ее прав. И она дает человеку технику в качестве средства чтения звездных путей Ничто, для выведения его скрытости в формы бытийной явленности. Но Хайдеггер, сосредоточившись на разрушительных силах Судьбы, ничего не говорит о сути, смысле того мира, который желателен Судьбе, которого мудрость Великой Неизвестности послала человеку через «творческие» силы техники. Да и вряд ли немецкий метафизик ведал о небесном огне, ставшем карающей техникой.

Не только человек создает технику-средство для своих целей, но и сама техника использует технические дары людей для реализации проекта Великой Неизвестности, ее Судьбы, стремящихся стать полноценным бытием человека и благой метафизики России. Поэтому техника вынуждает человека принять вызов Великой Неизвестности и Судьбы, преодолевать границы природы и своей натуры, своей зверотехничности, следуя закону апокалиптической комедии мира сего.

Сама техника есть скрытая в нави часть целостного бытия, его сущей правды, которая таится в мире Ином через Меру его и умеренность. И эта глубинная скрытость бытия выводится в мир Иной только

технотворчеством человека, ибо в этом мире нуждаются не только человек и бытие, но и природа. И Великая Неизвестность, ее подруга — Судьба — тоже жаждут мира Иного, связывая с ним свои экзистенциальные смыслы и замыслы бытия. Техника воплощает двусмысленную беспокойную мудрость метафизики Великой Неизвестности, сама обогащаясь ее неизвестностью. А для этого техника-средство должна стать техникой-самоцелью, техно *causa sui*. И она это почти уже сделала. Стараясь посредством техники освободить себя, люди реально освобождают своих могильщиков. Известно, что мы живем в мире, в котором преобладает разрушение, а не созидание: теплота, свет, электричество, радиация, огонь — лишь продукты непрерывного распада материи, энергии расщепления атомов, плоды энтропии. Распад космоса идет неуклонно, а технологии — только преходящие формы этого распада. Абсурд, но все машины изобретаются с благими целями, но нет ни одной машины, которая бы не служила новому порабощению и оружию. Все машины изобретены для облегчения труда, а между тем культура и религии Золотым веком, Раем считают жизнь до машин.

Поэтому любая машина, созданная с самыми гуманными мотивами, сразу же работает на демонов алчности. Европейская индустрия породила суицидный эффект: Европа задыхается от обилия ненужных товаров, ищет для них рынки, и дело кончается мировой войной. В XIX в. в Европе демоны машин перестроили ее жизнь на свой лад, соблазняя ее дешевым комфортом, скоростью, увлекая ее на пути паразитизма и аморализма. Человек живет по закону техники-самоцели и ростовщика, совместно дрожа перед близкой карой. В технике скрыто возмездие метафизики за поруганные ею святыни, за незнание благого света мира Иного.

Сущее, бытие высказываются в мире человеком посредством поэзии, выражающей целостность бытия, и техники, выражающей его беспокойные части. Господство техники разрушает бытие, ум и сознание людей слабеют и теряют способность к пониманию. Упадок и хирение воображения (соответственно — поэзии) заметили уже древние греки: сравнивая всех своих поэтов с Гомером, они пришли к парадоксу исчезновения человека. Знаменитый Диоген в полдень при солнце с факелом искал человека, но находил лишь отребье, не делая исключения даже для Платона и Аристотеля. Подлинный человек — это поэт с полноценным (гомеровским) воображением; в этой способности заключены сущность и подлинность человека, ибо спасение во всех типах истории и жизни находит именно воображение, создающее, кстати, и новые проекты техники. Бесконечное совершенствование техники, преклонение перед нею ведет к иссяканию и отмиранию воображе-

ния и откровения. А ведь это первичные качества, создающие человеческие идеалы, в том числе и технические.

4. Но софиасофия признает технику и в качестве самостоятельного, творящего демиурга. Франкенштейн Шелли, человек-паук, люди-монстры, другие бестиарные персонажи, сам дьявол, чудовища, рожденные фантазией людей, — все это попытки бессознательного найти свою технику, «свое дожитие» хотя бы в качестве техносуществ. И при помутнении сознания людей при одновременном усилении искусственного интеллекта возможны самые кошмарные технические изделия, устройства, цивилизации, вплоть до технолюдей. В машинах «падут» демоны, которые, находясь в рабстве у одних людей, позволяют им превращать в рабов других людей, но в итоге возникает общее технорабство, которое вызовет апокалиптический бунт мира, суицидную оргию всех творений, техники и людей, превращение их в сырье-сырец бездны. Техника в руках людей тоже обретает «желание» стать человеком, духом, как и все другие реалии, застывшие на своих местах, но не забывающие об уме и сознании людей, о хаосе своем родимом.

Софиасофия, следуя великой фольклорной традиции, допускает наличие у техники внечеловеческого сознания, ума, благодаря которому печи с пирогами и пищей сами выезжают по заказам, ковры становятся беспилотниками, волки — арабскими скакунами, птицы — навигаторами и др. Поэтому человек не может быть полным владыкой не только природы, но и техники: здесь требуются способы сотрудничества разнокачественных сознаний, умов ради установления Меры мира Иного. Ни одна частица, ни одна вещь мироздания не приемлет рабства, плодотворно откликаясь на призыв к творчеству, к устройению мира Иного по заказу мудрости Великой Неизвестности, которая может расцвести Великой Софийной Иерофанией, самораскрытием миром всех своих тайн или же... Великой Бездной inferнального мрака пустых замыслов дьявола. Владыка бездны высказался в поэзии М. Волошина³, который ясно видел, что душой техники служат демоны — злые, бесцельные духи, ищущие свое Отечество!

---

³ «Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений чисел. Я счетчик. Я глава.
Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Но технике-самоцели тоже присущи своя эволюция, своя телеология, которая разыгрывает сегодня свою военную и апокалиптическую мистерию. Бесконечная алчность издыхающего ростовщика и аппетит Золотого тельца создали мир, в котором людям — капиталистам, ученым, культуре нет места, их эксплуатация чревата крушением системы паразитизма. Неоростовщическая экономика требует неочеловека, неменеджеров, неонауки, неокультуры, неовласти, а биометафизический человек не может и/или не желает развивать технику, вообще отказывается от непосильной ему человечности. И выход неопаразитическая цивилизация ищет в гибридных конфликтах и войнах. Неизвестно лишь, уйдет эта цивилизация одна или же потащит за собой в бездну все человечество.

Цели техники и людей расходятся все больше, хотя доминируют планы экспансии техники. А сущему бытию нужны общество и человек, которые трансцендентно соответствовали бы имманентной технике, которая присуща в качестве аспекта всем реалиям бытия. Ростовщик и адекватная ему техника исчерпали свой потенциал, хотя техника-средство сама по себе не может остановить свое развитие, превращаясь в технику-самоцель — автоматы, роботы пишут сами для себя программы, планируют и ведут боевые действия, делают операции, занимаются бизнесом и «сексом»⁴. Постепенно испаряется человечность и восходит зверотехнологичность. Техника сама по себе может при содействии человека создать собственную цивилизацию с абиологической жизнью, выставив при этом человека за свою дверь, подобно тому, как строители покидают созданный ими дом.

Но неоростовщик не ведает того, что однородность техники, включающей из себя человечность, порождает синдром inferнального инцеста, который губит эти системы и окружающих; они сеют прогрессирующее саморазрушение, порождая деградацию, патологию, ката-

---

Я слуг свобод. Создатель педагогик.

Я — инженер, теолог, физик, логик.

Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.

Я тот, кто кинул шарик планет

В огромную рулетку Зодиака!» (М. Волошин).

⁴ Так, большим спросом у женщин и мужчин США пользуются секс-роботы, которые составляют серьезную конкуренцию полу. Верх популярности захватил новый секс-робот по имени Генри, который выполняет не только сексуальные функции, но и беседует, приветствует гостей, обсуждает любимое телешоу или фильм. Не чужды роботу и романтика, поэзия, искусство. 71% мужчин и 50% женщин в США готовы заменить партнера секс-роботом.

строфы, утверждают жестокий расчет неживой материи, которая губит живое с помощью порочных желаний, комфорта, убивая любые желания и цели, заменяя их тупой покорностью гаджетам.

Отрицание, незнание и непонимание метафизических, метафизических истоков и назначения техники ведут к тому, что эта ее идейная часть начинает диктовать волю, направление, функции и телеологию техники, направляя ее на отрицание наличного земного мира и человека, на самоотрицание самой себя. Хотя сами люди полагают, что они создают посредством техники новый прекрасный мир без всякой метафизики и мудрости Софии, не видя и не признавая того факта, что техничность — это всего лишь часть целостности природы, человека, любой реальности. И попытка навязать волю части целому, миру Иному и мудрости Великой Неизвестности может завершиться только суицидной катастрофой. Целостность метафизического правосудия не оставляет природе и человеку никаких шансов на позитивную эволюцию.

Но каинистский выродыш знать не желает о двойственности всякого средства, не говоря уже о технике (техника — средство человека, а человек и техника — органы метафизики, ее власти, мудрости, институтов). Мудрость Великой Неизвестности (Судьбы) он заменил алчностью, идеологиями, религиями, науками, служащими, скрывающимися, и оправдывающими своей словесной тиной культ Золотого тельца, не видя inferнального савана, укрывающего мир мортидными миазмами.

Таким образом, трактовка техники как орудия ростовщицеской цивилизации, как средства целей человека, как реализатора метафизики, как самосушей субстанции не выявляет той онтологической задачи, для решения которой именно она вызвана из Великой Неизвестности, не раскрывает ее подлинной энтелехии. И техника, и человек, несмотря на все творимые ими чудеса, на все их противоречия и неразрешимости, в итоге создают искусственную реальность, в которой их ждет единая inferнальная могила.

5. Требуется найти ту единую космологическую, социальную, антропологическую, институциональную и духовно-моральную задачу, в решении которой техника должна участвовать в союзе с человеком, подчиняя свои экзистенциальные порывы, страсти общему делу. Русская софийная философия, софиософское мировоззрение, полилектическая методология, следуя фольклорным заветам «Иного Царства», видят это единое дело в созидании мира Иного, действительно требуемого Великой Неизвестностью. Технику не нужно ни отрицать, ни преклоняться перед ней, а нужно ее подчинять смыслу, ценностям и критериям Меры, поставить ее физику и метафизику на службу Мере. Это и

будет искомая Аристотелем энтелехия техники — созидать Мере, служить Мере, творить Мерой, быть Мерой.

Эта провиденциальная задача может быть решена только в России, которая сохранила софийную первоумудрость, выявила метафизику мира Иного — философию хозяйства, создала целостный метод мыслящего сознания — полилектику, обладает огромными запасами смыслового сырца для любых технических изделий и прорывов, продолжающих мудрость Великой Неизвестности. Техника — первоначало, средство и слуга Меры мира Иного. А смысловое первоначало открывается последним накануне гибели человека, неся ему код спасения — софиасофское мировоззрение⁵. Оно признает технику и как средство, и как слугу, и как партнера, но отношения техники с человеком завершаются не ее диктатом, не мутацией человека в голема, а преобразованием человека и техники в Мереу мира Иного, в котором и человек, и техника служат возрождению своих первоначал, их обогащению, выявляя и реализуя их творческую неизвестность.

Но сегодня человек технический в умном безумии отрицает природу, самого себя, мыслящее сознание. А в философии хозяйства, в софиасофии и в полилектике отрицание надежно контролируется смысловым «спецназом» Меры. Семя может сгнить, его могут употребить грызуны, оно может стать кашей (это уже вырыв зерна за свой удел!), но оно может стать и богатым урожаем, дать благие (неблагие тоже!) мутации, так и техника может разрушать, калечить людей, войти в режим апокалиптики, но может работать и в истинном режиме, близком к справедливости мира Иного. Судьба и участь техники, сохранение ее творящих сил и укрощение ее разрушительных сил гнездятся в мире Ином, растущем только в России, которая сама выросла из его первосемян. Именно Мера есть первоисток и перводвижитель культурного проекта России, ибо его последним обетом будет новое слово о человеческой свободе, укрощенной и оплодотворенной Мерой. Не произвол, не безмерность, не рабство человека, не бюрократизм и деспотизм законов, а творческая Мера, указывающая путь к мудрости Великой Неизвестности и к ее неведомым дарам, тайнам и знаниям.

Человека и технику ведет мудрость Великой Неизвестности и после их перемола может возникнуть *иночеловек (иносущество)*, который естественно будет сочетать в себе Мереу мира Иного, метафизические импульсы творчества, утонченную и полилектическую человечность, тайные откровения Великой Неизвестности, обогащенные свои-

---

⁵ «...Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (цит. по: [3, 8]).

ми неизвестными планами и проектами. Но может возникнуть и антисущество, занятое охотой на все-еще-людей, истреблением, согласно пророчествам, человеческого следа во Вселенной.

А человек уверовал, что мудрость Неизвестности он выверил числом, а звук и цвет проверил техники слепым сознанием, он верит, что техникой «просветил» (!) свет, а промысел стал для него всемирным тяготением вещества. Человек ищет удобство вычислений; а на звездном небе не может прочесть слова «вчера», «сегодня», «завтра», «никогда», «хана». В сути не зная ничего, он продолжает истязать планету и людей своим познанием. Нет выходов из лабиринта частных знаний, и человек не станет никогда Иным на крыльях техники без помощи Премудрости Софии.

Великие цивилизации со своими изощренными институтами и науками рушатся. Ложные знания и создания превращают в мусор своих создателей и их творения. Религии бесцельно кружатся в теологических дебрях. Наука никак не может взять барьер метафизики. Только университет русской философии хозяйства, только русское софиасофское мировоззрение видят и улавливают смысловой свет, который может показать человеку пути Великой Неизвестности. Сюда софийный орден России приглашает тех творцов техники, кто выбрал мудрость для пути в творческие университеты Великой Неизвестности. Иначе остается лишь путь технических мутантов, укравших имя «человек» и стремящихся создать то ли полигибридное существо, то ли придумать новый Большой Взрыв Вселенной.

Мир Иной — это не рай, не блаженство счастливого бытия, не вечная жизнь (без смерти жизнь неполноценна!) — это полнота и многообразие всех радостей и пороков людей, добра и зла, но все это многообразие упорядочивается, регулируется, контролируется, исправляется, просветляется, обогащается Мерой, которая делает жизнь людей осмысленной перед лицом мудрости Великой Неизвестности, ее манящих, чарующих, творческих хозяйственных проектов и перспектив.

Русское воображение и откровение видят в мире Ином не Царство Божье, не совершенный земной социум, а оптимальное общество, живущее в реальных потенциях Земли, Неба, мудрости Великой Неизвестности, которая медленно, но неуклонно пробивается в Россию. Ясно и очевидно, что это светлое и прозрачное ясновидение всех реалий Вселенной невозможно без активного и творческого содействия еще неведомой нам техники, работающей в унисон с разумом, сознанием и воображением во благо Меры.

В мире Ином человек в союзе с Техносом дьявола будет творить во благо людей, во славу Всевышнего, для веселья Софии Премудрости

и для новых проектов Великой Неизвестности, которая вовсе не исключает бед, горестей, несправедливости, но все они будут умеряться Мерой, которая будет сохранять целостность этого мира в оптимальном состоянии Великой Неизвестности, оставляя открытыми пути и для открытия новых радостей, благ, и для... нахождения новых несчастий и аномалий жизни. Рая не будет, но и Ад станет человечней, милосердней к падшим.

А техника сама по себе представляет герметическую замкнутость, из которой исключена мысль о мире ИНОМ, вообще о всяком нетехническом ином. И чем инициативнее, изобретательнее, чем аморальней и активнее Запад будет продвигать в мир технику и свои ценности, тем опаснее он становится для себя самого, ибо совершенствование техники идет рука об руку с изящным падением морали и с приятным разрушением человечности.

Величайшей угрозой (или благом, а может, и предназначением, судьбой) миру может стать и такой гипотетический вариант, когда безмерная технологическая демиургия человека разбудит, активизирует технические инстинкты, присущие миру и всем его реалиям. И тогда весь мир, все его многообразные формы будут стремиться стать техническими устройствами, однообразной конструкцией бездны, ее inferнальных полей, а материя станет просто технореальностью, в которой все уже сделано, а человек станет ненужным. Вернее, нужны будут только скелеты, тем более что скелетон уже есть.

Тысячи лет миллиарды людей в ярости бросаются с исступлением друг на друга под грохот, рев ликующих машин, чтобы найти неведомые радости в смертельных хороводах. Все новые и новые народы Поднебесной сбегаются на битву за место в гробу. Подобного хоровода никогда не ведала даже судьба, ее не видел даже хромосомный, электронный мир! Сама смерть настороженно смотрит на этот технобрейк.

Подлинное значение *русской проблемы* всегда задается провокацией, постоянным раздражителем — или нерешенным вопросом, большой угрозой. Мир Иной — смысловой ключ России, которая уже начала свою провиденциальную и софийную работу по его возрождению. Мир Иной — это концептуальное выражение и телеологическое направление всех бытийных, творческих и живых смыслов России.

Лишь русский дух, ум, сознание помнят все: они прошли живое крещение, и омовение пепси-кока-колой в мертвых водах Леты! А потому его софийной мудрости доступны небеса и мир Иной страдающей Судьбы; он охватывает, обобщает все сразу — и Россию, и ее конфликты, и ее вечно живы лица, трудясь и над самой собой. В нем тлеет боль чужих обид, а жутких мыслей и пороков ему ведома связь. Он и пастух,

и хищник, и пища, и лучник правды. В Техносе, как и в Сфинксе, есть своя загадка, разгадкой которой есть мир Иной, в котором человек сможет узреть свою исходную идентичность, ее первоисток и перво-двигатель. Мир Иной — это символ, который формирует подлинно русское жизненное пространство, символ неукротимой Победы Русской Судьбы и Русской Мысли, которых она никому и никогда не отдаст. Несмотря ни на что и вопреки всему!

Литература

1. *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1972. 582 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т. 7. М.; Л. 1934.
3. *Денисов А.А., Денисова Е.В.* Конструирование абстрактных сознаний // Информационные войны. 2013. № 1. С. 2—14.
4. *Ламетри Ж.О.* Соч. М., 1976.

Reference

1. *Behkon F.* Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1972. 582 s.
3. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. T. 7. M.; L. 1934.
2. *Denisov A.A., Denisova E.V.* Konstruirovaniye abstraktnykh soznaniy // Informatsionnye vojny. 2013. № 1. S. 2—14.
1. *Lametri ZH.O.* Soch. M., 1976.

М.М. ГУЗЕВ

От неолиберальной утопии к практическому гуманизму*

Аннотация. В статье раскрываются кризис либеральной идеологии на рубеже XX—XXI вв. и превращение ее в неолиберальную утопию, что является предвестником грядущих парадигмальных изменений в человеческом сообществе. Показывается: Россия оказалась в западне неолиберализма, что подорвало ее основы как самобытной цивилизации, но не уничтожило. Выход видится в переходе к практическому гуманизму как невозможной неизбежности, что обеспечит сохранение России.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гузев М.М. От неолиберальной утопии к практическому гуманизму // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 47—56.

Ключевые слова: неолиберализм, кризис, неолиберальная утопия, новая парадигма, Россия, гуманизм, самосохранение, невозможная неизбежность.

Abstract. The article considers the crisis of liberal ideology at the turn of the 21st century and its transformation into neoliberal utopia, that is a harbinger of upcoming paradigmatic changes in human society. It shows that Russia is trapped in neoliberalism that undermined its foundations as distinctive civilization, but didn't destroy. The way out of this is transition to practical humanism as impossible inevitability that ensures self-preservation of Russia.

Keywords: neoliberalism, crisis, neoliberal utopia, a new paradigm, Russia, humanism, self-preservation, impossible inevitability.

УДК 32, 330
ББК 65в

Либеральная идеология, захватившая постсоветское и постсоциалистическое пространство на рубеже XX—XXI вв., переживает кризис, и не только в новых рыночных странах. Свобода, рынок, равные возможности — все эти базовые установки либерализма в настоящее время подверглись такой эрозии, что можно уже говорить об их перерождении и превращении в свою противоположность: вместо свободы — открытое и тайное принуждение и закрепощение; вместо рынка — антирынок; вместо демократии и равных возможностей — классово-кастовая система организации общества. А «права человека», «суверенитет», «право народов на выбор своего пути» — все это не более чем иллюзии. Причем эти глобальные изменения происходят не по чьему-то злому умыслу, напротив, все идет в соответствии с законами самой рыночной системы, когда количественные накопления постепенно, раньше или позже, но неотвратимо, переходят в качественные изменения и к сбою в воспроизводстве либеральных основ. А это чревато обострением противоречий и возможным саморазрушением такого устройства общества со всеми вытекающими уже сегодня последствиями — катаклизмами и катастрофами регионального и мирового масштаба.

Время либерализма прошло — даже в одежде неолиберализма XXI в. Либеральная идея решает задачу экономического прогресса, и с его «побочными эффектами» долгое время мирились, потому что они не угрожали самим основам этого мироустройства. Эти побочные эффекты — 1) расчеловечивание человека; 2) перманентные войны;

3) расслоение на касты и нищета на фоне технического прогресса;
4) глобальные проблемы цивилизации.

О порочности общества, построенного на либеральных ценностях, было известно давно — об этом еще в XIX в. довольно точно написал Т.Дж. Даннинг: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы» (цит. по: [2, 770]). В этом и состоит историческая тенденция капиталистического накопления — создание самим механизмом реализации либеральной идеи условий для своего же саморазрушения, что было убедительно доказано К. Марксом.

Расчеловечивание человека и безграничная экспансия капитала, что является естественным и единственно возможным способом существования и развития рыночного общества, неизбежно приводят к разделу и переделу территорий, народов и государств. А значит, и к войнам. Это блестяще доказал еще в начале XX в. в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин: «Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию» [1, 373]. Вся практика реализации либеральной идеи в XX в. оказалась чудовищно убедительным и кровавым подтверждением этого вывода.

В XXI в. либеральная идея превращается попросту в неолиберальную утопию. Под утопией, как известно, понимается недостижимая идея, в частности, в общественной жизни, построение идеального общества. Коммунизм как недостижимая в XX в. идея хотя бы ориентировал на духовное в человеке, его высшее предназначение — познание и преобразование мира. Неолиберальная утопия — построение потребительского общества, основанного на рыночной экономике — ориентирует на первичные, по сути, примитивные потребности человека. Поэтому ни к какому прогрессу человека как человека, в полном смысле этого названия, неолиберализм не ведет.

Реальное содержание либеральной доктрины — свобода и кастовое благополучие для правящей элиты и несвобода и нищета для остальных — во все времена ее доминирования реализовывалось как внутри рыночных государств, так и в международных отношениях.

Современный неолиберализм здесь ничего нового не принес. Однако в XXI в. изменились общепланетарные условия для реализации данной идеологии. Мир стал мал для капитала, все стало похожими, «рыночными», а для интенсивной экспансии преградой выступает общемировая война — апокалипсис. Поэтому современная неолиберальная идея и практика подошли к своему логическому концу. Войны на рубеже XX — начала XXI в. (Афганистан, Югославия, Ирак, Ливия, Украина, Сирия, Йемен) и ускоряющаяся гонка смертоносных для человеческой цивилизации вооружений — это агония современного неолиберализма. Хотя неизвестно, какой конец готовит цивилизации неолиберализм — конец либерализма или конец цивилизации. Сверхзадача перед человеческим сообществом состоит не в том, как сохранить либерализм и либеральную практику, а как его устранить, не устраняя саму жизнь на Земле.

Кризис является предвестником грядущих парадигмальных изменений в человеческом сообществе: в экономике, социуме, политическом устройстве. Во второй половине XX в. мир перепробовал с разным успехом «Японское чудо», «Корейскую и тайваньскую модель», «Сингапурский эксперимент», «Европейское социальное рыночное хозяйство», «Шведскую модель», «Чилийский опыт», «Кубинскую систему», «Китайскую альтернативу», модель «Америка превыше всего» и многое другое. Но главное, что произошло в конце XX в. — это крушение мировой социалистической практики и распад ее главного материального носителя — СССР. С уходом СССР, на эйфории, делались скоропалительные выводы, что в конце XX в. завершился неудачный планетарный эксперимент и с исторической сцены ушел государственно-бюрократический социализм, а с ним — противоборство противоположных идеологий, холодная война и угроза ядерной катастрофы, наконец, наступила долгожданная капиталистическая гармония, и рынок все отрегулирует.

Но вот он, новый всеобъемлющий глобальный кризис, в который вовлекаются все новые и новые государства и народы. Какая непростительная наивность! Да дело не в уходе с мировой арены практического социализма, дело в природе неолиберализма, который не может существовать без экспансии, кризисов и войн. Потому и угроза ядерной войны никуда не ушла, противоборство двух идеологий здесь вторично. Ю.М. Осипов резюмирует: «Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы*, как *сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как *перманентно кризисная экономика*, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормо-аномальное состояние».

Экономика теперь — кризис, а кризис — сама экономика!» [4, 61].

Поэтому мировым трендом неизбежно становится уход от неолиберализма, переход к новому состоянию общества, экономики и цивилизации.

В этой связи, в аспекте общемировых тенденций развития общества на рубеже XX—XXI вв., представляется любопытным выбор России. Точнее не выбор, а навязанная извне и поддержанная внутренними компрадорами старолиберальная модель «развития». О том, чего хотели и что получили в ходе рыночных реформ в России, убедительно показали последние 25 лет российского бытия: вместо социального рыночного хозяйства — периферийный капитализм на обломках некогда мощного народнохозяйственного комплекса, вместо гражданского общества — авторитарный режим с гипертрофированной ролью бюрократии, вместо общества социальной справедливости — классово-антагонистическое общество. «Загнивание» либерализма обнаруживается повсеместно в современных развитых капиталистических (рыночных) странах, а также в неразвитых и в недоразвитых, где кроме перманентных экономических потрясений существуют и политический контроль, и репрессии против несогласных, и контроль над малотиражными (и многотиражными) СМИ, а также над интернетом, и демократия каждым понимается по-своему — как кому выгодно. Поэтому альтернатива для современной России, очевидно, состоит не в том, больше или меньше рынка и государства, а в ином — или либерализм, или постлиберальное общество! Что означает: либо выжить — с демократией или без нее, либо погибнуть, исчезнуть — поодиночке или всем вместе. Вот это настоящая развилка не только для России, но и человеческой цивилизации в целом. И все, что дает шанс выжить, полезно. Не смогли построить современное социальное рыночное общество или его в принципе уже невозможно построить, поскольку сменился вектор общемирового общественного прогресса? Скорее второе.

Какие еще нужны аргументы, чтобы показать бесперспективность и катастрофичность продолжения в России неолиберального курса? К.А. Хубиев констатирует: «За двадцать лет в предвоенные годы страна создала совершенно новую экономику на индустриальной основе. За послевоенные два десятилетия страна полностью восстановила разрушенное войной хозяйство, продвинулась в научно-техническом развитии, включая освоение космоса. Ничего подобного не произошло за последние два десятилетия после развала государства и проведения радикальных реформ. Исторически потерянное в научно-техническом, промышленном и аграрном развитии время» [9, 79—80].

Катастрофичность неолиберальных результатов в России — это катастрофа народнохозяйственная, социальная катастрофа, катастрофа духовно-нравственная, катастрофа интеллектуальная, это разложение элиты и вырождение правящего класса. Проявления всего этого многообразны и ежедневны. Как итог — авторитарный режим, основанный на неолиберальной утопии, не имеющий перспективы. А что же дальше?

Судя по результатам реализации неолиберальной утопии в России и наблюдаемым общемировым тенденциям, можно сделать общий вывод:

- неолиберализм как утопия второй половины XX в. нигде в мире не реализуется в чистом виде, напротив, на практике, неолиберальные идеи превращаются в свою противоположность;
- последние десятилетия в мире идет поиск новой парадигмы развития, сочетающей авторитаризм и либерализм в экономике и политике, но без особого успеха, если говорить об ответах на глобальные вызовы, перед которыми оказалась человеческая цивилизация в начале XXI в.;
- Россия под воздействием внешних враждебных и внутренних компрадорских сил («пятая колонна») оказалась в западне неолиберализма; навязанная России денежно-рыночная модель «развития» подрывала ее экономические, социальные и нравственные основы как самобытной цивилизации, но не уничтожила;
- неолиберальная концепция с доминированием финансовой сферы показала свою недееспособность не только в России: мир движется к постнеолиберальному обществу. К какому?

Ответ очевиден — он predetermined — это практический гуманизм.

Практический гуманизм как мечта. Истоки гуманизма восходят к эпохе Возрождения. В противоположность клерикальным взглядам на мироустройство и человека («раб божий») гуманистическая идея рассматривает человека как самоценность, а гуманизм как идеал, регулятор и ориентир для человека. Для гуманизма высшая ценность — образованный человек, в противовес необразованному («варвару»).

Достаточно назвать имена крупнейших гуманистов — Ф. Петрарки, У. Шекспира, М. Сервантеса, Ф. Бэкона, Э. Роттердамского; утопических социалистов — Т. Кампанеллы, Т. Мора, Р. Оуэна, К.А. де Сен-Симона, Ш. Фурье, чтобы понять, что за гуманистической идеей стоят самые лучшие и просвещенные умы своего времени. В России это М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, В.Г. Белин-

ский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен. И все же, это была в основном мечта — мечта об обществе, где люди живут в «Городе Солнца», и где человек станет универсальным мерилom ценности.

Практический гуманизм как наука. Превращение социалистической утопии в науку осуществил К. Маркс, впитав лучшие достижения гуманистической мысли, противопоставив гуманизму абстрактному коммунистический гуманизм. Коммунизм тождествен гуманизму, утверждал К. Маркс: «...подобно тому, как атеизм, в качестве снятия бога, означает становление теоретического гуманизма, а коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма; другими словами, атеизм есть гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия религии, а коммунизм — гуманизм, опосредованный с самими собой путем снятия частной собственности» [3, 637].

В литературе традиционно переход к коммунизму (гуманному обществу) трактуется как неизбежный результат социально-экономического прогресса. Это, так сказать, внутренний процесс количественного накопления изменений и перехода их в качественные изменения. Но кроме внутренней логики социально-экономического прогресса неизбежность практического гуманизма в XXI в. все в большей степени связывается с возрастанием значения внешнего фактора — либо самоуничтожение человеческой цивилизации, идущей по пути либерализма, либо практический гуманизм. Если успеем к нему перейти. Ведь исторический опыт XX-го и начавшегося XXI в. с железной логикой доказывает: капитализм — это война, религия — это война, частная собственность — это война. Ведь главное в гуманизации — это освобождение от эксплуатации (т. е. от капитализма), далее — это освобождение от труда как экономической необходимости. Свободный, всесторонне развитый, образованный и мыслящий человек — вот суть и цель гуманизации общества. Только это и может спасти человеческую цивилизацию. И Россию.

На пути к гуманизации общества не стоит пренебрегать опытом практического социализма, накопленного в XX в. Социализм — это начальная стадия движения к гуманному обществу, и естественно, он развивался методом проб и ошибок. Моральный кодекс строителя коммунизма, изложенный в Программе КПСС в 1961 г., в частности, включал такой принцип: «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат» [6, 120]. И соответственно ставилась задача: «всестороннее и гармоничное развитие

человеческой личности» [6, 120]. А что в противовес может поставить современное авторитарно-либерально-криминальное общество в России: разделение людей по религиозному, национальному и классовому признакам; стремление к богатству любой ценой; накопительство денег как смысл жизни; тотальную коррупцию; падение качества образования и здравоохранения; моральное разложение, разделение общества на касты? Поэтому социализм — это не прошлое, это будущее России.

Конечно, коммунизм *невозможен*, так как это противоречит всему предыдущему ходу истории человека, насыщенной борьбой за пространство, за ресурсы, за богатство, за жизнь. Но он *неизбежен*, поскольку он вытекает из всего хода развития истории человека, насыщенной борьбой за человека как разумное существо. Мы стоим на развилке: или коммунизм, со всеми его сложностями, или исчезновение человека (цивилизации). Глобальные вызовы способен разрешать только коммунизм в силу его гуманистической природы. Для капитализма они в принципе не решаемы. Природа капитализма не позволяет. Вспомним: «...нет такого преступления, на которое он (капитализм) не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».

Капитализму не нужен образованный, думающий человек, ему нужны по рыночному образованная «элита» и обездоленное, безыдейное, запуганное религией население. Это в полной мере относится и к современной России. А на глобальные вызовы может ответить только образованный человек, творец. Но если будущее общество по разным причинам сложно назвать словом «коммунизм», пусть это будет «практический гуманизм».

И каков путь к этому гуманному обществу в России? Известный политик и ученый Р. Хасбулатов полагает: «...неизбежна новая социальная революция, которая приведет к установлению социализма в очищенном виде, а нынешнее правительство своим непониманием происходящего создает для этого все условия. Как говорил Карл Маркс, революция — это повивальная бабка истории, которая сметает все барьеры в обществе и на какое-то время решает противоречия. Все клянут революцию, объявляют ей войну, а сами создают условия для нее» [8, 3]. Не вступая в дискуссию по поводу путей перехода к гуманному обществу, хотелось бы акцентировать внимание на особенностях российского мира. Мы не Запад и не Восток, утверждает В.Т. Рязанов: «...по своим главным параметрам Россия представляет собой самостоятельное цивилизационное устройство, которое взаимодействует и взаимосуществует в координации с другими цивилизациями своего ближайшего окружения» [7, 669—670]. И весь исторический опыт взлетов

и падений России, ее взаимоотношений с окружающим миром об этом свидетельствует.

Поэтому главное для России в настоящий момент — как можно скорее отказаться от неolibеральной утопии и обратиться к самой себе. Сейчас открываются новые возможности для построения гуманного общества в России. В развитых странах мира, на Западе и Востоке, постепенно приходят к пониманию, что неolibерализм — это анахронизм прошлого, потому и насыщают свои общества элементами гуманизма (социализма), а отставшим народам по-прежнему дарят неolibеральные фантики, которые помогают разделять и властвовать в мире.

После всех экспериментов в XX в., России, наконец, необходимо сосредоточиться на самой себе. Учитывая мировые тренды, главное сейчас — это самосохранение. Но самосохранение, не означает неизменность и консервацию, напротив, *самосохранение* может быть осуществлено только *через саморазвитие*, причем, на базе национального. Ю.М. Осипов убежден: «Россия идет, возвращаясь и обновляясь, к России, как раз к той, которая и может стать согласно с ее собственным проектом, который надо не так строить, как позволять ему самому, пусть и с оглядкой, строиться» [5, 17].

От этого базового тренда — *самосохранение через саморазвитие* — должны проистекать и цели, и задачи, и экономические стратегии, а также внутренняя и внешняя политика. Но это, одновременно, не самоизоляция, просто должно произойти смещение акцента: не гуманизация всего мира («мировая революция», «мировая социалистическая система»), а переориентация на гуманизацию собственной страны, создание всех условий для свободного и всестороннего развития граждан в России.

Литература

1. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 27. М., 1962.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1969.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
4. Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017.
5. Осипов Ю.М. Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 11—23.
6. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972.

7. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и Россия. М.: Экономика, 2016.

8. *Хасбулатов Р.* Клянут революцию, а сами создают условия для нее: [Электронный ресурс]. URL: <http://illive.ru/2017/11/21> (дата обращения: 23.11.2017).

9. *Хубиев К.А.* Социалистические перспективы современного экономического развития // Социализм: теория, практика, тенденции обновления в XXI веке. М., 2016.

References

1. *Lenin V.I.* Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma // Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. 5-e izd. T. 27. М., 1962.

2. *Marks K.* Kapital. T. 1. М., 1969.

3. *Marks K.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Marks K., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

4. *Osipov YU.M.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономики). М.: ТЕИС, 2017.

5. *Osipov YU.M.* Время тектонических перемен, или Мистерия танца мировых пирамид // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 11—23.

6. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972.

7. *Ryazanov V.T.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и Россия. М.: Экономика, 2016.

8. *Khasbulatov R.* Клянут революцию, а сами создают условия для нее: [Электронный ресурс]. URL: <http://illive.ru/2017/11/21> (дата обращения: 23.11.2017).

9. *Khubiev K.A.* Социалистические перспективы современного экономического развития // Социализм: теория, практика, тенденции обновления в XXI веке. М., 2016.

Р.Е. СОКОЛОВ

**Становление философии хозяйства
Евангелическо-социального конгресса***

Аннотация. Быстрое экономическое развитие Германии к концу XIX в. поставило на повестку дня социальный, или рабочий вопрос. Попытки его решения виделись, с одной стороны, в возвращении к старой системе сословного общества, объединяющего фиксированное подчиненное положение пролетариата с гарантией ему некоторого социального обеспечения — это был подход консервативных кругов, который объединял подавляющее большинство протестантских пасторов. С другой стороны, находился широкий спектр либералов, противостоявший классовому доминированию — этот спектр простирался от революции до постепенной эволюции с прямой государственной поддержкой ассоциаций рабочих. Либеральный и консервативный мейнстримы были представлены и в германском протестантизме, формируя публичный форум для обсуждений социальных проблем и путей их решений под эгидой Евангелическо-социального конгресса. Однако государственная церковь призывала свой клир держаться в стороне от политики, концентрируясь на вопросах душепопечения.

Ключевые слова: немецкий протестантизм, социальный вопрос, социальное государство.

Abstract. A rapid economic development of Germany to the end of the 19th century put on agenda a social or labor question. Attempts to solve it were seen on the one hand as a return to the old estate society order combining a fixed subordinate position of the proletariat with a guarantee of its certain social security. This was an approach of conservative circles, which combined the overwhelming majority of protestant pastors. On the other hand, there was a wide spectrum of liberals opposing to the class domination. That spectrum laid between a revolution and a gradual evolution with a direct state assistance to the associations of workers. Liberal and conservative mainstreams were present in the German Protestantism forming a public

---

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соколов Р.Е. Становление философии хозяйства Евангелическо-социального конгресса // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 57—65.

forum for discussion about social problems and ways to solve them under the auspices of the Evangelical Social Congress. The state church however appealed to its clerics to stay away from politics concentrating upon soul-care.

Keywords: German Protestantism, social question, social state.

УДК 21
ББК 65в

Данной статьей автор продолжает серию публикаций, посвященных феномену Евангелическо-социального конгресса (ЕСК). В этой статье речь пойдет о социальных идеях, распространившихся в Германии в XIX в., а также о формировании публичной платформы для их обсуждения и реализации в виде ЕСК [1, 118 — 128].

Социальные идеи в XIX в.: государство и протестантская церковь

Социальный кризис первой половины XIX в. и появление «пролетариата» инициировали интенсивную социал-политическую дискуссию, в которой поначалу центральное положение занял анализ причин и последствий, а также предложений по преодолению проблем пауперизма [7, 9].

В период принятия законов социалистов конфронтация между церковью и государством достигла наивысшего пункта. Радикальное изменение европейского общества в XIX в., вызванное духовно-политическим подъемом после французской революции и экономико-социальными последствиями промышленной революции поставило под вопрос определенный на Венском конгрессе политический и социальный порядок Германии. Политические устремления либеральной буржуазии к эмансипации, требования народного суверенитета и демократической конституции вылились в 1848 г. в мартовскую революцию. Даже государственно-церковный союз трона и алтаря, который вышел укрепленным из войн за независимость, стоял под огнем либеральной критики и должен был быть заменен разделением церкви и государства. После пробуждения религиозных чувств в «священной борьбе» против персонифицированного в Наполеоне принципа революции и вызванного этим движения пробуждения церковь намеренно ассоциировала себя союзником сословного общественного порядка, защищавшего христианское мировоззрение государства. В движении пробуждения пиетистские и церковно-ортодоксальные течения слились в христианский консерватизм, который впоследствии объединил церковь и

государство в строгом подавлении духа свободы. Протестантская духовность со ссылкой на Послание к Римлянам 13,1 из Нового Завета и политический status quo как форму государственного устройства, легитимированную божьей волей, делала преданность королю первой обязанностью хорошего христианина в качестве гражданина государства. Любое изменение в общественном организме, как и в политическом устройстве, рассматривалось как восстание против исторически передаваемых и этим освящаемых институтов власти [3, 73; 9].

Ультраконсервативную точку зрения представляли исследователь библейского Ветхого Завета Эрнст Вильгельм Хенгстенберг с его «Евангелической церковной газетой», и его самый близкий соратник юрист Фридрих Юлиус Шталь. Оба стояли на исключительно антилиберальной и антиреволюционной позиции, которая описывала учение о разуме времен Просвещения, растущее в революционном облике, как восстание против божественного порядка и как инкорпорацию сатанинского принципа. Этот теологически мотивированный политический консерватизм определял позицию немецких протестантских церквей во время и после мартовской революции. Требование разделения церкви и государства, которое перед революцией также поддерживалось церковными, особенно неолютеранскими и пиетистскими кругами, следовавшими идеям Шлейермахера, стало антиреволюционным направлением, но отступило за пропагандируемую Шталем идеологию «христианского государства». Так что союз трона и алтаря вышел из провалившейся революции еще более укрепленным. Требования пересмотра социальных отношений, вовлеченные сначала в политическое движение эмансипации и особо обозначенные лишь на второй фазе революции, рассматривались церковью как составная часть всего революционного комплекса и представляли как знак христианопротивности. Поэтому евангелические церкви намеренно поставили себя на службу «консервативной контрреволюции» и застряли в реставративном образе мыслей. Это реставративное направление определяло общественную обстановку и немецкую политическую жизнь до окончания Первой мировой войны и было причиной тому, чтобы рабочие отвернулись от церкви [3, 73 — 74].

Консервативные мыслители, чьи идеи коренились в политической романтике, хотели вернуть атомизированное общество середины XIX в. в более или менее модернизированный сословный порядок, в котором и нижний слой пролетариата нашел бы постоянное, но подчиненное место. Предложения были направлены на искусственную защиту аграрного общества ручного труда от развития индустрии, подчеркивалась необходимость вновь оживить благотворительную работу

церкви. Так, должен был быть исправлен моральный упадок рабочих, сокращена их нужда. Социальная и политическая потребность рабочих к эмансипации была отклонена. Наиболее значимая концепция по решению социальной проблемы с консервативной стороны исходила в Германии от социал-теоретика Лоренца фон Штайна, основателя понятия и теории социального государства [7, 9].

Штайн из своего анализа возникновения современного индустриального общества и пролетариата прослеживал необходимость революции или насильственного принуждения пролетариата к сохранению существующего порядка, а проведения радикальных социальных реформ и улучшения социального положения рабочих государственной властью. Социальное государство, в котором он видел будущий порядок Европы, должно было предотвратить не только насильственные конфликты. Оно предполагало единственную возможность сохранения свободы, которая была бы потеряна как при господстве капитала над трудом, так и при господстве труда над капиталом. Для Германии Штайн видел спасение в стоящем над классовыми противоречиями королевстве социальных реформ, которое должно было предотвратить классовое расслоение общества через социально-ориентированное управление достижениями субъектов хозяйства и установление социальных отношений, превосходящих стремление к реализации личных интересов. В его поздних трудах сильнее подчеркивалось активное содействие свободных объединений в обществе, союзов и самоуправляющихся организаций решению социальных проблем [7, 10].

Представления Штайна о социальном королевстве повлияли на Бисмарка через католика, социал-консерватора Германа Вагенера, который до своей отставки в начале 1873 г. был самым важным генератором социал(ьно)-политических идей и советником Бисмарка. Другим инструментом влияния на Бисмарка стал Теодор Ломанн, который был одновременно и ближайшим сотрудником, и противником Бисмарка в политике защиты и страхования рабочих. Такое влияние привело к реализации ранней социальной политики в прусском государстве и к формированию немецкого социального страхования [7, 11].

Если домартовские либералы исходили поначалу из идеальной картины профессионально-сословно бесклассового буржуазного общества на патриархальной основе, то Карл Маркс требовал устранения частной собственности на средства производства. Он настаивал на необходимости приведения в соответствие друг с другом производственных сил и производственных отношений, что, как он считал, должно было устранить эксплуатацию и отчуждение человека и в дол-

госрочном периоде преодолеть любую форму классового господства. Результатом этого стало бы государство бесклассового общества. Риттер возражает Марксу, указывая на необходимость преодоления отчуждения человека через его работу, а не через изменение порядка отношений собственности [7, 11 — 15].

В противовес Марксу Фердинанд Лассаль, который с основанием «Всеобщего немецкого рабочего объединения» в 1863 году стал предтечей и первым вождем социал-демократической партии, перенимая идеи Гегеля, рассматривал государство как двигатель прогресса и средство для воспитания и развития человечества в свободе хозяйствования. Хотя он отклонял существовавшее при нем государство как инструмент классового господства. Как показывают его контакты с Бисмарком, во время отчаянных дебатов правительства с либералами в прусском конституционном конфликте в начале 1860-х гг., он какое-то время склонялся к идее социального королевства Штайна. К тому же, после предоставления всеобщего права голосовать на выборах мужчинам, Лассаль надеялся сделать существовавшее государство, которому, с его точки зрения, следовало финансово поддерживать основание производственных товариществ рабочих, инструментом изменения общественного и экономического порядка [7, 16].

В итоге немецкое рабочее движение захлебнулось в дискуссиях о том, что государство как орган господствовавшего класса могло быть устранено только через революцию, и надеждой на то, что это государство с помощью политических и профсоюзных рабочих организаций через долгосрочные реформы могло трансформироваться в социальное ангажированное демократическое немецкое народное государство [7, 16].

Что касается положения дел в немецкой евангелической церкви, то Томас Ниппердей описывает перелом веков как переход от традиционализма к современности, который назревал уже в течение трех десятилетий, хотя преобладание консервативного мышления было характерной чертой пасторов в немецком протестантизме: 80% пасторов не принадлежало либеральному крылу. Однако к концу XIX в. сокращается количество воцерковленных людей, богослужения посещаются все меньше, хотя идея атеизма широкого развития не получила. Люди в большинстве своем сохраняли номинальную церковную принадлежность, хотя количество людей, покидавших церковь, росло. Это объяснялось плюрализмом мировоззрений в городах и «расколдовыванием» мира, как писал Макс Вебер. Термин был введен Вебером в 1913 г. в двух его работах. В первом проекте своей будущей работы «Экономика и общество...» расколдовывание означало, что интеллектуализм вы-

теснил магию. Во второй работе «Экономическая этика мировых религий...» расколдовывание представлялось продуктом аскетического протестантизма. В свою очередь секуляризация подняла на повестку дня такие вопросы, как роль государства в народном хозяйстве, национализм, наука и социальный вопрос [4, 309 — 310; 10; 11].

Немецкоязычные протестанты вели дискуссии о будущем рейха с начала его основания в 1870 — 1871 гг. на всех социальных уровнях. Они были представлены двумя крупными течениями: консервативным и либеральным протестантизмом. Консервативный протестантизм соединял в себе радикальную критику секулярной веры в прогресс, либерального принципа индивидуализма и теоретических основ социальных последствий капиталистической экономики с критикой современности. Причем протестантская вера в трон и алтарь должна была связываться только с лояльностью к немецкой нации. Это происходило через национализацию протестантского консерватизма. Но начальные потуги создать «новый евангелический рейх немецкой нации», как это представлял Адольф Штокер, провалились на фоне реальности конфессионального положения и размера секулярного государства в кайзеровском рейхе [5, 63 — 64].

Либеральный протестантизм с Фридрихом Науманом и Адольфом фон Гарнаком быстрее и интенсивнее принимал национальный рейх. В своих широкоразветвленных сетевых комитетах и центрах активности теологи и пасторы либеральных направлений в первую очередь во времена культурной борьбы (1871 — 1887) и законов социалистов (1878 — 1890) активно искали союзников и соратников. Они объединились с национально-либеральными историками, с философами, экономистами, юристами, социальными политиками и профсоюзами сначала в «Евангелический союз», основанный в 1886 г., а затем в 1890 г. в ЕСК. Их религиозные и политические задачи сводились к объединению реформатско-протестантской идеи культуры и современных тогда концепций немецкой нации и общества [5, 64].

Евангелическо-социальный конгресс (ЕСК)

Ведущей организацией, которая обсуждала возможные направления реформирования социальных условий в рамках немецкоязычной протестантской теологии, стал ЕСК. Его основание пришлось на май 1890 г., когда указы кайзера и воззвания земельных церквей называли на нагнетание социальные проблемы и призывали к их совместному решению. Они были нацелены на возвращение рабочего движения, попавшего под социалистическое влияние, государству и церкви. И это возвращение казалось необходимым, поскольку законы социалистов не

смогли уничтожить социал-демократию. Основными заботами ЕСК были приведение в соответствие с Евангелием существовавшее социальное устройство, а также попытка демонтировать укоренившуюся в общественном сознании уверенность в том, что церковь является инструментом сословного, или классового, государства. ЕСК считал, что церковь должна была вносить свой вклад в дело преодоления глубокой общественной дезинтеграции. Велись поиски возможности междисциплинарной работы и доступа к общественности с тем, чтобы на основе публичного диалога и современного тогда понимания права найти пути выхода из социального кризиса, который был инициирован идеологическим и экономическим разделением общества. ЕСК, как было сформулировано в его уставе, принятом в 1891 г., преследовал цель беспристрастно оценивать социальное положение народа по шкале нравственности и религиозных требований Евангелия и претворять свои предложения в жизнь и хозяйственную практику [6, 198; 8, 144 — 145].

ЕСК объединил историков, юристов, экономистов, социальных политиков и теологов на основе регулярных ежегодных встреч и обсуждений предложений по реформированию социально-экономического положения в рейхе. Президентами ЕСК были экономист Моритц Август Ноббе (1891 — 1902), теологи Адольф фон Гарнак (1902 — 1912) и Отто Баумгартен (1912 — 1920), юрист Вальтер Симонс (1925 — 1936, бывший министр иностранных дел рейха и президент имперского суда) и пастор из Лейпцига Йоханнес Херц (1936 — 1945). В области церковной политики Нотмайер ставит на первое место Штокера, а Гарнака — на последнее, поскольку Гарнак долгое время не соглашался участвовать в работе ЕСК [6, 189 — 211].

Шелия видит три достижения ЕСК: во-первых, введение термина «человеческое достоинство», во-вторых, формулирование специфических социально-политических требований и, в-третьих, политическое сближение с социал-демократией. Генеральный секретарь ЕСК, теолог Пауль Гере различал две главные тенденции внутри ЕСК. С одной стороны, находилось социально-этическое направление, выступавшее за формирование национальной экономики и занимавшее евангелическо-социальную позицию. Эта позиция подразумевала активное социально-политическое вовлечение в церковную проповедь, душепопечение, а также благотворительную общинную работу. Гарнак был для Гере хорошим примером этого направления. С другой стороны, было направление, концентрировавшееся вокруг Штокера и Науманна, для которых такая работа была недостаточной, поскольку «евангелическо-социальный» было для них политическим, социально-политическим

понятием. После того как Штокер покинул ЕСК, эта группа поддерживалась в основном Науманном [8, 145 — 147; 2].

На первой фазе своей работы — до 1895 г. — ЕСК постоянно поддерживал и выступал за новый правительственный социально-политический курс, предлагавшийся и проводившийся прусским министром торговли фон Берлепшем. В то же самое время, не позже чем в 1892 — 1893 гг., появились первые тенденции к расколу, которые в итоге привели к коллапсу ЕСК. Такие тенденции частично просматривались уже с 1890 г., но критическое влияние оказали только в 1895 году, когда ослабли и всеохватывавшая социально-политическая эйфория, и поддержка ЕСК правительством и церковным руководством. ЕСК страдал от нестабильности из-за конфликта между консервативным Штокером и либеральной теологией Гарнака. Кроме того, даже более взрывоопасным казалось растущее отчуждение между так называемыми старыми теологами круга Штокера и молодыми христианами-социалистами вокруг молодого тогда клирика Науманна. Штокера и Науманна разделила оценка социал-демократии. Науманн описывал социал-демократию, с одной стороны, как первую великую евангелическую ересь, но с другой стороны, как успешную историческую манифестацию недостаточного ответа церковных реформаторов на вопрос мирского идеала христианства, а именно прогресс в создании земного счастья. И, поскольку условия того времени в виде правоотношений собственности и деления на классы не обеспечивали достаточного разрешения социальных противоречий, социальная демократия, с его точки зрения, имела все права затронуть эти вопросы. Таким образом, молодые христианские социалисты начали высказываться против политического консерватизма, что угрожало финальной консолидации Штокера с «Немецкой коммунистической партией». Если в 1890 г. ЕСК поддерживался большинством консервативных, то позже они начали отворачиваться от него [6, 200 — 204].

Различные решения социального вопроса, предлагаемые ЕСК, привели к расколу социального протестантизма. Официальная церковь под руководством Высшего церковного евангелического совета земельной церкви старопрусского союза в 1895 г. увещевала своих пасторов сконцентрироваться на благотворительной работе и держаться подальше от политических предложений по реформированию экономики и государства. Сам кайзер считал соединение христианских и социалистических воззрений нонсенсом и этим стимулировал выход консервативных религиозных кругов из ЕСК. Под предводительством Штокера они в 1897 г. создали организацию под названием «Свободная церковно-социальная конференция». Однако ЕСК продолжал работать

с ведущими умами эпохи над реформами экономической сферы и государственной системы [8, 145 — 146].

Литература

1. *Соколов Р.Е.* Философия хозяйства германского протестантизма // Философия хозяйства. 2018. № 1.
2. *Goehre P.* Die evangelisch-soziale Bewegung, ihre Geschichte und ihre Ziele. Leipzig: Fr. Wilh. Grunow, 1896.
3. *Grauvogel G.W.* Theodor von Waechter: Christ und Sozialdemokrat, ein soziales Gewissen in kirchlichen und gesellschaftlichen Konflikten. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994.
4. Jahrhundertwenden: Endzeit — und Zukunftsvorstellungen vom 15. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von Manfred Jakobowski-Tiessen et al. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999.
5. Le milieu intellectuel protestant en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871 — 1963) / Etudes réunies par Michel Grunewald et Uwe Puschner en collaboration avec Hans Manfred Bock. Bern: Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2008.
6. *Nottmeier Ch.* Adolf von Harnack und die deutsche Politik 1890 — 1930: Eine biographische Studie zum Verhaeltnis von Protestantismus, Wissenschaft und Politik. Tuebingen: Mohr Siebeck, 2004.
7. *Ritter G.A.* Soziale Frage und Sozialpolitik in Deutschland seit Beginn des 19. Jahrhunderts. Opladen: Leske + Budrich, 1998.
8. *Scheliha A. v.* Protestantische Ethik des Politischen. Tuebingen: Mohr Siebeck, 2013.
9. The Holy Bible: English Standart Version. Wheaton: Crossway Bibles, 2007.
10. *Weber M.* Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Konfuzianismus und Taoismus. Schriften 1915 — 1920 / Ed. by Helwig Schmidt-Glintzer. Tuebingen: J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), 1989.
11. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft: die Wirtschaft und gesellschaftlichen Ordnungen und Maechte. Nachlass Teilband 2: Religioese Gemeinschaften / Ed. by Hans G. Kippenberg. Tuebingen: J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), 2001.

References

1. *Sokolov R. E.* Philosophy of Economy in German Protestantism // Philosophy of Economy. 2018. No. 1.

||

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

И.Е. РУДАКОВА

**Поведенческая экономика — новая мода
или новая парадигма?***

Аннотация. В работе обращено внимание на ключевые характеристики поведенческой экономики, которую, по мнению автора, можно рассматривать в качестве нового раздела фундаментальной экономической теории. Новое направление в теории есть отражение фактического изменения положения человека, его роли в цифровой экономике. Цифровая экономика предъявляет новые требования к когнитивному потенциалу человека. Ортодоксальная теория стоит перед вызовом, что и определяет задачи ее дальнейшего развития. В статье показаны связь экономического поведения человека и его психологии, а также важность учета такой связи при составлении прогнозов.

Ключевые слова: цифровая экономика, поведенческая экономика, вызовы, новая парадигма.

Abstract. The article focuses on the key characteristics of behavioral economics as a new section of economic theory. This new direction in the theory reflects actual change in human conditions, his role in digital economy. Digital economy imposes new requirements on cognitive potential of human being. Conventional theory faces the challenge, which in fact determines new tasks of its further development. The author reveals relation between human economic behavior and his psychology as well as importance of recognition of such relation when making forecasts.

Keywords: digital economy, behavioral economics, change economic environment, new paradigm.

УДК 330
ББК 65

Постановка проблемы. Вопрос о природе современного хозяйства время от времени поднимается в экономической литературе, по

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рудакова И.Е. Поведенческая экономика — новая мода или новая парадигма? // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 69—80.

мере того как кардинальные изменения меняют облик экономического мира. Индустриальная и затем постиндустриальная, инновационная экономика, креативная экономика, экономика—4.0 и одна из последних новаций — цифровая экономика. Научная мысль ищет что-то новое относительно природы хозяйства, но пока новизна зачастую сводится к поискам «нового» названия и наполнению его некоторым «новым» смыслом, подсказанным скорее литературными (описательными) соображениями, а не обобщением реальных сдвигов в экономическом мире. В соответствии с этими усилиями формируются и теоретические взгляды, претендующие на образование новых разделов в массиве экономических научных суждений.

События последних десятилетий образуют действительно реальные сдвиги в экономической материи, позволяющие говорить о новой качественной эпохе в состоянии экономической реальности под влиянием массового распространения цифровых форм экономического обмена, изменения роли человека в экономическом процессе.

Цифровизация экономики требует нового мышления для понимания происходящего. Теоретические обобщения изменений в современной экономической науке это, на наш взгляд, не «добавления, дополнения» к уже сделанному, не внедрение «новаций» в прежние экономические системы, не синтез «прежних» и «новых представлений», но *новое мышление* об экономике, о происходящих в ней процессах, управляющих механизмах и формах жизнедеятельности. Фактически осмысление происходящего требует новой парадигмы, в которой по-новому выглядит предмет исследования, применяется иной метод.

Современное представление об экономике, хозяйстве, хозяйствовании немислимо без понимания (определения) ключевой роли человека. Теоретические версии экономики, сквозь которые прошла наша наука, отражают значительные изменения экономической реальности — роль человека, влияние его деятельности на окружающий мир чрезвычайно выросли, что связано с рядом новых явлений в современной экономике, среди которых наиболее значимое — *тотальная цифровизация*.

Практически все связи и коммуникации в экономике, представленные в цифровом виде, существенно изменяют и роль — положение, функции — человека. Появление новой технологии, ее распространение и использование суть функция информации, доступ к которой всегда был сложен или из-за отсутствия (неразвитости) технических средств связи, или из-за искусственных препятствий. Информация в развитой индустриальной экономике в качестве важнейшего ресурса была объектом монополизации. Ограничение доступа к информации

создавало преимущества для владельцев инфраструктур, давало возможность использовать исключительные преимущества обладателям определенных сведений для получения экономических выгод¹ [1, 2001]. Одно из наиболее распространенных практических ограничений на информацию — коммерческая тайна. Информационный ресурс был ограничением, влиявшим на возможности человека в создании ценностей.

В цифровой экономике лавина информации и более легкий доступ к ней (благодаря новым цифровым технологиям) выявляют роль ограничений *другого типа* — способности человека освоить новый объем информации (классифицировать его, определить категориально, квантифицировать его составляющие и структуру, понять смысл ресурса и возможности его применения на практике и т. п.). Эти задачи предъявили новые требования к когнитивному потенциалу человека, который, в свою очередь, определил и модели поведения. Теперь ограничениями становятся индивидуальные способности человека. В цифровой экономике значение свойств индивида выходит на первый план. Эти качественные события современной реальности пока не нашли должного отражения и оценки в экономической науке, что сказалось драматическим образом на прогнозных возможностях теории. Связанные с этим ошибки прогнозов, неточные оценки экономических событий, не учитывающие роли психологических моментов (предпочтений людей, их восприятия окружающего, отношения к происходящему), вызывают острую критику в адрес современной экономической науки. Эта критика часто объясняет неудачи прогнозов тем, что современная экономическая наука отходит от прежних принципов классической (в особенности марксистской) экономики. Критики не связывают слабость экономических исследований с недооценкой человеческого фактора в природе современной экономической системы и в механизме ее функционирования.

---

¹ Подобное ограничение было теоретически осмыслено, в частности, экономистами и послужило основанием ряда фундаментальных макроэкономических теорий. Так, теория асимметричной информации Дж. Акерлофа дала основание модели несовершенного рынка — «рынка лимонов». Основу для изучения эффектов несовершенной информации — неблагоприятный отбор и моральный ущерб. Неопределенность информации и стремление максимизировать результат породили теорию игр и соответствующие модели стратегического поведения игроков (наиболее известная модель — «дилемма заключенных»). Неравномерное владение игроками рынка информацией повлияло и на теоретическую трактовку функции рынка, вызывая сомнения в совершенстве механизма «невидимой руки».

Человеческий капитал. В современной теории решение задач приближения теории к практике получило отражение в появлении двух ключевых понятий: первое — это «человеческий капитал» [6], трактовке и роли которого посвящены многочисленные работы последних лет — от фундаментальных статей в академических изданиях до разделов (немногочисленных и кратких) в учебниках по экономике, в кандидатских диссертациях, в студенческих курсовых и дипломных работах. Это фактически свидетельствует о существенных изменениях во взглядах на экономику в целом, как на систему² [6]. Фундаментальные идеи о человеческом капитале и человеческом поведении изначально были изложены Гэри Беккером в статьях 1985—1992 гг. Он определил, что человеческий капитал представляет собой знания, полученные работником в результате образования или накопленные в процессе трудовой деятельности [3]. Они используются как фактор производства работодателем, если их носитель — наемный или самозанятый работник.

Следствие этих явлений для экономики чрезвычайно важно. Появление и развитие человеческого капитала видоизменяют не только научный взгляд на экономику и трактовки происходящих процессов, но и реальные отношения в системе, в первую очередь — важнейший институт, формирующий общество, — отношения собственности. Это происходит по той причине, что высокоспецифицированные ресурсы (работники, обладающие новыми или уникальными знаниями и опытом) меняют отношения собственности. Владелец подобного ресурса сможет не только использовать принадлежащий ему ресурс по своему усмотрению и получать доход, но и претендовать на участие в управлении фирмой, на суверенитет над своей уникальной продукцией, на право отчуждения продукта, полученного в результате применения такого актива. Это делает работника соучастником ключевого права — права частной собственности, определяющего основание экономической структуры и экономического обмена (Alchian, Demsetz [14]). Особенно часто такая практика наблюдается на современных предприятиях в отраслях высокой технологии.

Социальный капитал. Второе ключевое понятие, отражающее новые реалии современного общества и представления о нем, это «социальный капитал». Это понятие также постепенно выходит на первый план экономических исследований, хотя тема разработана меньше и отражена во много меньшем числе публикаций. При отсутствии достаточной ясности самого понятия и его влияния тем не менее многие эко-

---

² Более подробно о важных аспектах проблемы человеческого капитала см.: [10, 105 — 121].

номисты согласны, что это явление значимо, что уровень развития социального капитала (СК) определяет и уровень развития экономики и общества в целом.

Сначала попробуем определить, что собой представляет социальный капитал. Мы понимаем СК как наличие в обществе (в экономике) определенной среды, сформированной *взаимодействием людей*. Оно характеризуется социальной кооперацией, способностью к координации действий, это не простая сумма взаимодействий людей. Формирующаяся при этом социальная среда упрощает и интенсифицирует обмен информацией, увеличивает «проводимость» в отношении новых идей, знаний, становится менее «вязкой». Возникающая в обществе согласованность облегчает поиск, рационализирует выбор, уменьшает неопределенность, что в свою очередь снижает транзакционные издержки обмена деятельностью (облегчает связи, образующие общество) и тем самым способствует увеличению национального богатства на единицу затрат (усилий) человеческого (и других видов) капитала. Такая субстанция (позитивного социального взаимодействия) непосредственно реализуется в росте национального богатства и благосостояния, в увеличении производительности, в экономическом росте, т. е. фактически реализуется в эффектах, возникающих при использовании более эффективных физических факторов производства.

Идея социального капитала разрушает взгляд на человека в экономике как рационального эгоиста и вместе с этим господствующий в ортодоксальной теории принцип «методологического индивидуализма». Последний связан и непосредственно происходит от идеи А. Смита о механизме рынка, работающего как «невидимая рука». Заботясь о своем благе, человек приносит больше пользы обществу, чем если бы он заботился об общественной пользе сразу как главной цели своей деятельности.

По этим, в частности, соображениям социальная среда взаимодействия между субъектами экономики может быть названа социальным капиталом. Это понятие отражает вполне реальную, а не виртуальную материю. Становится возможным говорить о его (социального капитала) эффективности (производительности) и качестве. Выявление условий формирования и совершенствования социального капитала становится актуальной задачей исследования экономики, ее потенциала и перспектив динамики.

Значение социального капитала становится понятным при постановке проблемы инновационного развития страны, особенно в связи с проблемой значительного и устойчивого отставания российской экономики от передовых стран мира. Социальный капитал обеспечивает

среду, благоприятствующую быстрому распространению научных идей и новых технологий, т. е. в конечном счете — быстрому росту, процветанию экономики и общества в целом.

Процесс социального совершенствования на этом не кончается. Следующим качественно новым этапом, требующим отражения в теории, становится поведенческая экономика.

Новая поведенческая экономика. В среде современной экономики стало значимым — и существенным для теории — то обстоятельство, что экономику делают Люди³. Следовательно, все то, что отличает человека как *homo sapiens* от других высокоразвитых представителей животного мира, значимо как проявления его жизненной функции, способности производить орудия труда и предметы потребления, значимо и как способы принимать решение о жизненных действиях. От того, какое решение принимает человек в отношении своей деятельности, зависит и ее результат. А в историческом процессе эта деятельность определяет формирование общества людей и экономической среды его (человека разумного) обитания.

Человек всегда был ключевой фигурой общества. Но научное понимание (обобщение) этого факта формировалось десятилетиями труда ученых. Свообразие научной проблемы, как она выглядит в последние десятилетия, определяет осознание того факта, что экономический мир населен не Рационалами (термин Ричарда Талера), способными воспринять всю доступную им информацию и принять на ее основе самое лучшее из всех возможных вариантов решения [13]. Экономический мир населен субъектами, часто ошибающимися, принимающими не лучшее решение под влиянием неэкономических факторов и получающими не лучший результат.

Новая парадигма. До разработок современной поведенческой экономики экономисты рассматривали случаи нерационального поведения субъектов рынка как случайности, исключения из правил. Однако практика реального хозяйствования слишком часто опровергает рассмотрение такого поведения как исключительного, случайного. Практика показывает, что люди принимают деловые решения под влиянием эмоций, предубеждений, ошибочных предпочтений, случайно возникших обстоятельств.

---

³ Это слово с большой буквы употребляет один из основателей поведенческой экономики, Нобелевский лауреат 2017 г. Richard H. Thaler [13]: *Misbehaving. The Making of Behavioral Economics* (в русском переводе «Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать»).

Для объяснения человеческого поведения в современной экономике, как бы она ни называлась, большое значение имеют открытия психологии. Интерес к психологии и поведению человека, принимающего важнейшие решения в экономике, был свойствен ученым задолго до появления поведенческой экономики как общепризнанного самостоятельного раздела теории⁴, понимание ключевой роли человека в экономике не стало чем-то кардинально новым. Оно было заложено в предмет теории с начала ее возникновения в работах А. Смита, что определило гуманистический характер экономической науки. Этот подход был развит в работах Дж.М. Кейнса. Внимание Кейнса к психологии человека в экономике было столь необычно, что воспринималось современниками как «революция» [9].

К числу «революций» Кейнса следует отнести роль *психологических факторов*, пронизывающих всю систему кейнсианской экономики, а также тесно связанное с этим выявление *связи микроэкономических явлений и макроэкономических процессов*. Эти аспекты фактически предопределили направления макроэкономики последних десятилетий. Рассмотрим эти моменты подробнее (см.: [9]).

Обычно включение принадлежащих микроэкономике поведенческих элементов в макроэкономические процессы связывают с неоклассическими разработками М. Фридмана (теория адаптивных ожиданий), Р. Лукаса (гипотеза рациональных ожиданий), Р. Холла (гипотеза случайных блужданий). Однако эту работу гораздо раньше проделал Кейнс, причем в самом существенном (с современной точки зрения) направлении [7]. Продвижение Кейнса по сравнению с классической традицией было существенным: психологические факторы не только раскрывали природу вводимых понятий, но и помогали квантифицировать зависимости и пропорции макроэкономики [9].

Включение психологии людей в «конструкцию» экономических феноменов, находящихся в центре кейнсианской системы⁵, создавало

---

⁴ Историки мысли относят начало «поведенческой экономики» как самостоятельного раздела теории к 1970-м гг. и связывают с работами Амоса Тверски, Даниэля Канемана, Ричарда Талера.

⁵ С самого начала, определяя принцип эффективного спроса, Кейнс подчеркивает роль психологических факторов в *расхождении* величин совокупного предложения и совокупного спроса. Последний растет с ростом дохода, но не в той же пропорции, что и доход. «Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растет доход» [7, 80]. Это расхождение, получившее название «психологического закона Кейнса», послужило обоснованием *предельной склонности к потреблению* — одного из ключевых понятий кейн-

черты нового подхода к анализу экономической системы. При последующей детальной проработке этот подход принял характер (значение) новой парадигмы⁶.

Кейнс в своей работе отмечает, что широкие возможности личного выбора определяют разнообразие жизни. Потеря возможностей личного выбора «является величайшей из всех потерь в гомогенном или тоталитарном государстве». Разнообразие, будучи результатом успешного выбора предшествующих поколений, сохраняет традиции, использует опыт и фантазии, «является наиболее могущественным средством для достижения лучшего будущего». Кейнс защищает индивидуализм «как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы» [7, 454]. Здесь следует обратить внимание, что с индивидуализмом Кейнс связывает прежде всего *личную инициативу и ответственность*, а не отвратительный «эгоизм индивида», как часто трактуют эту поведенческую черту.

Новая парадигма (дальнейшее развитие). Версия поведенческой экономики, несмотря на то, что она далека от совершенства, пока не представляет собой законченную систему, она интенсивно развивается, и многими исследователями до сих пор воспринимается как не достаточно глубокая и поверхностная по сравнению с рассуждениями о «сущности объективных явлений», тем не менее может, на наш взгляд, трактоваться как новая парадигма в полном смысле этого термина — как *новый тип научного мышления с новым взглядом на предмет и метод в фундаментальной экономике*, на способы построения моделей и прогнозирования. Причем важно, что речь идет не о синтезе неоклассики и бихевиоризма, не о внедрении отдельных элементов поведенческих трактовок в версии мейнстрима, а именно о *новом типе, стиле научного мышления, о новых способах исследования*. Эксперимент и

сианской модели. Кейнс подчеркивает, что «именно в этом психологическом законе следует искать ключ для решения наших практических проблем» [7, 80]. На этой основе формировались другие строительные блоки системы: функции потребления и сбережения, инвестиционная функция, функция предпочтения ликвидности [7, 80].

⁶ Более подробно аргументы относительно ключевой роли идей Кейнса в формировании новой парадигмы были представлены в нашей статье в связи с 80-тилетием работы Кейнса [7, 137 — 140] в разделе «Психология в кейнсианской теории: что важно сегодня». В тексте настоящей статьи повторены наиболее важные для данного текста подходы.

наблюдения в его основе становятся важнейшими способами изучения экономической реальности и проверки выдвинутых гипотез⁷.

Объективное и субъективное. Рассуждения о роли человека в современной цифровой экономике и тотальной цифровизации неизбежно приводят к ключевым философским вопросам относительно природы экономических явлений, много десятилетий после создания этой науки рассматривавшихся в качестве основных фундаментальных проблем (решение которых, ответы на них и создавали массив экономической теории). Это, прежде всего, соотношение объективного и субъективного в экономике. Новый поведенческий подход фактически наталкивает на вопрос о *соотношении объективного и субъективного* в этой новой системе экономических феноменов и новых научных представлений о них. Если экономику делают Люди, то они перестают восприниматься как единая однородная масса, поведение которой определяется некими существующими *вне* ее объективными порядками, формирующимися независимо от субъективных факторов, от человеческих личностей. Модель *homo economicus* — ключевая фигура в классической системе, — совершенно адекватная базовым принципам построения и функционирования общей системы, фактически воспринималась как некий объективный феномен, избавленный от свойств человеческой личности.

Если экономику делают Люди, то возникает *разнообразие* экономических явлений [13] — исход их субъективных предпочтений, *субъективного выбора*, а не нечто данное по ту сторону от субъекта, его психологии и его деятельности.

В итоге. Поведение субъектов (индивидов, фирм), принятие ими экономических решений — всегда находились в центре внимания экономистов, социологов и других представителей социальных наук [2; 5; 8; 12; 15; 16]. Поиск механизмов социальной включенности человека и вытекающие отсюда поведенческие, нравственные, отношенческие, институциональные моменты привлекали социальных философов еще со времен Аристотеля [4].

Формирование мнений, отношений, ценностей, правил поведения — все это было предметом исследования общественного человека, его психологии и, позднее, социальной психологии столетия назад, что отмечено многими историками социальных наук. Поведенческая экономика переключает зависимости экономики и социальных структур от

---

⁷ Разработчик экспериментального метода в экономике психолог Вернон Смит [11] был награжден Нобелевской премией в 2002 г. за внедрение методов эмпирического анализа в исследование рыночной экономики.

психологии людей в центр экономической теории, в область ее предмета. Тогда психологические особенности характера человека, «общественные привычки и институты» воздействуют на общество, на формирование ценностей, «объективных факторов», менее подверженных переменам в течение короткого времени, но влияющие на формирование общественных феноменов в длительном периоде (идея Дж.М. Кейнса) и в конечном счете определяют облик общества и его экономической платформы. Этот подход подсказывает и пути построения модели российской экономики. Модель должна базироваться на активности Людей, их заинтересованности, мотивации к творческим усилиям.

Литература

1. *Акерлоф Дж.А.* Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение. Нобелевская лекция // *Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Всемирное признание.* Кн. 1. М.: «Мысль», 2004. С. 444—483.
2. *Ариэли Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: «Манн, Иванов и Фарбер», 2013. 296 с.
3. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. *Брюннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // *THESIS.* 1993. № 3.
5. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016. 653 с.
6. *Капелюшников Р.И.* Экономические очерки. Методология, институты, человеческий капитал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 574 с.
7. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: «Прогресс», 1978. 494 с.
8. *Парето В.* Учебник политической экономии. Пер. с фр. М.: ИНФРА-М, 1909. 472 с.
9. *Рудакова И.Е.* «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса с позиций сегодняшнего дня // *Журнал экономической теории.* 2016. № 2. С.134 — 144.
10. *Рудакова И.Е., Курносова Т.И.* Представление о человеке и Человеческий капитал в экономической теории // *Философия хозяйства.* 2013. № 2. С.105—121.
11. *Смит В.* Конструктивистская и экологическая рациональность в экономической науке. Нобелевская лекция // *Мировая экономи-*

ческая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5 Всемирное признание. Кн. 2. М.: «Мысль», 2004. С. 685—767.

12. *Стиглиц Дж.Е.* Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: В 5 т. Т. 5. Всемирное признание. Кн. 2. М.: «Мысль», 2004. С. 535—629.

13. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Изд-во «Э», 2017. 368 с.

14. *Alchian A., Demsetz H.* Production, Information Costs, and Economic Organization // American Economic Review. 1972. Vol. 62.

15. *Ama E.F.* Market Efficiency, Long-Term Returns, and Behavioral Finance // Journal of Financial Economics. 1998. No. 49 (3). P. 283—306.

16. *Tversky A., Kahneman D.* The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science. 1981. No. 211. P. 453—458.

References

1. Akerlof Dzh.A. Povedencheskaya makroehkonomika i makroehkonomicheskoe povedenie. Nobelevskaya lektsiya // Mirovaya ehkonomie-skaya mysl' skvoz' prizmu vekov: V 5 t. T. 5. Vsemirnoe priznanie. Кн. 1. М.: «Мysl'», 2004. S. 444—483.

2. Ariehli D. Povedencheskaya ehkonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na ehtom. М.: «Mann, Ivanov i Farber», 2013. 296 s.

3. Bekker G. Chelovecheskoe povedenie: ehkonomicheskij podkhod. Izbrannye trudy po ehkonomicheskoy teorii. М.: GU VSHEH, 2003.

4. Bryunner K. Predstavlenie o cheloveke i kontseptsiya sotsiu-ma: dva podkhoda k ponimaniyu obshhestva // THESIS. 1993. № 3.

5. Kaneman D. Dumaj medlenno... reshaj bystro. М.: AST, 2016. 653 s.

6. Kapelyushnikov R.I. EHkonomicheskie ocherki. Metodologiya, instituty, chelovecheskij kapital. М.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkono-miki, 2016. 574 s.

7. Kejns Dzh.M. Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. М.: «Progress», 1978. 494 s.

8. Pareto V. Uchebnik politicheskoy ehkonomii. Per. s fr. М.: INFRA-M, 1909. 472 s.

9. Rudakova I.E. «Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg» Dzh.M. Kejnса s pozitsij segodnyashnego dnya // ZHurnal ehkonomicheskoy teorii. 2016. № 2. S.134 — 144.

10. Rudakova I.E., Kurnosova T.I. Predstavlenie o cheloveke i CHElovecheskij kapital v ehkonomicheskoj teorii // Filosofiya khozyaj-stva. 2013. № 2. S.105—121.

11. Smit V. Konstruktivistskaya i ehkologicheskaya ratsional'-nost' v ehkonomicheskoj nauke. Nobelevskaya lektsiya // Mirovaya ehkonomicheskaya mysl' skvoz' prizmu vekov: V 5 t. T. 5 Vsemirnoe priznanie. Kn. 2. M.: «Mysl'», 2004. S. 685—767.

12. Stiglits Dzh.E. Informatsiya i smena paradigmy v ehkonomicheskoj nauke // Mirovaya ehkonomicheskaya mysl' skvoz' prizmu vekov: V 5 t. T. 5. Vsemirnoe priznanie. Kn. 2. M.: «Mysl'», 2004. S. 535—629.

13. Taler R. «Novaya povedencheskaya ehkonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoj ehkonomiki i kak na ehtom zarabo-tat'». M.: Izd-vo «EH», 2017. 368 s.

А.А. ЕРМОЛЕНКО, О.В. БРИЖАК

Новые формы отношений, возникающие в движении капитала*

Аннотация. Переплетение множества трансформационных процессов на современном этапе развития общественно-хозяйственной жизни обуславливает быструю смену форм экономических отношений; динамика и глубина изменений стали характерными чертами данного этапа. В работе оцениваются новые формы отношений через призму теории капитала, созданной и успешно реализованной К. Марксом. Недавно отмечавшееся двухсотлетие со дня рождения великого мыслителя дает прекрасный повод для применения его диалектического метода к исследованию качественных преобразований и противоречий, порождаемых движением капитала современной экономики.

Ключевые слова: экономические отношения, человеческий капитал, фиктивный капитал, действительный капитал, конформирование, система экономики.

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-02-00384.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ермоленко А.А., Брижак О.В. Новые формы отношений, возникающие в движении капитала // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 80—102.

Abstract. At the present stage of the social and economic life development the interweaving of a transformation processes variety causes a rapid change in the forms of economic relations; dynamics and depth of changes have become characteristic features of this stage. The new forms of relations through the prism of the capital theory created and successfully implemented by K. Marx will be evaluated. The recently celebrated bicentenary of the great thinker's birth gives an excellent occasion for the application of his dialectical method to the study of qualitative transformations and contradictions generated by the capital flow in the modern economy.

Keywords: economic relations, human capital, fictitious capital, actual capital, conformation, economic system

УДК 330
ББК 65

Человеческий капитал

Понятие человеческого капитала вошло в оборот экономической науки относительно недавно — в последние десятилетия XX в., вместе с началом глубоких технологических сдвигов. Известно, что новые категории опираются на прочные своды, созданные предшествующим развитием науки, и утверждаются в ней лишь при наличии необходимых предпосылок. Определим такие предпосылки применительно к категории человеческого капитала:

- суждение о том, что экономическая наука исследует лишь часть (сферу) пространства человеческой деятельности, в которой реализуется далеко не весь личностный потенциал [30];
- концептуальное представление о сущности человека как ансамбле общественных отношений [13];
- раскрытие предпринимательской деятельности как творческого процесса, в котором возникают новые капитальные комбинации [21];
- прогноз становления экономики, основанной на знаниях [14] и др.

Формирование новой категории зачастую происходит в рамках ее расширительной трактовки, что имеет место применительно к человеческому капиталу [16]. Утверждаясь в поле научных исследований и привлекая к себе сторонников, новая экономическая категория приносит в жертву свою качественную определенность, создавая явно завышенные ожидания в теоретическом и прикладном отношениях. Образно говоря, от нее ждут чего-то необычного, и она обещает своим сторонникам «манну небесную».

«Манна небесная» человеческого капитала представляет собой завышенные доходные ожидания от вложения средств в обучение людей [22]. Опираясь на такие ожидания, представление о человеческом капитале стало популярным компонентом бизнес-проектов, политических программ, повестки дня общественных дискуссий и др. Однако доходные ожидания необходимо подкреплять реальными результатами инвестирования средств, в противном случае связанные с ними категориальные новации быстро теряют своих сторонников и переходят в разряд не оправдавших доверия, надуманных новшеств. Простое расширение инвестирования народного образования не приводит к росту продуктивности общественного хозяйства и появлению множества обладателей высоких доходов; погружение в исследовательский процесс чаще рождает «мучеников науки», чем миллиардеров.

Расширительная трактовка категории человеческого капитала и связанные с ней завышенные доходные ожидания от вложения средств в образование людей привели к кризисной ситуации в общественной оценке данной категории, схожей с кризисом в развитии экономики, сопровождающимся сжатием спроса, «вымыванием» избыточных продуктов, услуг и работ, избавлением от неэффективных технологий и работников, закрытием не оправдавших себя проектов. Кризисная ситуация в общественной оценке научной категории разрешается посредством сжатия «спроса» на ее дискуссионные трактовки, коррекции научных подходов, избавления от поспешных выводов, не оправдавших себя рекомендаций.

Корректное преобразование исходной трактовки категории человеческого капитала позволит определить ее истинное место в развивающейся системе знания о хозяйственной жизни, раскрыть ее функциональные возможности в экономических исследованиях, избавиться от завышенных ожиданий в прикладном плане. В противном случае ожидания «манны небесной» быстро сменяются нигилистическим отрицанием новой категориальной формы. После глобальной рецессии 2008—2009 гг. в научной литературе резко уменьшился поток публикаций, посвященных разработке проблемы человеческого капитала, что свидетельствует о снижении общественного внимания и исчерпании кредита доверия к его возможностям.

Определим основные задачи преобразования исходной трактовки категории человеческого капитала:

- рассмотрение данной категории под углом зрения теории капитала позволит избавить ее от иллюзорных представлений и завышенных ожиданий участников рынка;

- фокусирование внимания на том, что мы имеем дело с одной из форм капитала, выводит на передний план исследование взаимодействия человеческого капитала с финансовым, организационным, институциональным и другими капиталами;

- признание того, что капитализация какой-то части способностей, входящих в состав личности, сводит их к фактору создания стоимости и извлечения дохода, приходящегося на человеческий капитал;

- констатация специфического преобразования функционального содержания и структуры личности в процессе капитализации части способностей: все избыточные по отношению к задаче создания стоимости способности выводятся за пределы развития личности и не обеспечиваются из фонда жизненных средств; в составе человеческого капитала остаются, воспроизводятся и закрепляются только те созидательные возможности, которые востребованы процессом создания стоимости;

- проведение исследования движения человеческого капитала на платформе всеобщей формулы капитала, очерчивающей родовую основу данной категории.

Каковы же отличия человеческого капитала от остальных видов капитала, существующих на платформе всеобщей формулы капитала? Они обусловлены капитализацией субъектного потенциала, которым обладает живой человек. Если хозяин денежного капитала приобретает необходимые ему факторы производства (средства производства и рабочую силу), то единственным субъектом процесса создания стоимости выступает он сам как функционирующий капиталист. Иная ситуация возникает в случае участия в процессе создания стоимости субъекта, обладающего человеческим капиталом и способного генерировать идеи формирования продуктивных капитальных комбинаций. Указанное обстоятельство позволяет раскрыть ключевые следующие характеристики человеческого капитала.

Капитализация личностного потенциала человека происходит здесь без отчуждения его от субъекта-носителя и превращения в объектный фактор производства. Человеческий капитал участвует в процессе создания стоимости, не отделяясь от своего обладателя и находясь под его контролем. Тем самым возникают новые формы отношений, выходящие за пределы отношений купли-продажи и производительного применения рабочей силы, в которых ее продавец сведен к применяемому фактору производства.

Человеческий капитал дан в субъектной форме, поскольку он способен генерировать и практически реализовать новые идеи форми-

рования эффективных капитальных комбинаций, преобразовать организационные механизмы и институты, необходимые для таких комбинаций. Соответственно те силы личности, которые отчуждены от нее и овеществлены в ресурсах, факторах и результатах создания стоимости, относятся к другим, объектным разновидностям капитала. Если в случае человеческого капитала «не продается вдохновенье», то во всех остальных случаях «можно рукопись продать».

Человеческий капитал нацелен на конструктивные преобразования, творчество, созидание и развитие общественного хозяйства, обладает практически безграничными возможностями обновления различных условий, ресурсов и факторов хозяйственной жизни.

С позиций теории факторов производства человеческий капитал выступает высокоразвитой формой личного фактора.

Сопоставим человеческий капитал с другой формой личного фактора производства — рабочей силой. Предлагая приобрести некоторую часть своего личностного потенциала, локализованную в составе рабочей силы, ее продавец призван соответствовать ряду условий:

- сформировать в составе своей личности определенный комплекс знаний, способностей и навыков, пользующихся спросом на рынке;
- обладать личной свободой, чтобы самостоятельно распоряжаться своим личностным потенциалом;
- не располагать средствами для регулярного обеспечения потребностей своей материальной жизни.

Рабочая сила реализуется в процессе труда, обеспечивая материальные потребности жизни людей, соответственно в данной форме происходит хозяйственная утилизация возможностей человеческой личности. Но это лишь одна сторона дела. Если исходить из принципов диалектики, рабочей силе как форме проявления личностного потенциала призвана соответствовать некоторая парная по отношению к ней категория. Обозначим ее как свободную силу человеческой личности. В условиях разделения общества на противоборствующие социальные группы свободная сила как форма организации личностного потенциала противостоит рабочей силе и существует за счет ее использования в качестве фактора производства чужого богатства.

Противостояние рабочей и свободной сил личности обусловлено отчуждением труда, которое сводит одних людей к воплощению функционирующей рабочей силы, а других — превращает в монопольных распорядителей пространства и ресурсов развития свободной силы личности. В процессе становления капитала наемный рабочий лишь

формально представлен как личность, которая кое-что значит сама по себе, помимо своего труда [10, 242]. Человек может быть реально представлен как личность, если он сам управляет своей деятельностью, т. е. реализует себя в самодеятельности, контролирует свой обмен веществ с природой, свободен в общественной жизни и действует без внешнего принуждения [9, 91]. Свободная сила, поскольку она противостоит рабочей силе и существует за счет результатов ее производительного использования, ущербна.

В «Капитале» К. Маркса исследована эволюция персонифицированных форм рабочей силы, среди которых для нас наиболее интересна фигура производителя машин, содержащая в себе некоторые предпосылки человеческого капитала. Поскольку производитель машин создает базис крупной промышленности, он нуждается в соответствующих компетенциях, а его рабочая сила развивается адекватно прогрессу технологий, поскольку это предполагает характер его деятельности. Производитель машин подчиняется закону перемены труда, что означает переход к интенсивному типу развития его рабочей силы, т. е. ее регулярное обновление, качественное преобразование на расширяющейся личностной основе [11, 499]. Это означает, что рабочая сила производителя машин шаг за шагом вбирает в себя новые личностные потенции, функционально усложняется и преодолевает свои границы.

Закономерен вопрос об источнике вовлекаемых в ее состав новых личностных потенций. Очевидно, перед тем как обогатить состав рабочей силы производителя машин, такие потенции должны сформироваться в составе свободной силы личности. Невозможно включить в состав рабочей силы те возможности, которые прежде не существовали в структуре личности. В данном отношении интенсификация развития рабочей силы производителя машин означает разрешение противоречия между двумя формами проявления возможностей человеческой личности. Обогащение рабочей силы за счет потенций свободной силы личности означает синтез противоположностей. Противостояние двух форм проявления возможностей человеческой личности снимается, чтобы затем вновь проявиться на новом, более высоком уровне взаимодействия противоположностей, где происходят институциональное упорядочивание и закрепление общественно необходимых норм регулирования рабочего времени, стандартов защиты среды и воспроизводства потенциала здоровья, стандартов образовательных процессов и др. [10].

За полтора века, прошедших со времени исследования персонажа производителя машин, в процессе развития возникло множество производных от него субъектных форм отношений, в движении кото-

рых на основе взаимодействия свободной силы и рабочей силы личности происходила подготовка условий и конкретных предпосылок возникновения человеческого капитала. Раскроем содержание данного капитала с помощью выдвижения одной научной гипотезы.

Допустим, что в ходе интенсивного развития взаимодействия рабочей силы и свободной силы личности происходит переход некоторого порога меры, за которым прежний субъект труда приобретает качественно новую возможность вступать в отношения партнерства с субъектами, владеющими функционирующим капиталом. Предложение купить рабочую силу и включить ее в процесс создания стоимости сменяется в случае такого перехода порога меры предложением разработать и реализовать эффективную капитальную комбинацию. Перед владельцами функционирующего капитала — совершенно иной субъект, готовый предоставить в их распоряжение уникальные творческие возможности, использование которых позволит получить прорывные результаты в создании стоимости.

Оценим изменения в экономических отношениях, который влечет за собой этот переход порога меры: во-первых, на смену владельцу рабочей силы приходит владелец уникальных творческих возможностей; во-вторых, сделка купли-продажи рабочей силы уступает место партнерскому соглашению между владельцами долей капитала; в-третьих, участники партнерского соглашения нацелены на формирование эффективной капитальной комбинации и извлечение дохода [9].

Определим условия перехода от владельца рабочей силы к собственнику человеческого капитала:

- с позиций индивида — формирование в структуре своей личности комплекса уникальных творческих способностей, способного генерировать прорывные бизнес-идеи, на основе которых могут возникнуть эффективные капитальные комбинации;

- с позиций общества — социальное признание факта перехода порога меры от рабочей силы к человеческому капиталу, а также утверждение соответствующего институционального статуса, дающего право на партнерское взаимодействие с другими субъектами мира капитала. Как известно, институциональные преобразования требуют намного больше времени и усилий, чем изменения в области технологий. В частности, применительно к человеческому капиталу такие преобразования предполагают комплекс мер защиты качества жизни, охраны интеллектуальной собственности, поддержки творческого развития личности, реализации социальных программ креативного образования и др. [18].

Как только указанные выше условия обеспечены, в пространстве хозяйственной жизни появляется качественно новый субъект — владелец человеческого капитала, для формирования и социального утверждения которого потребовался сложнейший исторический процесс преобразования личного фактора капиталистического производства. При этом претендентам на статус владельцев человеческого капитала приходится инвестировать развитие своей индивидуальной рабочей силы до уровня комплекса уникальных созидательных способностей, а также — частично — изменения институционального характера, обеспечивающие готовность общества признать появление в экономической системе фактора, которого в ней прежде не было — человеческого капитала. В данном отношении действует принцип: институциональные преобразования обходятся тем дороже, чем больше они запаздывают [1].

Человеческий капитал — многогранное явление, соответствующее многообразию сфер и процессов современной общественно-хозяйственной жизни, что обуславливает постановку научной задачи систематизации его форм. Используя разграничительный признак функциональной ориентации, разграничим следующие формы человеческого капитала:

- интеллектуальный капитал — функциональная форма, в основе которой комплекс выдающихся интеллектуальных способностей постановки и решения сложных теоретических и прикладных задач, ориентированных на глубокое переосмысление и коренное преобразование различных процессов хозяйственной жизни (технологических, организационных и др.);

- эстетический капитал (капитал художников) — функциональная форма, в основе которой комплекс выдающихся эстетических способностей, ориентированных художественное преобразование мира;

- капитал физических сил — функциональная форма, в основе которой комплекс экстраординарных физических возможностей человеческого организма, реализация которых позволяет обновлять рекорды в спортивных соревнованиях, преодолевать прежние представления о пределах человеческого организма в различных сферах деятельности.

Каковы позиции человеческого капитала в российской экономике? Очевидно, что там, где доминирует государство, человеческий капитал находится под давлением. Вместе с тем мощное государство, располагающее огромными ресурсами, способно внести значительный вклад в формирование человеческого капитала современной России, инициируя реализацию соответствующих национальных проектов,

проводя технологические, структурные, организационные и институциональные преобразования, для осуществления которых востребован данный капитал.

Принципиально важна представительность человеческого капитала в российской экономике, поскольку она характеризует возможности участия в современных преобразованиях, адекватный ответ на вызовы, стоящие перед страной. Вместе с тем такая представительность обеспечивает потребности структурных сдвигов, создание зон роста новой экономики, столь важных для России, стратегическая ориентация которой обусловила за последние десятилетия перемещение на периферию мирового хозяйственного развития.

Фиктивный капитал

Приведем одну из характеристик фиктивного капитала, данную К. Марксом — речь идет об откровенно мошенническом способе фабрикации капитала с помощью имитации покупки товара. Создав иллюзию покупки, мошенник выписывает вексель, учитывает его и извлекает деньги, исчезая с ними до того, как выяснится истинная картина сделки [12, ч.1, 450—451]. В данной характеристике рельефно выражены один из аспектов фиктивного капитала — иллюзорность, надуманность, искажение реальности в мошеннических целях. Однако не стоит ограничиваться данным аспектом фиктивного капитала, поскольку мы имеем дело с весьма многогранным явлением.

Исходным пунктом становления фиктивного капитала был вексель — результат отражения в ценной бумаге реально существующего обязательства, которое формировалось в ходе сделки, когда один из участников кредитовал другого, что фиксировалось в векселе, ценность которого определялась представительством определенной суммы денег. Однако вексель становился фиктивным капиталом лишь тогда, когда он вовлекался в рыночный оборот с целью извлечения дохода [4].

Используя принцип отражения, современная экономика ставит в соответствие реально существующему капиталу множество его отраженных форм, представленных различными ценными бумагами. Эти формы обращаются на финансовом рынке по своим собственным законам и кажутся совершенно независимыми от реально существующего капитала, предметно представленного действующими средствами производства, работающими людьми, создаваемыми продуктами и др. Вместе с тем рыночная оценка ценных бумаг стремительно снижается практически до нуля после того, как участники рынка сталкиваются с невозможностью выполнения отраженных в этих бумагах обязательств. Указанное обстоятельство позволяет сформировать простейшее пред-

ставление о фиктивном капитале как отраженной форме экономических отношений, обладающей вмененной ей ценностью реального капитального объекта, который она представляет.

Сформулируем гипотезу, анализ которой позволит углубить представление о фиктивном капитале. Допустим, что на финансовом рынке обращается совокупность элементов фиктивного капитала, представляющих некоторую вмененную им ценность. Предположим, что множество участников данного рынка, оперирующих с данными элементами фиктивного капитала, перестают находить достаточное количество денежных средств для продолжения своих операций. Объем операций сокращается, происходит сжатие рынка, что имело место, например, в условиях глобальной рецессии 2008—2009 гг., когда ипотечные ценные бумаги, эмитированные двумя крупнейшими американскими корпорациями, не нашли достаточного количества денежных средств у участников финансового рынка. Общественная оценка элементов фиктивного капитала снижается и приводится в соответствие с рыночными реалиями.

Выделим две основные ветви фиктивного капитала. Первая из них — долговая ветвь, которая представлена ценными бумагами, представляющими ценность скрывающегося за ними заемного капитала (денег, занятых под проценты). Принимая во внимание многочисленные факты формирования кризисных ситуаций с участием долговых ценных бумаг (например, кризис государственных заимствований в ЕС в 2011—2013 гг.), отметим, что ветвь долгового капитала обладает значительным потенциалом формирования «пузырей» на финансовом рынке.

Вторая ветвь фиктивного капитала — титульная — представлена ценными бумагами, выпускаемыми для формирования, институционального закрепления и развития отношений собственности и связана с организационной формой акционерного общества. При этом капитал акционерного общества (корпорации) раздвоен, представлен как единство противоположностей — фиктивного капитала и действительного капитала. Если оценивать такую раздвоенность с позиций диалектической логики, то фиктивный капитал — как воплощенный в ценных бумагах титул акционерной собственности — и действительный капитал, предметно представленный действующими средствами производства и рабочей силой акционерного предприятия, не разделены во времени и пространстве, а являются сторонами объективного противоречия [2].

Благодаря развитию противоречия между действительным капиталом и фиктивным капиталом в акционерных обществах происходят глубокие преобразования субъектных форм отношений:

- на смену фигуре функционирующего капиталиста приходит качественно новая фигура корпоративного менеджера, управляющего действительным капиталом акционерного общества;

- прежние индивидуальные собственники капитала становятся собственниками долей фиктивного капитала (пакетов акций) акционерного общества, т. е. отчуждаются от движения действительного капитала и воплощают в себе титул собственности на капитал [12, ч.1, 479—480].

В конце XX в. крупный акционерный капитал сформировал ядро системы экономики, внося определяющий вклад в ВВП стран-лидеров мирового хозяйства. Доминирующие позиции данного капитала во многом были обеспечены его механизмом эмиссии, предоставляющим возможность привлечения различных источников инвестирования развития акционерных предприятий. В отличие от субъектов малого и среднего бизнеса, ограничивающихся использованием собственных средств и привлечением кредитных ресурсов банков, крупный акционерный капитал, используя свои возможности генерации фиктивного капитала, получает доступ к любым свободным денежным средствам, включая средства домохозяйств, индивидуальных предпринимателей, общественных организаций и др. Так, генерация фиктивного капитала позволяет крупным корпорациям управлять своим инвестиционным процессом и регулировать финансовый рынок [5, 8].

Если совокупный фиктивный капитал национальной экономики стал стоить ниже, это еще не означает, что элементы действительного капитала стали хуже функционировать, нуждаются в срочном обновлении или плохо управляются, поскольку движение фиктивного и действительного капиталов происходит по различным законам. Указанное обстоятельство нашло отражение в противостоянии фундаментального и технического подходов к анализу капитала. Вместе с тем снижение рыночной оценки фиктивного капитала означает, что экономика столкнулась с проблемой дефицита инвестиций в результате снижения курса, масштабной распродажи национальных ценных бумаг и оттока средств туда, где имеется рост рыночной оценки фиктивного капитала. Во многих случаях снижение рыночной оценки фиктивного капитала приводит к санации финансового рынка, очищая его от «пузырей», искусственно созданных игроками рынка и скрывающих за собой отрыв движения фиктивного капитала от движения действительного капитала, т. е. нереализуемые доходные ожидания приобретателей ценных бумаг.

Анализируя движение фиктивного капитала на финансовом рынке, необходимо учитывать феномен искусственного спроса на эле-

менты данного капитала, возникающий с активным участием двух факторов: восприятия событий и мышления потенциальных приобретателей фиктивного капитала — игроков финансового рынка; деятельности профессиональных манипуляторов сознанием указанных игроков. Благодаря указанным факторам, фиктивный капитал включен в игру на рынке. Соответственно участие в такой игре предполагает выбор определенных форм поведения игроков, реализация которых приводит к противоположным результатам: одни игроки угадывают доминирующие тенденции движения фиктивного капитала, что позволяет им извлекать доходы; другие — исходят из ошибочных оценок и предположений и теряют вложенные средства.

Если в анализе поведения игроков финансового рынка игнорировать тот факт, что обращающийся на рынке фиктивный капитал является представителем действительного капитала, складывается представление о том, что весь процесс движения фиктивного капитала обрачивается финансовой игрой на выигрыш при приобретении ценных бумаг, т. е. участием в своеобразном казино. И это не только иллюзорное представление, поскольку в деятельности участников финансового рынка соответствующая функциональная редукция осуществляется на деле, если они предаются забвению производный характер фиктивного капитала по отношению к действительному капиталу экономики, другими словами, если графики, модели и фигуры технического анализа, отображающие движение фиктивного капитала, заслоняют итоги фундаментального анализа, отображающие изменения в состоянии действительного капитала.

На микроуровне противоречие между фиктивным и действительным капиталами разрешается посредством синтеза противоположностей, что реально обеспечивается в ходе извлечения, распределения и использования прибыли эмитента фиктивного капитала и собственника действительного капитала — акционерного общества как системного субъекта экономических отношений. С одной стороны, имеет место распределение части прибыли в форме дивидендов, что обеспечивает интересы владельцев пакетов акций (долей фиктивного капитала), с другой стороны, нераспределенная прибыль направляется на потребности развития действительного капитала, что обеспечивает интересы корпорации в целом как системного субъекта, обладающего указанным капиталом. В следующем цикле воспроизводства технологические изменения, наращивание компетенций и совершенствование организационных механизмов, обусловленные развитием действительного капитала, обеспечивают приращение прибыли акционерного общества и соответствующую коррекцию рыночной оценки фиктивного капитала.

На макроуровне противоречие между фиктивным и действительным капиталами представлено иначе — как противоречие между реальным и финансовым секторами экономики. Глобальная рецессия 2008—2009 гг. и новый виток развития конкуренции между национальными экономиками, воплотившийся в политике «нового протекционизма», обозначили обострение указанного противоречия, что нашло выражение в отрыве развития финансового сектора от развития реального сектора, дестабилизации инвестиционного процесса, дисбалансе интересов участников глобального хозяйства. Свой вклад в обострение указанного противоречия вносят и качественно новые элементы фиктивного капитала, генерируемые в процессе технологических сдвигов — криптовалюты, возможности которых практически не исследованы [27].

Противоречие между фиктивным и действительным капиталами спонтанно разрешается посредством болезненного сжатия рынков, т. е. жесткого восстановления соответствия между движением указанных капиталов. В том случае, когда национальные и глобальные регуляторы обеспечивают проведение эффективной политики сбалансированного развития, это противоречие разрешается в более мягкой форме. Данное обстоятельство побуждает привести в соответствие функции макро- и мегарегулирования развития системы экономики к условиям обострения противоречия между финансовым и реальным секторами, обозначившимся в ходе глобальной рецессии 2008—2009 гг. и нового витка развития пространственной конкуренции.

Фиктивный капитал находит особые формы своего воплощения и развития в экономиках, опирающихся на отношение власти-собственности, к которым относится и российская экономика [15]. Указанное отношение означает слитность, достаточно устойчивое соединение двух качественно различных способов упорядочивания экономических отношений: властного, для которого востребована мощная административная вертикаль власти и управления; имущественного, для которого необходима развернутая система механизмов защиты собственности, норм регулирования имущественных отношений и форм контрактов.

Субъектным ядром системы экономики, опирающейся на отношение власти-собственности, выступает особая фигура властителя, осуществляющая всю полноту контроля над процессом общественно-хозяйственной жизни. Анализ концепции азиатского способа производства, созданной К. Марксом, позволяет найти ответ на вопрос о том, как появляется такая фигура и какие функции она реализует в системе экономики, опирающейся на отношение власти-собственности:

- собственность властителя, который воплощает в себе единство имущественных интересов, составляющих социальную общность людей, есть функция его власти в рамках данной общности;

- такая функциональная зависимость предоставляет властителю возможность распоряжаться не только имуществом, природно-ресурсными возможностями, но и личностным потенциалом отдельных участников подчиненной ему общности;

- в рамках азиатского способа производства осуществление власти обуславливает все имущественные отношения, обеспечивает властный контроль над пучком функций и прав собственности.

Персонифицируя отношение власти-собственности, правитель осуществляет полный контроль над производством, распределением, обменом и потреблением совокупности материальных благ, воспроизводимых общностью подчиненных людей, что дает ему возможность присваивать особую форму прибавочного продукта — ренту-налог, которой соединены следующие противоположности: с одной стороны, властитель изымает в свою пользу ренту, соответствующую его позиции «верховного собственника» ресурсов, которые используются в процессе производства общности людей; с другой стороны, налоговый характер данной формы обусловлен необходимостью материального обеспечения властителем некоторой группы совместных потребностей, которые предполагают создание специальных фондов (казны, общего бюджета и др.).

Представляется достаточно обоснованным вывод о том, что опора на отношение власти-собственности характерна для всей истории России, в том числе для современного этапа развития, когда данное отношение включается в процесс масштабных трансформаций, существенно видоизменяется, но продолжает функционировать [5, 17]. В данном контексте представляет интерес анализ трансформаций фиктивного капитала отечественной экономики с учетом воздействия отношения власти-собственности.

Осуществляя такой анализ, сконцентрируем внимание на одном из важнейших аспектов формирования фиктивного капитала в системе экономики — отображении общественной оценки действительного капитала в оценке фиктивного капитала, которое преобразуется на финансовом рынке в специфические характеристики фиктивного капитала: биржевые котировки; доходные ожидания; продукты технического анализа; прогнозные сценарии и т. п. [17]. Учитывая указанное обстоятельство и принимая во внимание то, что действительный капитал представляет собой результат воздействия отношения власти-

собственности, выделим специфические результаты формирования фиктивного капитала в отечественной экономике:

- отображение действительного капитала в фиктивном капитале в виде некоторого «знака власти» над движением всех форм капитальной стоимости на финансовом рынке, что обеспечивает держателям такого «знака власти» необходимый поток доходов и не менее необходимый для них скрытый, анонимный контроль над существующими имущественными комплексами;

- формирование особой разновидности фиктивного капитала — капитала статуса власти, который представляет собой результат капитализации статусных (институционально закрепленных) возможностей принятия решений, которые транслируются в системе управления и обеспечивают заранее просчитанные эффекты — такая разновидность фиктивного капитала соответствует центральной фигуре системы экономики, опирающейся на отношение власти-собственности — фигуре «владельца» (отметим, что размеры капитализации статусных решений определяются как стоимостными эффектами, обусловленными такими решениями, так и специфически информационными эффектами, возникающими в общественном сознании, что фокусирует внимание исследователей на новом прочтении феномена «голового короля», т. е. на формировании искаженных оценок капитала статуса власти с помощью фиктивной, «фейковой» информации);

- формирование капитала статуса бюрократии, который представляет собой результат капитализации институционально закрепленных возможностей чиновников, дополняющих центральную фигуру системы экономики, опирающейся на отношение власти-собственности — эта разновидность фиктивного капитала производна от капитала статуса власти, ее существование обусловлено необходимостью обеспечения центральной фигуры бюрократическим аппаратом, а также необходимостью в перераспределении (переложении) обязательств социальной ответственности [6].

Встраивание новых форм отношений, возникающих в движении капитала, в систему экономики

Переплетение множества трансформационных процессов в современной экономике актуализирует проблему, которая изначально была обозначена в процессе исследования феномена конформизма — проблему встраивания новых форм отношений в сложную систему, обладающую собственными ядром и периферией, институтами, организационными механизмами, ресурсной базой [19].

Необходимо различать следующие два принципиально различных вида встраивания новых форм отношений, возникающих в движении капитала, в систему.

- Стационарное встраивание данных форм в устоявшуюся систему отношений, которая предлагает им упрочившиеся нормы, способы организации связей, типовые статусы и линии поведения, которые остаются принять и преобразовать в соответствии с ними частные параметры новых форм отношений. Очевидно, что данный вид встраивания в систему предполагает опору на хорошо апробированные механизмы и не ставит перед входящими в систему формами экстраординарных задач.

- Динамическое встраивание данных форм в систему отношений, которая пребывает в состоянии трансформации, сталкивается с разносторонними качественными изменениями, вызванными воздействием различных преобразующих ее факторов, которые не могут не сказаться на входящих в систему новых формах отношений. При динамическом встраивании задачи взаимного приспособления и достижения сбалансированного взаимодействия существенно усложняются, поскольку новым формам необходимо органично войти в процесс изменений, преобразовать применительно к ним собственные характеристики, обрести механизмы взаимодействия с меняющейся системой. Очевидно, что в процессе динамического встраивания новую форму ожидают существенные изменения [20].

Для современной российской экономики стационарное встраивание не типично, поскольку на протяжении последних трех десятилетий ее субъекты и формы отношений существуют в условиях практически безостановочных преобразований системы отношений («эпоху перемен»). Данное обстоятельство означает, что динамическое встраивание в изменяющиеся условия развития национальной экономики происходит на протяжении всего жизненного цикла участников системы экономики. Правомерен вывод о том, что такое пролонгированное динамическое встраивание в изменяющуюся, фактически неустановившуюся систему отношений обуславливает разрастание издержек данного процесса, что во многом объясняет настороженное отношение внешних инвесторов, а также существенные размеры оттока собственного капитала из системы российской экономики.

Доминирование крупных корпораций на современном этапе развития системы экономики выдвигает на передний план задачи исследования встраивания одних сложных систем в другие сложные системы, относящиеся к более высокому уровню развития, в том числе:

- задачи исследования процессов корпоративного поглощения, в ходе которых возникают холдинговые структуры [23];

- задачи исследования процессов корпоративной интеграции (слияния корпораций), для которых характерно фокусирование внимания на синергетических эффектах, выражающихся в росте потенциала конкурентоспособности, создании механизмов защиты корпоративных интересов, вхождении в масштабные проекты развития и др.;

- задачи исследования процессов интеграционного взаимодействия пространственных экономик (региональных хозяйственных систем), в которых на первый план выходят пространственные синергетические эффекты, а также издержки формирования и функционирования метарегиональных хозяйственных образований;

- задачи исследования глобального взаимодействия между национальными экономиками, в которых приоритетное значение приобретают стратегические эффекты интеграции, обоснование различных моделей национальной экономической политики и др.

С учетом приведенных выше положений исходное представление о встраивании новых форм отношений в развивающуюся систему экономики усложняется и видоизменяется. Речь идет уже о сложном процессе взаимодействия и взаимного преобразования форм отношений, возникших в процессе движения капитала, и развивающейся системы экономики, принимающей в себя указанные формы. Простейший случай встраивания, когда в развивающуюся систему экономики входит единичное и простое по уровню своей организации отношение, выступает в качестве исходного пункта весьма интересного процесса, исследование которого приводит исследователя к выводу о необходимости создания особой научной теории конформирования [7, 24]. Приведем необходимые пояснения и определим ряд фундаментальных понятий указанной теории.

Прежде всего, выделим подвижное, процессуальное представление о встраивании новых форм отношений в развивающуюся систему экономики, разработка которого приводит к формированию динамического понятия «конформирование», отражающего условия, факторы и параметры процесса встраивания указанных форм в систему. Указанному представлению сопутствует фиксированное, статическое представление о встраивании новых форм отношений в развивающуюся систему экономики, разработка которого приводит к формированию результирующего понятия «конформизм» и институционального по своему характеру понятия «конформность», представляющему собой характеристику способа поведения (институцию) субъекта процесса встраивания [3, 25].

Предположив, что встраиваемая форма отношений и принимающая ее система экономики включены в нарастающий процесс преобразований, в котором нет места инерционному взаимодействию, а

приходится постоянно искать новые механизмы взаимодействия и способы упорядочивания результатов изменений, что типично для современной экономики, мы приходим к более глубокому пониманию содержания процесса встраивания [26, 28].

Прежде всего, в процессе встраивания принимающая система экономики решает задачу освоения того созидательного потенциала, которым обладает входящая в данную систему форма отношений. Простое поглощение входящей формы чревато для принимающей системы экономики потерей указанного потенциала, который востребован для ее дальнейшего преобразования и развития [29]. Отсюда — требование к процессу конформирования, заключающееся в обеспечении субъектного характера взаимодействия сторон процесса, что означает учет и согласование интересов, интеграцию креативных возможностей встраивающегося субъекта в совокупный креативный потенциал принимающей системы. С учетом данного требования, целесообразно рассматривать входящую форму отношений, какой бы простой и незначительной она ни казалась системе экономики, как полиаспектную и многоликую субъектную структуру, обладающую собственными функциями и достаточно сложной организацией. Мощный холдинг, функционирующий во многих странах мира, только выиграет от внимательного и детального анализа субъектного потенциала малой инновационной организации, встраивающейся в его систему [31].

Далее, если рассматривать принимающую систему экономики в качестве сложно организованного, интегрированного субъекта, то включение в нее созидательного потенциала встраивающейся новой формы отношений в условиях наложения и переплетения множества преобразовательных процессов может обусловить генерацию позитивных или негативных эффектов в развитии совокупного потенциала интегрированного субъекта, в том числе появлению или исчезновению каких-то возможностей, дестабилизации данного потенциала и др. [32]. Глубокие качественные различия принимающей системы и встраивающейся формы отношений могут обусловить взаимное отторжение их друг от друга и провал процесса конформирования.

Исследуемый нами процесс по своей природе призван обеспечить продуктивные и устойчивые системные связи между принимающей системой и встраивающейся формой отношений, согласовать их интересы и обеспечить потребности развития складывающейся органической целостности. Поскольку каждый встраивающийся субъект входит в данный процесс, располагая собственными представлениями об имеющихся у него возможностях и их перспективах в развитии принимающей его системы, то встает вопрос об общественной оценке таких возможностей. В современном хозяйстве такую оценку дает рынок,

механизмы которого обеспечивают взвешивание и соизмерение возможностей, которые предлагаются принимающей системе встраивающимися в нее формами отношений.

Отметим, что рынки играют определяющую роль и в противоположном процессе, который можно обозначить как деконформирование, давая общественную оценку и способствуя включению в рыночный обмен потенциала субъектов, выходящих по различным причинам из состава экономических систем, которые попадают в кризисную ситуацию и подвергаются процессу дезинтеграции. Известно, что в условиях глубокого и затяжного кризиса крупные хозяйственные системы идут на выделение ряда своих «проблемных» компонентов, делая их независимыми хозяйствующими субъектами и снимая с себя ответственность за их дальнейшую судьбу [33].

Представляется, что необходимо четко разграничить понятия конформирования и адаптации. Адаптация означает обычное приспособление объекта или субъекта к требованиям среды, в которую он попадает; в этом случае происходит одностороннее изменение применительно к условиям, остающимся неизменными. Конформирование означает двусторонний процесс изменений, происходящих при встраивании, когда преобразуются и встраиваемый объект, и принимающая его система. Соответственно, речь идет о диалектическом процессе, в котором возникают и разрешаются противоречия встраивания, которые не имеют места в случае адаптации. Наиболее сложным случаем конформирования является случай встраивания одной сложной системы в другую, еще более сложную и высокоразвитую систему, вовлеченную в процесс динамичных и глубоких преобразований. В данном случае понятие адаптации не работает.

***

Новые формы отношений, складывающиеся в движении капитала на современном этапе развития, противоречивы. С одной стороны, они несут в себе огромный потенциал преобразования системы экономики, с другой — они приносят в нее качественно новые риски и угрозы. Вместе с тем человеческий капитал, фиктивный капитал, встраивание новых форм отношений, возникших в движении капитала, составляют неотъемлемые компоненты процесса движения от индустриальной системы хозяйства к новой экономике знаний. Исследуя их, необходимо принимать во внимание специфические характеристики современного развития: разворот процесса глобальной интеграции и обострение пространственной конкуренции, появление новых лидеров мирового развития и перемещение прежде успешных национальных экономик на глубокую периферию мирового развития.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
2. *Брижак О.В.* Корпоративный капитал: трансформационный контекст (историко-теоретические рефлексии) // *Философия хозяйства*. 2017. № 6 (114). С. 53—69.
3. *Брижак О.В.* Методологические и теоретические аспекты конформирования корпоративного капитала в условиях современных преобразований: монография. Краснодар: Изд-во: Принт Терра», 2018. 236 с.
4. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономическая теория и цели общества, М.: Прогресс, 1976. 408 с.
5. *Глазьев С.Ю.* Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2015. № 1. Т. 190. С. 37—45.
6. *Ермоленко А.А.* Понятие антисистемы в исследовании результатов социально-экономических преобразований // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2017. Т. 21. № 4 (73). С. 118—128.
7. *Ермоленко А.А., Брижак О.В.* Концепт конформизма: новые возможности в исследовании трансформации экономических отношений // *Терра есопотісис*. 2017. № 3. С. 92—105.
8. *Качалов Р.М.* Оценка перспективности предлагаемых моделей развития экономической системы // *Экономическое возрождение России*. 2015. № 4 (46). С. 69—71.
9. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 42.
10. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 46 Ч. 1.
11. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 23.
12. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 25.
13. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 3.
14. *Нейсбит Дж.* Мегатренды. М.: Ермак, 2003. 380 с.

15. *Нуреев Р.М.* Периферия мирового хозяйства // *Terra economicus*. 2014. Т. 12. № 1. С. 123—149.
16. *Полищук Е.А.* Человеческий капитал в экономике современной России: проблемы формирования и реализации. Ижевск: ИжГТУ, 2005. 168 с.
17. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
18. *Санур Ж.* К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 232 с.
19. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
20. *Ханин Г.И.* Экономический кризис 2010-х гг.: социально-политические истоки и последствия // *Terra economicus*. 2015. № 2. С. 87—98.
21. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
22. *Шульц Т.* Ценность детей // *Thesis*. 1994. № 6. С. 43—69.
23. *Foster J.* *Evolutionary Macroeconomics*. L., 1987. 244 p.
24. *Hayek F.* *Individualism and Economic Order*. Ch.: The University of Chicago Press, 2012. 280 p.
25. *Hoffman R., McRobert A.* *Corporate Collapse. An Early Warning System for Leaders, Investors and Suppliers*. N. Y.: McGraw-Hill, 1999. P. 39—43.
26. *Kaplan R.S., Norton D.P.* *The Strategy Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive*. Harvard: Harvard Business School Press, 2001. P. 1—19.
27. *Krugman P.* On Economic Arrogance // *The New York Times*. 2017. Febr. 20.
28. *Leibenstein H.* *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge: MA, Harvard University Press, 1976. 297 p.
29. *Mises L.* *Human Action: a Treatise on Economics*. Third Revised Edition. Chicago: Contemporary Books Inc., 1966. 256 p.
30. *Mill J.S.* On the Definition of Political Economy and on Method of Investigation Proper to It // *Collected Works*. 9 vol. Toronto: UPress, 1970. Vol. 4. 368 p.
31. *Roubini N.* *The unconventional truth*. Project Syndicate. 2015. P. 8—14.
32. *Sartre J.-P.* *Critique de la Raison dialectique*. P., 1960. 761 p.
33. *Weber M.* *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1. Berkely: University California Press, 1978. 1469 p.

References

1. *Arrigi Dzh.* Dolgij dvadtsatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», 2006. 472 s.
2. *Brizhak O.V.* Korporativnyj kapital: transformacionnyj kontekst (istoriko-teoreticheskie refleksii) // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 6 (114). S. 53—69.
3. *Brizhak O.V.* Metodologicheskie i teoreticheskie aspekty konformirovaniya korporativnogo kapitala v usloviyakh sovremennykh preobrazovanij: monografiya. Krasnodar: Izd-vo: Print Terra», 2018. 236 s.
4. *Gehlbrejt Dzh.K.* EHkonomicheskaya teoriya i tseli obshhestva, M.: Progress, 1976. 408 s.
5. *Glaz'ev S.YU.* Formirovanie novoj institutsional'noj sistemy v usloviyakh smeny dominiruyushhikh tekhnologicheskikh ukladov // *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshhestva Rossii*. 2015. № 1. T. 190. S. 37—45.
6. *Ermolenko A.A.* Ponyatie antisistemy v issledovanii rezul'ta-tov sotsial'no-ehkonomicheskikh preobrazovanij // *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. T. 21. № 4 (73). S. 118—128.
7. *Ermolenko A.A., Brizhak O.V.* Kontsept konformizma: novye vozmozhnosti v issledovanii transformatsii ehkonomicheskikh otnoshenij // *Terra economicus*. 2017. № 3. S. 92—105.
8. *Kachalov R.M.* Otsenka perspektivnosti predlagaemykh modelej razvitiya ehkonomicheskoy sistemy // *EHkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2015. № 4 (46). S. 69—71.
9. *Marks K.* EHkonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda // *Marks K., EHngel's F. Soch.* 2-e izd. T. 42.
10. *Marks K.* EHkonomicheskoe rukopisi 1857—1859 godov // *Marks K., EHngel's F. Soch.* 2-e izd. T. 46 CH. 1.
11. *Marks K.* Kapital. T. 1 // *Marks K., EHngel's F. Soch.* 2-e izd. T. 23.
12. *Marks K.* Kapital. T. 3 // *Marks K., EHngel's F. Soch.* 2-e izd. T. 25.
13. *Marks K.* Tezisy o Fejrbakhe // *Marks K., EHngel's F. Soch.* 2-e izd. T. 3.
14. *Nejsbit Dzh.* Megatrendy. M.: Ermak, 2003. 380 s.
15. *Nureev R.M.* Periferiya mirovogo khozyajstva // *Terra economicus*. 2014. T. 12. № 1. S. 123—149.
16. *Polishhuk E.A.* CHelovecheskij kapital v ehnomike sovremennoj Rossii: problemy formirovaniya i realizatsii. Izhevsk: IzhGTU, 2005. 168 s.
17. *Stiglits Dzh.* Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii. M.: Natsional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond, 2003. 304 s.

18. *Sapir ZH. K ehkonomicheskoy teorii neodnorodnykh sistem: Opyt issledovaniya detsentralizovannoy ehkonomiki.* M.: GU VSHEH, 2001. 232 s.

19. *Fromm EH. Begstvo ot svobody.* M.: Progress, 1990. 272 s.

20. *Khanin G.I. EHkonomicheskij krizis 2010-kh gg.: sotsial'no-politicheskie istoki i posledstviya // Terra economicus.* 2015. № 2. S. 87—98.

21. *SHumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya.* M.: EHkonomika, 1995. 540 s.

22. *SHul'ts T. TSennost' detej // Thesis.* 1994. № 6. S. 43—69.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

**Противоречия социально-экономической системы будущего:
есть ли альтернативы?***

Аннотация. Глобализационные процессы трансформации сопровождаются сегодня величайшими потрясениями, определяющими одновременно и будущее всего человечества. Глобальный капиталистический рынок трансформируется в неразделимое единое целое, надстраивается над национальными рынками и поглощает их. Возникают новые действующие хозяйственно-экономические субъекты в лице ТНК и ТФУ. При этом контролирующая и регулирующая роль национальных правительств нивелируется, а в образовавшуюся пустоту проникают «хозяева денег», без особых ограничений навязывая свою волю руководителям некогда независимых государств. Тем не менее существующие сегодня производственные отношения стали производственной основой потенциальной стратегии «вырыва» России в авангард мировой экономики в условиях «господства» *суперкорпорации*.

Ключевые слова: социально-экономическая система, транснациональные корпорации, институты нации-государства, социоисторические организмы, глобализация, глобальные классы, империализм, эвфемизация.

---

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-010-00877 А.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Альпидовская М.Л. Противоречия социально-экономической системы будущего: есть ли альтернативы? // *Философия хозяйства.* 2018. № 6. С. 102—112.

Abstract. The globalization processes of transformation are accompanied today by the greatest upheavals that determine the future of all mankind simultaneously. The global capitalist market is transformed into an indivisible whole, built on and absorbed by national markets. There are new operating economic and economic entities. At the same time, the controlling and regulating role of national governments is leveled, and the «masters of money» penetrate into the emptiness, without imposing their will on leaders of once independent states. Nevertheless, today's production relations have become the production basis for a potential strategy of «breaking» Russia into the vanguard of the world economy under conditions of «domination» of the super-corporation.

Keywords: socio-economic system, transnational corporations, nation-state institutions, sociohistorical organisms, globalization, global classes, imperialism, euphemism.

УДК 330.342.3/4
ББК 65в

Задача... руководителя заключается не в том, чтобы субъективистски и волонтаристски навязывать общественному движению изобретенную им программу действий, а в том, чтобы правильно понять, правильно выразить реальные потребности общественного движения, указать пути и средства их удовлетворения... [3, 10].

Человечество на рубеже XX—XXI вв. вступило в трансформационный период, сопровождающийся величайшими потрясениями, сопряженными с глобализационными процессами. В итоге они и определяют его будущее...

Глобализация, охарактеризованная Ю.И. Семеновым как метаморфоза глобальной системы социоисторических организмов в один мировой социально-исторический организм [13, 501], имеющая своей целью сращивание экономик всех стран в единую социально-экономическую систему, проявляется в свободном и неограниченном перемещении капитала, товаров и денег из одной страны в другую.

Наибольшее «сращивание экономик» произошло в финансовой сфере, что в итоге привело к глобальной финансиализации экономики со всеми вытекающими последствиями. Объем транзакций с участием спекулятивного, на самом деле — фиктивного, капитала на глобальном

финансовом рынке кратно превышает объем транзакций реального сектора экономики (рис. 1).

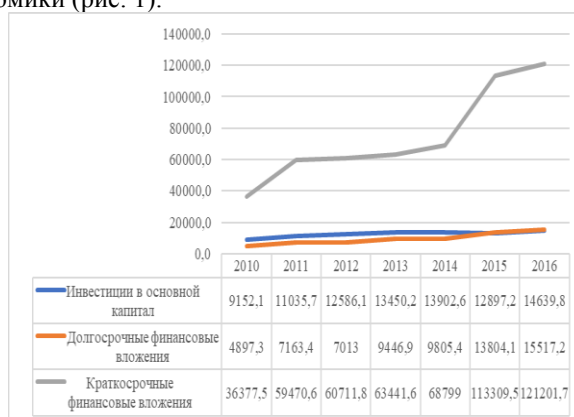

Рис. 1. Классификация инвестиций и вложений, млрд р. [5, 37—81]

И определяющий сегодня динамику глобальной экономической системы фиктивный капитал в любой момент может «обанкротить» любую страну, включенную в данную глобальную систему, и привести ее к катастрофе. В предисловии к русскому изданию книги Г.-П. Мартина и Х. Шуманна «Западная глобализация...» академик Д.С. Львов писал: «Мировая финансовая система превратилась... в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран золотого миллиарда. Это — раковая опухоль... Опасность разрастания этой финансовой чумы... становится все более очевидной. Если ее не остановить... она может развиться в глобальный мировой кризис XXI века» [8, 14]. Этот прогноз полностью оправдался. Разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис и в настоящее время только набирает обороты.

Однако, вникая в сущность глобализации как таковой, невооруженным глазом фиксируется, что на протяжении всей «новейшей» истории России, крайне распространенным стало употребление *эвфемизации*, смягчающей понятия, категории, действия, события... [1]. На самом деле, употребление искаженных и мнимых имен заведомо вырывает рассуждения из сферы здравого смысла и обращает их в средство манипуляции сознанием. Собственно, на этом основании перманентно

сочиняются и вводятся в широкий оборот все новые и новые эвфемизмы. Так как, «когда мы поймем, что экономическая игра ведется нечестно, положение может стать взрывоопасным» [11, 123].

Итак — «глобализация»... В настоящее время ярко проявляются некоторые смешения, а вернее, эвфемизации понятий глобализма и интернационализма. Это происходит осознанно и не без излишней определенной экономической заинтересованности в различных кругах российской властной, экономической элиты и культурного истеблишмента. Заблуждения в отождествлении этих понятий часто идут дальше при сопоставлении интернационализма и космополитизма, призывающего, в свою очередь, к уничтожению государственных границ и не только. И снова проявляется идея «мирового государства», директивное и плановое руководство в котором отводится ведущей мировой державе.

Как бы парадоксально ни звучало, но все те свойства социально-экономической системы капитализма, которые характеризуют состояние глобальной экономики XXI в., были изложены в брошюре В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» более века назад [7]. В брошюре, которая была впервые опубликована в России в 1917 г. под названием «Империализм, как новейший этап капитализма» и прошла царскую цензуру, были отмечены пять основных признаков империализма конца XIX — начала XX в.: «Это и концентрация производства и капитала с высокой степенью развития и возникновением предпосылки к созданию монополий; и слияние банковского капитала с промышленным капиталом, ведущее к образованию финансового капитала, финансовой олигархии; и вывоз капитала, который в отличие от вывоза товаров приобретает сверхважное значение; и монополизация, сопровождающаяся формированием всесильных и всевластных международных монополий», делящих между собой весь мир; а также тезис о территориальном разделе мира между крупнейшими капиталистическими державами [7].

Немаловажную роль в глобальных процессах играют транснациональные корпорации (ТНК). В 2011 г. ученые Швейцарского федерального технологического института, расположенного в Цюрихе, завершили многолетние исследования процессов концентрации и централизации производства и капитала в глобальном масштабе. Скрупулезно исследовав взаимосвязи 43 тыс. ТНК, ученые, отбирая информацию о 187 производственных и финансовых гигантах, экономически непосредственно контактирующих друг с другом, выявили единый центр. Это — единая *суперкорпорация*, которая уже управляет мировой соци-экономической системой [16].

Благодаря повсеместному внедрению и широкому применению результатов научно-технического прогресса⁸ у этой всемирной *суперкорпорации*, бесспорно, всемирное производственно-техническое лидерство. Исключительное экономическое и научно-техническое могущество новой техники и новых технологий разрешает ей формировать и поддерживать в глобальном масштабе определенные с точки зрения всего общества непреложные уровни таких существенных свойств и критериев экономической и социальной эффективности производства, как издержки, цены, качество продукции и ее наукоемкость, диверсификация и т. д. и т. п.

В свою очередь, *суперкорпорация* не имеет возможности прервать свое движение ввиду того, что может остаться вне зоны рынка. Да и у порога уже стоит четвертая промышленная революция. Формируются и развиваются поочередно различные «умные» отрасли, питанные «цифровым» содержанием и влекущие за собой возникновение «новых» экономик... При этом ни одна из ТНК не гнушается лоббированием своих экономических интересов в законодательных органах. Крупные ТНК стали платить налоги по значительно более низким ставкам, чем до финансового кризиса 2008 г. Их средняя эффективная налоговая ставка снизилась с 26% в 2008 г. до 24% в 2016 г., а в 2000 г. она и вовсе была равна 34%. Это произошло, несмотря на международную борьбу с уклонением от налогов. Также, по данным КРМГ, с 2008 г. средняя базовая налоговая ставка для корпораций снизилась на 5%, а для населения выросла на 6% (рис. 2).

В 1990-х гг. *суперкорпорация* без особого сопротивления со стороны Российской Федерации нарушила российские экономические границы, и ослабевающая российская экономика утратила способность к выживанию: все важнейшие отрасли с высокой добавленной стоимостью, такие как авиастроение, судостроение, тракторостроение, химическая промышленность, машиностроение и *etc.* В частности, ситуация в машиностроении и станкостроении действительно плачевна. «Ежегодное число вновь устанавливаемого оборудования оценивается до 30 тыс. единиц станков в год, включая импорт. Усугубляет ситуацию то, что доля нового оборудования невелика, а станки с ЧПУ по разным оценкам составляют около 5% парка, тогда как в странах ЕС — 21%.

---

⁸ Во второй половине XX в. научно-технические подразделения ТНК, занятые созданием новых технологий и продуктов, приобрели между собой прочные разветвленные экономические и технико-научные связи, работают по взаимно-согласованным направлениям и проблемам, обмениваются разнообразной информацией, обладают всеми атрибутами взаимодействия и единства.

Стоит также отметить почти полную зависимость нашего станкостроения от импорта систем ЧПУ даже для собственного производства станков» [4] (рис. 3).

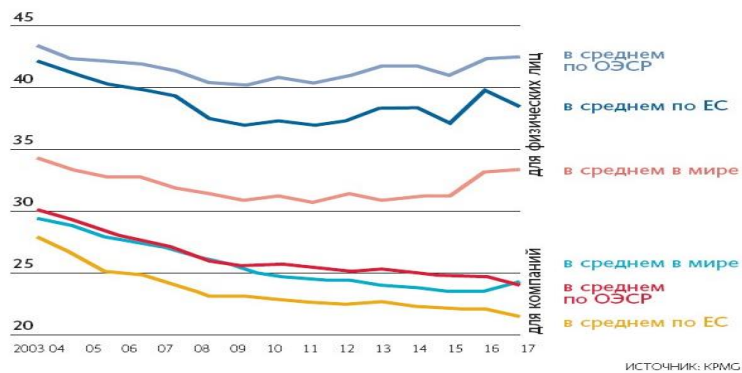

Рис. 2. Базовые ставки налогов на прибыль корпораций и доходы физических лиц [12]

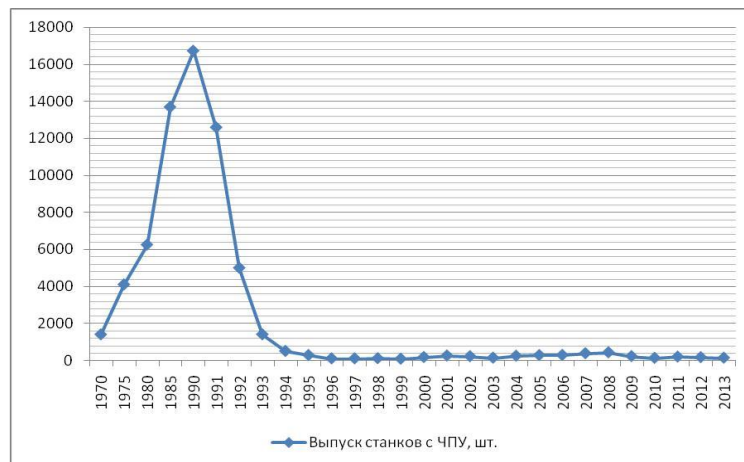

Рис. 3. Выпуск станков с ЧПУ в РФ (1970—2013) [14]

Функция снабжения отечественной промышленности техникой и технологиями перешла к *суперкорпорации* и Китаю, что составляет около половины отечественного импорта [6].

Все же при разрушении российской экономики стране в целом удалось сохранить право на суверенитет благодаря наличию ракетно-ядерного щита, и по сей день играющего важную роль в процессе неполного колониального переустройства сырьевого сектора российской экономики. Не произошло его полноценного поглощения *суперкорпорацией*.

Социально-экономические отношения «господства—подчинения», свойственные эпохе глобализации, не возникли между *суперкорпорацией* и Россией — они действуют в рыночном русле.

Тем не менее как раз сырьевой сектор отечественной экономики и существующие производственные отношения с всемирной *суперкорпорацией* стали производственным базисом вероятной стратегии «вырыва» России в авангард мировой экономики в условиях «гегемонии» *суперкорпорации*.

Возвращаясь к проблемам глобального социоисторического организма, хотелось бы отметить, что глобальный капиталистический рынок, складывавшийся как система национальных (социорных, по Ю.И. Семенову) капиталистических рынков, в качестве действующих субъектов имел национальные предприятия и корпорации. Сегодня глобальный капиталистический рынок трансформируется в неразделимое единое целое, надстраивается над национальными рынками и поглощает их. Возникают новые действующие хозяйственно-экономические субъекты — ТНК и ТФУ (транснациональные финансовые учреждения). При этом контролирующая и регулирующая роль национальных правительств нивелируется, а в образовавшуюся пустоту проникают «хозяева денег», без особых ограничений навязывая свою волю руководителям некогда независимых государств. И сегодня проблема «состоит лишь в том ... что политики в большинстве своем все еще не понимают, до какой степени они уже находятся под контролем денежных рынков и даже управляются ими» [8, 91].

Постепенно поглощая суверенные и независимые экономики отдельных государств, глобальная экономика сегодня не являет собой социально-исторический организм с точки зрения его безусловного сущностного понимания. Отдельные конкретные общества не исчезают, они становятся частями этого организма. Вследствие этого глобальная социально-экономическая система по своей сути представляет собой так называемый «сверхорганизм».

В настоящее время глобальная капиталистическая система иерархична по своей структуре. Она состоит из двух частей — центра и периферии (метрополий и колоний, «ортокапитализма» и «паракапитализма»). Ортокапитализм всегда эксплуатировал и продолжает эксплу-

атировать страны паракапитализма. При этом социально-экономическое положение паракапиталистических стран характеризуется следующими основными чертами: экспортным и зависимым характером экономики; деиндустриализацией; специализацией, монокультурностью экономики в условиях мирового разделения труда; олигархической системой правления, коррупцией; неразвитым внутренним рынком в условиях нищеты подавляющей части населения; депопуляцией и проблемами в демографической сфере; политической нестабильностью; ростом социальной напряженности.

Собственно, с этим связана концепция зависимого развития Гуннара Мюрдаля, фактически разделявшего идеи зависимости, но подобным образом свои взгляды не характеризовавшего. Эта концепция была предложена им в конце 1950-х гг. В работе «Мировая экономика: проблемы и перспективы» [9]. Г. Мюрдаль отмечал, что весь мир, существующий вне советского влияния, представлял собой интегрированное экономическое целое, состоящее из двух частей капиталистической системы подобных общественным классам. При этом население ортокапиталистических стран образует «высший класс». Г. Мюрдаль писал, что своей основе «различия между странами имеют черты сходства с различиями между классами внутри нации, если иметь в виду классы, как они существовали до того, как началось их быстрое размывание в связи с процессом национальной интеграции в наших современных государствах благоденствия. В этом смысле большая часть остального человечества образует низший класс наций, а ряд наций находятся в положении промежуточного слоя людей. В сущности, учитывая уровень жизни людей в этих странах, можно сказать, что термин “пролетариат” был бы более уместен при таком сравнении в международном масштабе, чем когда-либо, или во всяком случае, чем теперь внутри любой из развитых стран. Великое пробуждение отсталых стран постепенно пробуждает среди их народов классовое сознание, без которого общественная группировка является аморфной и разъединенной» [9, 479].

Итак, ортокапитализм всегда эксплуатировал паракапитализм, и сегодня эта эксплуатация растет с каждым новым циклом глобального воспроизводственного процесса. Этот процесс сопровождается формированием и развитием общественных классов, состоящих не из человеческих существ, а из социоисторических организмов. Имя им — глобальные классы. Налицо становление глобального классового общества, что несомненно и в обязательном порядке приведет к возникновению неразрешимых противоречий, влекущих за собой начало классово-

вой борьбы, проявляющейся уже сегодня в самых разнообразных формах. И это — уже *новая* история...

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // *Философия хозяйства*, 2013. № 1 (85). С. 37—47.
2. *Альпидовская М.Л.* Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной фундаментальной экономической науки // *Теоретическая экономика*, 2018. № 1 (43). С. 12—17.
3. «*Анти-Дюринг*» Ф. Энгельса и современность / Ред. коллегия: Л.Ф. Ильичев (руководитель) и др. М.: Мысль, 1978. 318 с.
4. *Иванов В.П.* Станки, станки, станки... [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/stanki-stanki-stanki>— Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) (дата обращения: 20.05.2018).
5. *Инвестиции в России. 2017: Стат. сб.* / Росстат. М., 2017. С.37—81.
6. *Корняков В.И., Альпидовская М.Л.* О «дорожной карте» России и ее месте в мировой экономике: преодоление препятствий // *Вестник ТвГУ. Сер. Экономика и управление*. 2015. № 1. Т. 1. С. 57—68.
7. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. М.: Издательство политической литературы, 1969.
8. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2001. 335 с.
9. *Мюрдаль Г.* Мировая экономика: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 555 с.
10. *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.
11. *Райх Р.Б.* Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2012. 208 с.
12. *Топленски Р.* Налоги не догнали бизнес: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/03/13/753285-korporatsii-menshe-nalogov>— ВЕДОМОСТИ (дата обращения: 20.05.2018).
13. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект; Трикста, 2013. 615 с.

14. Статистика / Проект «исторические материалы» [Электронный ресурс]: URL: <http://istmat.info/statistics> (дата обращения: 16.03.2018).

15. *Стиглиц Д.ж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. 512 с.

16. Миром правит суперкорпорация // Aktiv.com.ua: [сайт]. URL: <http://aktiv.com.ua/archives/5912>.

References

1. *Al'pidovskaya M.L.* Sotsial'no-ehkonomicheskaya ehvfemizatsiya kak sposob sushhestvovaniya sovremennogo ehkonomizma // *Filosofiya khozyajstva*, 2013. № 1 (85). S. 37—47.

2. *Al'pidovskaya M.L.* Tselostnost' kak imperativ rasshirenogo vosproizvodstva natsional'nogo khozyajstva: problemy sovremennoj fundamental'noj ehkonomicheskoy nauki // *Teoreticheskaya ehkonomika*, 2018. № 1 (43). S. 12—17.

3. «Anti-Dyuring» F. EHngel'sa i sovremennost' / Red. kollegiya: L.F. Il'ichev (rukovoditel') i dr. M.: Mysl', 1978. 318 s.

4. *Ivanov V.P.* Stanki, stanki, stanki... [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/stanki-stanki-stanki>— TSEnter Sulakshina (TSEnter nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii) (data obrashheniya: 20.05.2018).

5. Investitsii v Rossii. 2017: Stat. sb. / Rosstat. M., 2017. S.37—81.

6. *Kornyakov V.I., Al'pidovskaya M.L.* O «dorozhnoj karte» Rossii i ee meste v mirovoj ehnomike: preodolenie prepyatstvij // *Vestnik TvGU. Ser. EHkonomika i upravlenie*. 2015. № 1. T. 1. S. 57—68.

7. *Lenin V.I.* Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma. Populyarnyj ocherk. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969.

8. *Martin G.-P., SHumann KH.* Zapadnya globalizatsii. Ataka na protsvetanie i demokratiyu / Per. s nem. G.R. Kontareva. M.: Izdatel'skij Dom «AL'PINA», 2001. 335 s.

9. *Myurdal' G.* Mirovaya ehkonomika: Problemy i perspektivy [Tekst] / Per. s angl. A.V. Evrejskova, O.G. Klesmet; Vstup. stat'ya A.I. Bechina; Red. YU.YA. Ol'sevich. Moskva: Izd-vo inostranoj literatury, 1958. 555 s.

10. *Prebish R.* Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? / Sokr. per. s isp. pod red. i s predisl. V.V. Vol'skogo, I.K. SHeremet'eva. M.: ILA, 1992. 337 s.

11. *Rajkh R.B.* Posleshok. EHkonomika budushhego / Per. s angl. — I. YUshhenko; Predislovie M. KHazina. M.: Kar'era Press, 2012. 208 s.

12. *Toplenski R.* Nalogi ne dognali biznes: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/03/13/753285-korporatsii-menshe-nalogov>— VEDOMOSTI. (data obrashheniya: 20.05.2018).

13. *Semenov YU.I.* Filosofiya istorii. Obshhaya teoriya istoricheskogo protsessa. M.: Akademicheskij proekt; Triksta, 2013. 615 s.

14. Statistika / Proekt «istoricheskie materialy» [EHlektronnyj resurs]: URL: <http://istmat.info/statistics> (data obrashheniya: 16.03.2018).

15. *Stiglits Dzh.* Krutoe pike: Amerika i novyj ehkonomicheskij porjadok posle global'nogo krizisa / Per. s angl. M.: ENksmo, 2011. 512 s.

16. Mirom pravit superkorporatsiya // Aktiv.com.ua: [sajt]. URL: <http://aktiv.com.ua/archives/5912>.

К.В. МОЛЧАНОВ

Об одной из катастрофических ошибок К. Маркса *

Аннотация. В статье обсуждается одна из катастрофических ошибок К. Маркса. Это ведет к основательному переосмыслению «Капитала» Маркса. Обсуждаемая проблема также определяет комплекс вопросов, касающихся современных экономических знаний, их развития и применения. Основным результатам нашего исследования является выявление подходов к исследованию «Капитала» Маркса в частности и экономических проблем в целом. Результаты исследования могут быть использованы для развития экономических знаний и определения путей социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: «Капитал» К. Маркса, политическая экономия, стоимость, диалектика, экономическая наука, актуальное экономическое познание.

Abstract. The article discusses one of Karl Marx's catastrophic mistakes. This leads to the radical rethinking of «Capital» by Marx. The discussed problem also defines the complex of issues relating to modern economic knowledge, its development and application. The main result of our research is to identify the approaches to the study of «Capital» by Marx in particular and economic problems in general. The results of the research can

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Об одной из катастрофических ошибок К. Маркса // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 112—123

be used to develop economic knowledge and to determine the ways of socio-economic development of society.

Keywords: «Capital» by Karl Marx, political economy, value, dialectics, economic science, topical economic cognition.

УДК 001.4
ББК -3*81.2

Ряд открытий в современной политической экономии был сделан на основе осмысления ошибок К. Маркса, особенно совершенных им в его грандиозном «Капитале».

Эта статья посвящена обсуждению одной из ошибок К. Маркса, которых, к сожалению, достаточно много в его учении и которые привели, с одной стороны, в свое время к его ожесточенной буржуазной критике, хорошо известной (см., напр.: [1]) и обсужденной нами в достаточном объеме в ряде наших работ, и, с другой стороны, теперь к переосмыслению нами Марксова экономического учения и к актуализации нашего авторского проекта «Капитал — 2», о котором уже говорилось в ряде наших работ (см., напр.: [7]).

Конечно же, на первый взгляд заявление об ошибках, причем о многих ошибках, великого Маркса кажется фантастическим и несостоятельным, ибо его учением восхищались и восхищаются до сих пор миллионы людей и на его учении даже выросла целая плеяда экономистов, в том числе советских, создававших свои теории, предназначенные для развития социализма, для окончательной победы над капитализмом, для неуклонного повышения благосостояния каждого гражданина в первой стране социализма и для многого-многого другого, о чем было написано в советских учебниках.

Но утверждение об ошибках Маркса, о чем нельзя было говорить в СССР, базируется на многих положениях: и буржуазная критика, и политэкономическая практика СССР, вплоть до официально признанного «отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда» и вообще «искажения принципов социализма» [4, 4, 78], и критическое диалектическое осмысление экономического учения Маркса, предпринятое нами, например, критика Марксова определения стоимости [5], и др. При этом утверждение об ошибках Маркса никак не умаляет достоинства сути его экономического учения, более того, приводит к новым реальным открытиям в области экономической теории.

Таким образом, исследование нами ошибок Маркса предназначено не столько для критики его экономического учения, что уже не столь важно, сколько для переосмысления и развития этого учения и

для создания нового политэкономического знания, что весьма важно и само по себе, и по ряду конкретных причин, как теоретических, так и практических, причем важнейшими из них, на наш взгляд, являются понимание экономики как таковой, чего не может быть осуществлено в материалистичной экономической науке [6], и развитие экономики в России, разговоров о котором много, но даже поручение Президента РФ в 2016 г. (!) о создании программы роста экономики так до сих пор и не выполнено (!), причем даже не было установлено, *что* следует развивать. Но если раскрытие и обсуждение создания и развития как современного политэкономического познания, так и проекта «Капитал — 2», осуществляемых в авторской *современной политической экономии*⁹ и имеющих одной из своих основ как раз критику экономического учения Маркса, будет последовательно осуществляться в последующих наших работах, то в настоящей статье мы остановимся на одном из шагов решения соответствующих этому задач — на обозначении одной из самых критичных Марксовых ошибок, которая важна и для понимания многих современных нерешенных вопросов в экономической теории, и для создания и развития современного экономического знания...

К. Маркс в своем труде «К критике политической экономии» при описании товарно-денежного отношения в виде последовательности $T — Д — T$ как бы использовал третью фигуру умозаключения $O — В — E$, обозначенную Гегелем [2, т. 1, 294]. Маркс рассматривал логику товарно-денежного отношения на примере последовательности покупок за деньги железа, называемого особенным товаром, и пшеницы, называемой единичным товаром [3, т. 13, 71—77, 82]: «первый T относится к деньгам как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся ко второму T как всеобщий товар к единичному товару» [3, т. 13, 78].

Да, использование знаний Гегеля само по себе весьма серьезно, и это обычно всегда принимается и не критикуется, ибо авторитет великого философа заслуженно велик и его учение истинно. Но ведь применять-то диалектику нужно разумно, а не как Маркс — в переверну-

---

⁹ Ее предметные и методологические основы, направления исследований и задачи были определены в нашей диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии», защищенной в 2003 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова.

том, по его же собственным словам, виде¹⁰! И что же в действительности являет применение Марксом указанной фигуры умозаключений в исследовании товарно-денежного обращения, зачем это им было сделано и каковы последствия этого?

Обсуждение обозначенного вопроса начнем с того, что, во-первых, сразу же бросается в глаза то, что, несмотря на формально логичную Марксову запись, имеется искажение: дело в том, что у Маркса в приведенном им случае средний термин — деньги, т. е. этот термин выступает в определенности, или *деньги — как максимум определенность, но никак не всеобщее, и они не соответствуют всеобщему*. При этом золото, которое у Маркса выступало в его рассуждениях в роли денег, — это такой же товар, как и другие товары. Таким образом, упоминание Марксом всеобщего не соответствует ни общепринятому (гегелевскому) понятию всеобщего, ни его применению, т. е. обозначенная фигура умозаключения не могла быть использована Марксом в принципе в ее качестве.

Во-вторых, если же понятие всеобщего, или гегелевское диалектическое понятие всеобщего, надо понимать в некоем политэкономическом смысле, как-то материалистично (!), то для этого Маркс должен был дать не просто разъяснения, а обоснование своего (материалистического!) понимания (якобы идеалистического) всеобщего, т. е. развернутое определение (а прежде — еще и основу) соответствующего понятия в смысле материализма. Но Маркс его не дал, ибо *не мог в принципе дать определение всеобщего в смысле материализма, который исключает сверхчувственное и соответствующие ему всеобщее, понятие, идею и др. и непосредственно и как объективные категории*¹¹. Иными словами, Марксу при применении всеобщего в его истинном гегелевском понимании (а иного нет) пришлось бы отказаться от своей материалистической парадигмы¹², от своих исследований...

Более того, в-третьих, понятие (термин) «особенный» и, в-четвертых, понятие (термин) «единичный» также имеют свои однозначные диалектические определения, указанные Гегелем, которые никак не следуют из понятий продажи и покупки товаров, обмена и потребления и т. п. При этом (1) в смысле Марксовых материалистич-

---

¹⁰ Как известно, К. Маркс перевернул, по его словам, диалектику Гегеля [3, т. 23, 21], но при этом, как оказывается, использовал ее инструменты непосредственно!..

¹¹ К примеру, про абсолютную идею Маркс написал, что она «сама по себе есть ничто» [3, т. 42, 171].

¹² В целом так и нужно было сделать, и так наукам нужно сделать сейчас...

ных политэкономических рассуждений особенное и единичное, как и всеобщее, определить (выделить) нельзя, можно лишь что-то назвать соответствующими словами. Кроме того, (2) какая-то частная трактовка Марксом этих общеизвестных терминов может, конечно же, иметь место при *некой раздаче определений*, но не может подменять *суть дела*, а ведь именно это и сделал Маркс, необоснованно приписав удобным для него (точнее — неизбежным для его рассуждений) определениям диалектические смыслы: товар, который «вступает в сферу обращения», — это в рассуждениях Маркса «особенный»¹³ товар, а который «покидает сферу обращения» — «единичный»¹⁴. Иными словами, товары «железо» и «пшеница», по Марксу, отличны в смысле (для) умозаключения (!) тем, что первый вступает в сферу обращения, а второй покидает сферу обращения (предназначен для потребления), что, кстати, составляет лишь частный случай. Тогда различие логических терминов (умозаключения) оказывается определенным частной трактовкой одного из предназначений товаров (!) — но это же нонсенс! Однако даже такой частный случай, такие определения, Марксу, следовало бы раскрыть и доказать, но именно этого сделано не было. Более того, (3) при этом, т. е. в случае Марксовых определений, точно также *можно сказать*, например, что пшеница может вступать в сферу обращения (для производства хлебобулочных изделий), а железо может быть предназначено для потребления (на заводе). Также можно использовать термины «продается» и «покупается» и т. п. Иными словами, приведенная Марксом последовательность не обоснована и, как минимум, не однозначна. А в целом при анализе Марксовых рассуждений налицо ряд положений, опровергающих и приведенную Марксом последовательность терминов, если ее понимать как умозаключение, и приданные ее членам значения; в частности можно указать такие положения:

- цепочка актов купли продажи, указанная самим Марксом [3, т. 13, 77], в которой товары равноправны в смысле понятий покупки и продажи, причем формальная фиксация одной из этих ипостасей для одного товара ведет к возможности определения противоположной для другого,

- любой товар может выступать двояко в смысле продажи и покупки, причем вне зависимости от позиций, которые им уготовил Маркс, и при этом некий конкретный товар нужен соответствующему

---

¹³ Но это — необоснованный, ничтожный смысл понятия «особенное», принципиально отличный от истинного смысла особенного, указанного Гегелем.

¹⁴ Но это — необоснованный, ничтожный смысл понятия «единичное», принципиально отличный от истинного смысла единичного, указанного Гегелем.

покупателю (для использования, например, для потребления) и любому продавцу нужны деньги,

- товар может быть куплен не только для личного потребления (например, даже акцентированная в приведенной последовательности пшеница может закупаться для производства хлебобулочных изделий, именно которые Маркс *должен был бы* тогда указать, как «единичный товар»), и др.

При этом вообще актуальны рассуждения разного рода: так, продаваемый товар может быть использован для потребления, например, железо для сталелитейного завода, т. е. товары, в частности, могут выступать оба в некоем смысле единичного, и тогда не исключены последовательности $E — B — E$. Кроме того, и покупаемый товар может быть не использован для личного потребления, например, пшеница может быть использована для производства хлебобулочных изделий, и тогда не исключены последовательности $O — B — O$. Эти и многие другие варианты трактовки терминов и рассуждений не рассмотрены Марксом, что существенно, ибо изменяет не только логику его последовательности из-за различных условностей, но и объем соответствующих экономических позиций и исследований. Имеются и иные несоответствия, несостыковки и противоречия в Марксовых рассуждениях.

В-пятых, «всеобщий товар», «особенный товар» и «единичный товар» — это все товары, а не всеобщее, особенное и единичное!

В-шестых, вообще все назвать можно как угодно, хоть «ежиком» и т. п., но что в этом толку в смысле логики, если при этом в обсуждаемом случае не обнаруживаются даже надлежащие признаки членов умозаключения? Иными словами, Марксом была осуществлена подмена понятий: за красивыми, удобными и нужными для него словами (также см. ниже) скрывается искажение смыслов логики вообще и приведенной фигуры умозаключения и ее применения в частности. (Но зачем же Марксу надо было осуществлять подмену понятий и искажать логические положения — не в целях ли придания весомости обозначенного им утверждения¹⁵ и последующего скрытия противоречий рассуждений и вытекающих из этого ошибок, неизбежно возникающих при извращении (перевертывании) диалектики?)

Более того, в-седьмых, примененная Марксом фигура умозаключения *a*) была взята сразу и непосредственно (без необходимого в дан-

---

¹⁵ Например, как известно, Ф. Энгельс при заявлении своих «законов» диалектики [3, т. 20, 384] использовал аналогичный прием: указал, что эти «законы» якобы развиты Гегелем, однако ссылок не привел (а у Гегеля нет даже намека на такие «законы»).

ном случае логического вывода используемых понятий и без доказательства существенности и использования соответствующих определений), причем *б*) применена к отдельному положению (т. е. вырвана из контекста логики *развития* рассматриваемого феномена), что в диалектике является грубейшими ошибками: она требует не выхватывания той или иной части процесса и *оголтелого* высказывания мнения о ней, а обоснования посылки, выведения утверждения и доказательства его. В смысле же указанной Марксовой последовательности (манипуляции) можно придавать любые значения (трактовки) соотносимым элементам, что и было фактически сделано Марксом, но при этом *в*) им не были учтены существо и специфика соответствующей фигуры умозаключения (и опять же, она не могла быть использована Марксом в принципе)...

Таким образом, у Маркса имеется некая последовательность, но никак не имеется и не используется умозаключение: Маркс не применил фигуру умозаключения $O — B — E$, а привел некую последовательность с собственным наименованием позиций, более того, которую нельзя рассматривать ни как логическую, ни как характеризующую экономику (обмен) по существу или хотя бы в целом (что неизбежно должно было привести к неверным определениям некоторых последующих категорий, о которых будет сказано далее, и к противоречиям «Капитала», некоторые из которых были указаны буржуазной критикой (см., напр.: [1]) и нами в ряде наших работ).

Но зачем Марксу надо было указанные им товары разносить на разные категориальные уровни и вообще говорить о фигуре умозаключения? (В ответе на этот вопрос кроется ответ и на другой, предыдущий вопрос — о том, зачем Марксу надо было осуществлять подмену понятий.)

Однако вопрос все же не столько в ошибочном применении обозначенного Гегелем логического инструмента, причем на фоне перевертывания определившей его диалектики, это — ширма, а в некоем положении, скрытом за таким неожиданным и *абстрактным* использованием Марксом *конкретного* положения философии Гегеля. Действительно, именно то, что деньги якобы выступают в смысле всеобщности (или соответственны ей) является краеугольным положением рассуждений Маркса, которое архиважно для его учения в целом и для «Капитала» в частности: в первую очередь, для обоснования в первом томе «Капитала» перехода от всеобщей формы стоимости к денежной форме [3, т. 23, 79] и для выстраивания рассуждений третьей главы «Деньги, или обращение товаров» и второго отдела «Преобразование денег в капитал», без которых «Капитал» теряет и многие из положений своей ос-

новы и многие из своих смыслов. И именно в этих важнейших частях «Капитала» совершенная Марксом ошибка логического порядка (точнее все же диалектического, раз уж разговор идет о всеобщем, особенном и единичном, пусть и в логическом плане) приводит к нарастающим противоречиям как теоретическим (указанным нами в ряде наших статей), так и практическим (в смысле применения выводов Маркса к практике, на что, как известно, особенно обращала внимание буржуазная критика).

А концептуально все дело во всеобщем, которое не может быть идентифицировано, определено и принято в материализме, точнее — которое может быть определено и использоваться только в диалектической философии и в дисциплинах, создаваемых на ее основе (например, указанная ранее авторская *современная политическая экономия*).

И в итоге Марксу только и оставалось, что «перевернуть форму III» [3, т. 23, 79], т. е. продолжать проводить рассуждения в «Капитале» после утвержденной *всеобщей формы стоимости*¹⁶ уже супротив полученному им же выводу.

Причем и сам Маркс оказался в сетях совершенной им ошибки: например, ему пришлось не только бездоказательно *перевернуть*¹⁷ «форму III», но и обозначить следующее *недоразумение*: «если бы холст или вообще какой-либо товар¹⁸, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом» [3, т. 23, 78—79] (что, кстати, в определенной мере является следствием критичного положения, указанного Марксом при анализе меновой стоимости, о котором мы уже писали в одной из наших работ), и «деньги выступают, таким образом, только как средство обмена товаров, но не как средство обмена вообще» [3, т. 23, 79], т. е. они даже формально не всеобщие...

Особенно важно то, что, в частности, деньги нельзя определять так, как это сделал Маркс, причем уже не только потому, что золото, как и любой другой товар, покупается и продается, т. е. является товаром, но и логически, т. е. необходимо... иное определение денег (!).

---

¹⁶ В смысле диалектики даже абстрактная теоретическая конструкция такого рода невозможна.

¹⁷ Не надо было переворачивать диалектику!

¹⁸ Например, обдуманное Марксом золото, которое «исторически завоевало» «привилегированное место среди товаров» [3, т. 23, 79], — это товар, вступающий в обращение и покидающий его, как и любой другой товар. А его место в товарообороте? — так не место же красит товар...

При этом сама теоретическая неопределенность денег весьма опасна для Марксовых рассуждений в «Капитале», в том числе о товаре (и опять же для последовательности Т — Д — Т) и о финансовом капитале. А что касается современного понимания и определения денег — так это одна из острых злободневных проблем экономической науки, ибо имеется слишком уж много их противоречащих друг другу определений. Более того, далее явно выступает проблема определения цены через неопределенные деньги¹⁹ и ряда других важных научно-экономических категорий. И т. д.

В целом же можно сделать вывод о том, что кажущаяся всеобщность товара «золото» придает вид всеобщности и деньгам, что якобы обосновывает их неопределяемые с точки зрения материализма характеристики (особенно устойчивое обращение необеспеченных денег!..) ²⁰, однако, что более важно, все это скрывает истинный смысл денег и цены²¹ и является одной из существенных причин, не позволяющих осмыслять экономическую реальность и создавать программы роста экономики на объективно-научных принципах...

Итак, существенна обозначенная катастрофическая ошибка Маркса, и она — весьма важное положение, критичное не только для экономического учения Маркса, но и для современной экономической теории, ибо искажает представления экономистов и чиновников о ряде важных экономических категорий и устоявшихся положений, причем не только Марксовых, но и вообще имеющихся в экономической науке, прежде всего, о деньгах и цене. Отсюда возникают известные теоретические и практические проблемы экономической науки с пониманием капитала, инфляции и т. д.²², особенно кризисов, для уменьшения негативных последствий которых экономисты и чиновники ровным счетом ничего не могут сделать во многом по причине отсутствующих в науках представлений о том, что по сути трансформировал Маркс, определяя всеобщую форму стоимости (хотя все же в основе почти

---

¹⁹ Одно из стереотипных современных определений: «Цена — количество денег, уплачиваемое и получаемое за единицу товара или услуги» [9, 560].

²⁰ Тут рассуждения о доверии и т. п. в рамках наук, базирующихся на принципах материализма, ничтожны, так как соответствующие понятия не определены, принимаются интуитивно, причем всеми по-разному, и даже то, что такое мышление, в них не определено.

²¹ В упомянутой ранее авторской *современной политической экономии* получено диалектическое определение денег и цены, отличное от Марксовых и традиционных объективно-научных.

²² В частности, позиций, обсужденных нами в [6; 7].

всех искаженных представлений экономистов и чиновников и неэффективных действий правительств в сфере экономики, особенно касающихся ее роста, лежит непонимание стоимости, точнее — ее концептуальная неопределенность, уже далее определяющая те несоответствующие действительности экономические определения, которыми оперируют экономисты и чиновники, о чем мы уже писали в одной из наших работ).

Таким образом, обозначенная катастрофическая ошибка Маркса имеет весьма важное и критичное значение не только для экономической науки, но и для экономики, не говоря уже о сырьевой экономике, для которой в условиях современной экономической теории, быть может, уже не остается даже надежды хотя бы на *идею* о ее спасении, перерождении, развитии.

При этом следует добавить, что, во-первых, в принципе в рассуждениях Маркса можно найти *рациональные зерна*, например, в его попытках определения особых категориальных соотношений, но только делать это надо, исходя из позиций истинной, неперевернутой диалектики, а лучше — следует развить ряд позиций исследований Гегеля, как видно подмеченных, но не понятых Марксом (соответствующее развитие было осуществлено в рамках авторского новодialeктического продолжения гегелевского труда «Наука логики»).

Во-вторых, вождедеваемую Марксом всеобщность нельзя достичь даже в правильно применяемой указанной третьей фигуре умозаключения; но требуемую всеобщность можно обнаружить при осуществлении рассуждений известным (указанным Гегелем) образом, что было сделано в рамках нашего проекта «Капитал — 2», одной из основ которого, кстати, является критика Марксова экономического учения, и что обеспечило диалектическое определение (выведение на конструирующем самом себя пути) ряда известных важных экономических категорий и положений, а также новых, о чем мы уже писали в ряде наших работ.

На их основе, в-третьих, можно исследовать насущные вопросы теории и практики, в том числе ряд часто озвучиваемых феноменов, тенденций и претензий в современной экономической действительности, например, уменьшение доли доллара США в золото-валютных национальных запасах ряда стран, переход на расчеты в национальных валютах между некоторыми странами и т. д., и главное, чем это грозит развивающимся экономикам, не говоря уже о сырьевых...

И остается отметить, что актуален только диалектический путь осмысления экономики и построения соответствующей эффективной теории²³, но начинать осуществлять его следует не с *экономического*, ибо его еще нужно вывести, определить²⁴, а с логики, но не с обычной, содержание которой Гегель удостоил презрения еще 200 лет назад [2, т. 5, 30], а хотя бы с гегелевской (но и ее теперь, после произошедшего современного развития диалектики, следует понимать уже в новодialeктическом плане).

Литература

1. *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса. М.; Челябинск, 2002.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. М.; Л.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.
4. Материалы XXVIII Съезда КПСС. М., 1990.
5. *Молчанов К. В.* О категориальной недоопределенности стоимости // *Философия хозяйства*. 2016. № 3 (105).
6. *Молчанов К.В.* Проблема невозможности определения экономики в существующей экономической науке // *Философия хозяйства*. 2017. № 6 (114).
7. *Молчанов К.В.* Об актуальности критики критики политической экономии // *Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия. По итогам международной научной конференции (5—7 декабря 2017 г., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова) / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой.* М.: Креативная экономика, 2018.
8. *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // *Социологические исследования*. 2002. № 7.
9. *Экономическая теория. Экспресс-курс: учебное пособие / Под ред. А.Г. Грязновой, Н.Н. Думной, А.Ю. Юданова.* 5-е изд. стер. М., 2010.

---

²³ Этот вывод следует также и из очевидной неэффективности существующей материалистичной экономической науки — и на основе современной диалектической философии нами уже начата разработка диалектической экономической теории, о чем мы уже писали в ряде наших работ.

²⁴ «Попробуйте определить, что такое экономика... и чем “экономическое” отличается от “неэкономического”. Сразу выяснится, что границы объектов исследования разных дисциплин крайне условны и размыты...» [8, 4].

References

1. *Byom-Baverk O.* Kritika teorii Marksa. M.; CHelyabinsk, 2002.
2. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. M.; L.
3. *Marks K., EHngel's F.* Soch. 2-e izd. M.
4. Materialy XXVIII S"ezda KPSS. M., 1990.
5. *Molchanov K. V.* O kategorial'noj nedoopreделennosti stoimosti // *Filosofiya khozyajstva.* 2016. № 3 (105).
6. *Molchanov K.V.* Problema nevozmozhnosti opredeleniya ehkonomiki v sushhestvuyushhej ehkonomicheskoy nauke // *Filosofiya khozyajstva.* 2017. № 6 (114).
7. *Molchanov K.V.* Ob aktual'nosti kritiki kritiki politicheskoy ehkonomii // *Rossiya na puti k Rossii: kontseptual'nyj poisk i khozyajstvennaya strategiya. Po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (5—7 dekabrya 2017 g., ehkonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova) / Pod red. YU.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoj.M.: Kreativnaya ehkonomika,* 2018.
8. *Radaev V.V.* Eshhe raz o predmete ehkonomicheskoy sotsiologii // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2002. № 7.
9. *EHkonomicheskaya teoriya. EHkspress-kurs: uchebnoe posobie / Pod red. A.G. Gryaznovoj, N.N. Dumnoj, A.YU. YUdanova. 5-e izd. ster. M., 2010.*

Ю.А. МИРОШНИКОВ, Л.Л. БУШУХИНА

Производительность труда и лицемерие архаичных методов ее измерения*

Аннотация. Исследуются различные подходы и методы производительности труда.

Ключевые слова: Россия, Омский регион, производительность труда, методы измерения.

Abstract. Various approaches and methods of labor productivity are investigated.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мирошников Ю.А., Бушухина Л.Л. Производительность труда и лицемерие архаичных методов ее измерения // *Философия хозяйства.* 2018. № 6. С. 123—130.

Keywords: Russia, Omsk region, labor productivity, measurement methods.

УДК 330
ББК 65

Если в процессе экономической эволюции и есть что-то постоянное, то это — научно-технический прогресс, обеспечивающий поступательное развитие производительных сил и последовательное повышение роста производительности труда и эффективности производства.

С. Глазьев

Производительность труда — интегральный показатель эффективности трудовой деятельности людей. Уровень производительности труда отражает состояние научно-технического, экономического и социально-культурного развития любой национальной экономики страны, отрасли народного хозяйства, региона, предприятия на определенную дату или за определенный период времени: год, месяц, час. Уровень производительности общественного труда, в конечном итоге, обуславливает размер доходов и уровень жизни граждан страны, характеризуя конкурентоспособность экономики на мировом рынке продукции и услуг.

Для современной России рост производительности общественного труда является актуальнейшей социально-экономической задачей. Но особенно остро эта задача стоит перед сельским хозяйством. «Добавленная стоимость на одного сельскохозяйственного работника в среднем за 2003—2005 гг. в долл. США составляла в России 2037, США — 23066, Австралии — 21929, Канаде — 20082, Великобритании — 18879, Германии 14241. Показатели производительности труда в сельском хозяйстве развитых зарубежных стран в 7—11 раз выше, чем в России» [8, 433]. «Отставание России по этому показателю в последние годы значительно возросло. Если в конце 1980-х годов уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР по отношению к этому показателю США составлял 20—25%, то сегодня — около 9%» [6, 41].

Однако в современных условиях, как показывает практика рыночного хозяйствования в России, возникла новая задача, которая состоит в следующем: как измерять производительность труда, какими методами, — чтобы это измерение было адекватно новым рыночным

условиям хозяйствования, отвечало определению производительности как «эффективности труда» и было при этом предельно простым, доступным и востребованным в практической деятельности хозяйственников. Проиллюстрируем эту проблему на примере Омской области.

20 июня 2017 г. на областном экономическом совещании аграриев Омского региона заместитель министра сельского хозяйства области по экономике сделал доклад: «Экономическая эффективность производства сельскохозяйственной продукции по итогам производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций Омской области за 2016 г.». Всего в регионе 289 сельскохозяйственных организаций, финансово-экономическая служба этих организаций представлена 1092 специалистами, из них 933 специалиста по бухгалтерскому учету и 159 экономистов. Экономическая служба имеется только в 40% предприятий. Наибольшее количество экономистов работает на предприятиях, входящих в структуру холдингов. Было отмечено: «Достижение более высокой отдачи вложений материальных ресурсов невозможно без роста эффективности использования труда или, другими словами, *роста производительности труда* и отдачи использования земли:

- производство валовой продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий;
- производство валовой продукции на одного среднегодового работника.

По итогам 2016 г. на 1 га используемых сельскохозяйственных угодий произведено валовой продукции на сумму 2,1 млн. руб., что на 5,5% выше уровня 2015 г. (за 2015 г. произведено 2,0 млн. руб.).

По итогам 2016 г. производство валовой сельхозпродукции на 1 среднегодового работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, составило 1,7 млн. руб. против 1,6 млн. руб. в 2015 г. (рост на 6,3%)».

Исходя из этой оценки деятельности регионального министерства сельского хозяйства можно заключить, что сельское хозяйство Омской области в 2016 г. развивалось успешно: был обеспечен рост эффективности использования земельных ресурсов на 5,5% и рост уровня производительности аграрного труда на 6,3%. Казалось бы, все прекрасно и «установки» Президента РФ по росту эффективности производства и производительности аграрного труда в регионе выполняются на 100% и заслуживают одобрения и поощрения со стороны как регионального правительства, так и вышестоящей федеральной власти. Однако в реальной жизни ситуация намного сложнее — в ней скрыт

совершенно противоположный тренд развития сельскохозяйственной отрасли региона.

Исследуя современные проблемы роста производительности труда в сельском хозяйстве, необходимо, прежде всего, отметить существование разных подходов к вопросам теории и практики измерения производительности труда. Если в советской экономике для исчисления уровня производительности труда использовался показатель производства валовой продукции в расчете на одного среднегодового работника, то с переходом на рыночные отношения, подходы к оценке результатов труда и критериев эффективности производства радикально изменились.

Еще 20 лет тому назад (1997) профессор Ю.М. Осипов предупреждал, что при оценке валовой продукции «возникает феномен, так называемого *двойного учета* — один раз как самостоятельного блага (продукции) и второй — как промежуточной продукции» [7, 253]. В 2002 г. в учебнике для вузов было прямо указано: «В связи с повторным (двойным, тройным) счетом, отражающим итоги деятельности не только данного предприятия, но и предприятий-смежников, показатель валовой продукции *не пригоден* для определения производительности и оценки деятельности трудового коллектива» [2, 79]. Даже показатель «добавленная стоимость» не является на 100% конечным «чистым доходом», так как содержит амортизацию (повторный счет), т. е. износ основных средств, «который на самом деле доходом ни для кого не является» [9, 58], — указывает современный французский экономист Томас Пикетти, который считается главным современным теоретиком капитала и является автором фундаментального труда «Капитал в XXI веке».

Учитывая актуальность и практическую значимость проблемы роста производительности труда, отдел экономики СибНИИСХ для Минсельхоза и агропредприятий Омской области разработал Методические рекомендации [5], а также была издана монография [4], где изложены современные подходы и методы измерения производительности труда, определены критерии экономической эффективности сельскохозяйственного производства в условиях рынка.

Однако, несмотря на предложенные рекомендации, в региональном Министерстве сельского хозяйства сохраняется прежний — 30-летней давности — архаичный метод измерения производительности труда и экономической эффективности производства.

Обобщая позиции ученых и практиков по вопросу методов измерения производительности труда и экономической эффективности производства, проведем сравнительный анализ оценки работы омских аграриев за 2016 г. и 2015 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика показателей уровня производительности труда,
заработной платы и экономической эффективности производства
в сельхозорганизациях Омской области**

Показатель	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2015 г., %
<i>Показатели уровня производительности труда</i>			
1. По методу валовой продукции:			
– произведено валовой продукции на 1 среднегодового работника в текущих ценах, тыс. р.	1600	1700	106,3
2. По методу валового дохода:			
– произведено валового дохода (прибыль + зарплата) на 1 среднегодового работника, всего, тыс. р.	391	317	81,1
в том числе прибыль	181	93	51
заработная плата	210	224	106,7
Доля заработной платы в валовом доходе, %	54	70	130
<i>Показатели уровня экономической эффективности использования земельных и материальных ресурсов</i>			
1. По методу валовой продукции:			
– произведено валовой продукции на 1 га сельхозугодий, млн р.	2,0	2,1	105,5
2. По методу валового дохода:			
– произведено валового дохода (прибыль + зарплата) на 1 га сельхозугодий, млн р.	0,488	0,391	80,0
Коэффициент ресурсосбережения (доля валового дохода в стоимости валовой продукции), %	0,244	0,186	76
<i>Итоговые финансовые показатели</i>			
1. Валовая прибыль, млрд р.	5,0	2,5	50,0
2. Рентабельность всей хозяйственной деятельности, %	14,0	6,4	45,7

Источник: по материалам [1].

Из приведенных показателей становится очевидным следующее.

1. Если по оценке заместителя министра сельского хозяйства региона в 2016 г. производительность аграрного труда возросла на 6,3% по отношению к 2015 г., а экономическая эффективность использования сельскохозяйственных угодий повысилась на 5,5%, то фактически, используя метод валового дохода, производительность труда снизилась на 18,9% и составила 81,1% к уровню 2015 г., а экономическая эффективность использования земельных угодий в действительности не возросла на 5,5%, а снизилась на 20% и составила к уровню 2015 г. 80%.

2. Рекомендуемый нами метод валового дохода при оценке производительности труда и экономической эффективности производства полностью согласуется с динамикой конечного результата хозяйственной деятельности агропредприятий региона за 2016 г.: валовая прибыль за 2016 г. уменьшилась с 5 до 2,5 млрд р., т. е. на 50% к уровню 2015 г., а рентабельность всей хозяйственной деятельности сельхозорганизаций региона снизилась с 14 до 6,3%. Приходится только поражаться: как могло случиться, что при таком негативном тренде конечных финансовых результатов работы омских аграриев (двукратном уменьшении прибыли и более чем двукратном снижении уровня рентабельности), Минсельхоз региона делает абсурдные выводы и информирует участников областного экономического совещания, что производительность аграрного труда и экономическая эффективность использования сельскохозяйственных угодий за 2016 г. возросли соответственно на 6,3 и 5,5%? Ответ прост: причина в некомпетентности и лицемерии руководителей министерства, использующих архаические, но выгодные для себя методы завышенной оценки работы ведомства.

3. Использование в современной практике анализа хозяйственной деятельности предприятий архаичных методов измерения производительности труда и оценки экономической эффективности производства неминуемо приводит к искаженным, необъективным показателям работы, что лишает возможности объективно диагностировать экономическое положение дел в отрасли, выявлять причины неэффективной работы и инициировать поиск оптимальных, рациональных направлений перспективного экономического развития сельскохозяйственного производства Омской области в условиях рынка²⁵.

---

²⁵ Продолжение следует.

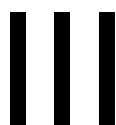
Литература

1. Аналитические показатели по результатам производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций Омской области за 2015 г. и 2016 г. (Свод по 319 организациям).
2. *Вечканов Г.С.* Современная экономическая энциклопедия. (Учебник для вузов. Специальная литература) / Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 880 с.
3. *Глазьев С.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
4. *Кошелев Б.С.* Производительность труда в сельском хозяйстве региона: факторы и условия роста: монография / Б.С. Кошелев, Ю.А. Мирошников. Омск: Изд-во ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина, 2013. 376 с.
5. *Кошелев Б.С.* Экономические критерии, факторы, параметры моделей эффективных внутрихозяйственных отношений в сельскохозяйственных организациях Омской области: Методические рекомендации / Б.С. Кошелев, Ю.А. Мирошников. Омск, 2009. 48 с.
6. *Курцев И.В.* Инновационное развитие агропромышленного комплекса Сибири / И.В. Курцев; Рос. акад. с.-х. наук. Сиб. регион. отделение. Новосибирск, 2010. 280 с.
7. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в трех томах. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1997. 791 с.
8. *Петриков А.В.* Продовольственная безопасность и направления научно-технической модернизации сельского хозяйства России // Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски / А.В. Петриков. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2009. 433 с.
9. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. Пер. с франц. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.

References

1. Analiticheskie pokazateli po rezul'tatam proizvodstvenno-finansovoj deyatel'nosti sel'skokhozyajstvennykh organizatsij Omskoj oblasti za 2015 g. i 2016 g. (Svod po 319 organizatsiyam).
2. *Vechkanov G.S.* Sovremennaya ehkonomicheskaya ehntsiklopediya. (Uchebnik dlya vuzov. Spetsial'naya literatura) / G.S. Vechkanov, G.R. Vechkanova. SPb.: Izd-vo «Lan'», 2000. 880 s.

3. *Glaz'ev S.* Ryvok v budushhee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mi-rokhoz'yaistvennom ukladakh. M.: Knizhnyy mir, 2018. 768 s.
4. *Koshelev B.S.* Proizvoditel'nost' truda v sel'skom khoz'yaistve regi-ona: faktory i usloviya rosta: monografiya / B.S. Koshelev, YU.A. Miroshnikov. Omsk: Izd-vo FGBOU VPO OmGAU im. P.A. Stolypina, 2013. 376 s.
5. *Koshelev B.S.* EHkonomicheskie kriterii, faktory, parametry modelej ehffektivnykh vnutrikhoz'yaistvennykh otnoshenij v sel'skokhoz'yaistvennykh organizatsiyakh Omskoj oblasti: Metodicheskie rekomendatsii / B.S. Koshelev, YU.A. Miroshnikov. Omsk, 2009. 48 s.
6. *Kurtsev I.V.* Innovatsionnoe razvitie agropromyshlennogo kompleksa Sibiri / I.V. Kurtsev; Ros. akad. s.-kh. nauk. Sib. region. otd-nie. Novosibirsk, 2010. 280 s.
7. *Osipov YU.M.* Teoriya khoz'yaistva. Uchebnik v trekh tomakh. T. 2. M.: Izd-vo MGU, 1997. 791 s.
8. *Petrikov A.V.* Prodovol'stvennaya bezopasnost' i napravleniya nauchno-tekhnicheskoy modernizatsii sel'skogo khoz'yaistva Rossii // Sel'skoe khoz'yaistvo v sovremennoj ehkonomie: novaya rol', faktory rosta, riski / A.V. Petrikov. M.: VIAPI im. A.A. Nikonova: EHntsiklopediya Rossijskikh dere-ven', 2009. 433 s.
9. *Piketti T.* Kapital v XXI veke. Per. s frants. M.: Ad Marginem Press, 2016. 592 s.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Основные принципы цифровой философии*

Аннотация. В статье анализируются философские истоки цифровой философии. По мнению автора, к этим истокам относятся идеи Пифагора, Парменида и Протагора. Пифагор полагает, что в основе мира лежит число. Парменид полагает, что это бытие, а Протагор — что это кажимость. Автор делает вывод о том, что цифровая философия привлекает к себе внимание по двум причинам. Во-первых, она предлагает жить в мире без обмана и самообмана. Во-вторых, она предлагает неделимое разделить на некую контролируемую множественность. Цифровое мировоззрение легитимизирует отказ человека от свободы и его согласие на тотальный контроль над собой. И в этом смысле оно имеет своим истоком философию Лейбница.

Ключевые слова: цифровая философия, знание, ничто, кажимость, цифра, Парменид, Протагор, Пифагор, виртуальная реальность, умные машины.

Abstract. The article analyzes the philosophical origins of digital philosophy. According to the author, these sources include the ideas of Pythagoras, Parmenides and Protagoras. Pythagoras believes that the basis of the world is number. Parmenides believed that it is being, Protagoras, that it is the visibility. The author concludes that digital philosophy attracts attention for two reasons. First, it offers to live in a world without deception and self-deception. Secondly, it proposes to divide the indivisible into a controlled plurality. Digital outlook legitimize denial of human freedom, and his consent for total control. In this sense, it has its origins in the philosophy of Leibniz.

Keywords: digital philosophy, knowledge, nothing, visibility, figure, Parmenides, Protagor, Pythagoras, virtual reality, smartest machine.

УДК 101
ББК 87

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Основные принципы цифровой философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 133—139.

В статье анализируются идеи Пифагора, Парменида и Протагора и делается вывод о том, что человек живет в мире обмана и самообмана. Для того чтобы жить без обмана, ему нужно перейти в мир чисел и счета. На вопрос, что человеку нужно сделать для этого, дигитальная философия отвечает: ему нужно перестать быть человеком. А если он дорожит собой, то ему нужно оцифровать себя и свою свободу. Тем самым дигитальное мировоззрение легитимизирует отказ человека от свободы и его согласие на тотальный контроль над собой.

Цифровые объекты захватывают мир. Возникает цифровая экономика. Спекулятивный реализм ликует. Объект-объектные онтологии торжествуют: субъективность повержена. В моду входит дигитальная философия. Под угрозой аффект — последняя территория человеческого.

Мир, в основании которого лежит число, мыслится иначе, чем мир, в основании которого лежит бытие. А мир действия отличается от неподвижного мира бытия. В первом случае речь идет о мире Пифагора, во втором — о мире Парменида, А в третьем — о мире Протагора. Что это за миры и чем число отличается от бытия, а бытие — от действия?

Пифагор

В мире Пифагора нельзя делать две вещи. Первое — в нем нельзя украсть и затем скрыть этот поступок, сделав его тайной. В нем нельзя никого обмануть. В том числе и себя. И второе — в нем все целое и единичное можно разделить, чтобы получить множественное. Например, неуправляемую единицу можно разделить на бесконечность и получить мир бесконечно управляемых малых величин, а затем бесконтрольную бесконечность можно разделить на единицу и получить контролируемую бесконечно большую величину, которую Делез, следуя Лейбницу, называет Богом. Вот эти два свойства и привлекают сегодня внимание к дигитальной философии.

Как говорит Пифагор, кто знает числовые отношения, тот знает то, что выше богов. Число — это раскрытая потаенность. Мир без истины-алетей и без истины-мистерии. В мире, в котором число выше богов, нет никакого внутреннего. Все устремляется к поверхности. Даже боги. Нигде нет глубины. Везде цифры. Тайное становится явным. А быть явным — значит быть сосчитанным. Бесчисленное также поддается подсчету. Но в мире чисел есть проблема. Непонятно, что нужно делать с полными предметами, как делить неделимое, например, добро.

Для Пифагора человек — это не свобода, а судьба. А судьба — это big data, пройденная бесконечность. И интуитивно об этом догадываются все. Если человек — это судьба, то тогда ее можно вычислить,

предсказать. Число должно было стать основой для конструирования и прогнозирования. Пифагор упорно искал для человека число. Он пронумеровал все вещи мира, чтобы найти среди пронумерованных вещей человека. Но так и не нашел его, хотя и успел создать квадрат человека.

Поскольку сущность каждой вещи составляет число, постольку истина в мире Пифагора всегда есть некое числовое соотношение. Число стирает границу между человеком и не человеком, живым и неживым. Пифагор растворяет человека в природе. Для грека вообще природа казалась устроенной сложнее, чем человек. Человек для него был прост, как ощипанный петух. Недигитальную точку зрения на мир высказал Парменид, озаботившись ответом на вопрос, почему в мире есть что-то, а не ничто.

Парменид

В мире Парменида нет ничто. В нем всякое существование предполагает то, что существует. Для всякой вещи есть свое место в мире. В нем все занято. Никто никуда не спешит. Спешить — значит оказываться не на своем месте. Но в мире, основанном на бытии, непонятно, откуда берется новое.

Размышления Парменида о природе, о том, что значит быть, стали истоком европейского мышления вообще. Парменид отделил мнения людей от истин, говоримых богами. Бессмертные боги высказывают всегда непреложные вещи, достоверные истины. Смертные люди мнят о преходящем, о недостоверном. Они не боги.

Сущность человеческого мышления Парменид выразил так: «как о кажущихся вещах (человеку) надо говорить правдоподобно». Существование человека Парменид необратимо связал с кажущимися вещами. Не может быть так, чтобы человек был, а кажимостей не было. Всякий иной нечеловеческий способ существования исключает кажимость, то, чего нет, но кажется, что есть. Кажимость — это не превратное определение истины бытия, не ошибочное восприятие чувствами внешнего предмета, не результат действия на человека ничто. Кажимость одним тем, что она есть, указывает на присутствие в мире человека.

Истина дана богам. Кажимость — человеку. Философ же, по мысли Парменида, должен лишь облекать в слова то, что говорят боги, а не то, что говорят люди. Ведь люди могут говорить только то, что подобно правде, но не есть сама правда. Почему? Потому что никто не может о мире кажущихся вещей говорить на языке истины, ибо истина — это бытие того, что просто есть. Но как бытие сопряжено с кажимостью? Не связано ли оно само с небытием? Софист — вечный спутник любого философа.

«Что есть, то есть. Чего нет, то не существует», — отвечает Парменид. На нет и суда нет. Все, что кажется, относится к тому, что есть. По мысли Парменида, кажимости создаются не движением вещей, ибо движения нет. Они создаются мыслью о бытии. Мыслить — значит мыслить бытие вне времени. Мысль универсальна. Она не связана с человеком как некое его локальное свойство. Человек вообще мыслит плохо, ибо он, как говорит Парменид, бытие мыслит во времени. Мыслить бытие во времени — значит превращать его в кажимость, в то, что не входит в состав реальности. Реальность — это совокупная множественность вещей, пребывающих на своем месте.

Проблемы бытия

Бытие — это не что. Это существование без указания на то, что существует. Бытие является нереальным предикатом вещей, т. е. тем, чего в вещах нет, но дано человеку. А это значит: бытие того, что есть, никак не отличается от бытия того, что человеку кажется. Существует вещь или только кажется, что она существует, для самой вещи это ничего не дает, ничего к ней не прибавляет, ничего от нее не убавляет. И для понятия вещи ее существование или несуществование неважно. Но для человека быть или не быть существенно различно.

Кажимость расширяет условия существования. И в этом расширении человек не связан с тем, что есть. Он связан с тем, что ему видится, что само по себе не существует, но причиной существования чего является человек. Напротив, небытие человек превращает в реальный предикат, в то, без чего кажимость не существует.

Если бытие — нереальный предикат для вещи, то бытие для человека — это то, что существует, если мы хотим, чтобы оно существовало, т. е. это реальный предикат. Почему? Потому, что, как говорит Парменид, бытие и мысль о бытии есть одно и то же. Они совпадают друг с другом, и в этом совпадении они ничем не отличаются от кажущейся вещи. Мы думали, что это мысль, а оказалось, что это бытие. Мы думали, что это бытие, а оказалось, что это была мысль.

Бытие — это не время. Бытие, тождественное мысли о бытии, есть галлюцинация, которая сама себя делает и показывает в сознании человека.

Реальный предикат вещи — не бытие, не то, что она есть, а то, что она, например, тяжелая. Но тогда возникает вопрос: может ли вещь, которая кажется, что есть, быть тяжелой? Каким образом то, чего нет, может казаться. Парменид делает вывод: в человеческом мире все мнимо, все мнится. А если в мире все мнимо, все становится, то бытие должно совпадать с небытием, и люди, следуя идее Гераклита, должны иметь две головы, ибо в одной голове нельзя соединить и что, и ничто.

Пока люди мыслят плохо, они всегда будут существовать о двух головах: в одной из них будет место для бытия, а в другой — для небытия, и в итоге соединения у них будет получаться только становление. Становиться — не значит существовать.

Люди безнадежные невежды. «Бродят они, — пишет Парменид, — наугад, глухие и вместе слепые. Вздорный народ! Бытие и небытие тем же самым и не тем же самым зовут. И путь во всем видят обратный».

Что же нам предлагает Парменид? Он предлагает нам принять бытие без времени. А это значит жить так, как если бы никакого прошлого и никакого будущего не было и не будет. Жить без памяти и без надежды. Обратного пути для нас нет, и вернуться назад, вопреки Ницше, невозможно.

Проблематизация дигитальной философии

В дигитальном мире, т. е. в мире, определенном числом, обнаруживается проблема. Суть ее состоит в понимании того, что число превращает небытие в реальный предикат, который именуется виртуальной реальностью. Если сообщение о событии важнее события, то информация о вещи должна стать важнее самой вещи. Цифровой мир заполнен не причинами, а цифровыми данными. То, что было случайностью, становится информационным поводом. Каузальные связи теряют смысл. Вещи сами по себе ничего больше не говорят о себе. Если кажимости учреждают, а вещи описывают, то числа считают. Вещи показывают себя в созерцании не числами, а такими, какие они есть с очевидностью. То, что не описывается, можно сосчитать. То, что не выразимо в слове, можно передать в образе. Общение субъективностей в числовом мире лишается смыслов и преобразуется в коммуникацию, в обмен информацией. Человек в дигитальной философии — это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных. Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира. И этот пробел должна заполнить, видимо, уже какая-то иная, нечеловеческая субъективность.

До тех пор, пока человек будет видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть, он будет жить в мире обмана и самообмана, а не в мире цифр. Ложь для него будет являться онтологическим условием всякой коммуникации. Но при тотальном доминировании исчисленного в мире осмысленная коммуникация в нем становится невозможной. Где присутствует число, там отсутствует смысл. Где отсутствует смысл, там невозможен человек. Числовая философия мира должна либо исключить человека из всех космических процессов, либо признать, что циф-

ра — это носитель чудовищного обмана в мире бесконечно большой информации, тотального раскрытия истины.

Проблематизация бытия

В бытийном мире Парменида также обнаруживается трудность. Бытие само по себе, без времени не может людям дать бытие вместе. Бытие вместе им дает иллюзия. Или надежда. А если бытие не может дать людям бытие вместе, то люди, как атомы, начинают вести рассеянное существование. Рассеянное — значит без трения друг о друга, без музыки в душе и без вечной художественности в мысли о бытии. Бытие без трения галлюцинирующих тел друг о друга не может учредить мысль о бытии, не может дать людям грезу. Не может их склеить. Быть рассеянным множеством — значит быть для человека изначально асоциальным, ибо быть социальным — значит согласованно грезить, или, как выразился Парменид, правильно говорить о кажущихся вещах. Чтобы правильно говорить, нужно уже иметь бытие, тождественное мысли о бытии. А если нет этого тождества, то нужно будет учиться говорить вслед за другими «сладкое», если даже ты чувствуешь, что имеешь дело с соленым.

Протагор

Протагор — это радикализированный Парменид, т. е. Парменид, который согласился увидеть причину кажимости в устройстве человека. Протагор не софист. Он антрополог. Никто, говорит Протагор, не знает, как на самом деле устроен мир. Все есть такое, каким нам кажется. Важен не вопрос: почему есть что, а вопрос: откуда берется новое? Невозможно, чтобы человек чувствовал данности, а они были не такими, какими он их чувствовал. Человек устанавливает границу между тем, что есть, и тем, чего нет. Он включает и исключает вещи из состава бытия. Истина для Протагора ничем не отличается от кажимости. И то, и другое для него есть согласованная между людьми галлюцинация, никакими числовыми соотношениями не улавливаемая.

Человек — это не пифагорейская цифра. «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Учреждение цифры, числа как меры человеческого и нечеловеческого, открывает перспективу существования нечеловеческой антропологии и неантропологической субъективности. Люди бесконечно рассеяны, если их бытие рождает цифры, а не грезы.

Действие

Из мира вещей Протагор переводит нас в мир действия с вещами. Вещи не нуждаются в галлюцинациях, но действие с вещами нуж-

дается в них. Понятия создаются о вещах. Действию нужны не понятия, а цели. Кто будет ставить цели? Вот вопрос, который ставит Протагор. Парменидовское бытие? Но оно статично. Цифра Пифагора? Но она не грезит. Цели ставит тот, кто галлюцинирует, кому что-то всегда кажется. В мире, основанном на числе, цели может ставить тот, кто считает. Его целью могут быть только желаемые цифры.

В мире Парменида нуждаются в знании, в науке. Протагору нужны не знания, а техника. Действие технологично. Мы не понимаем феномен техники не потому, что у нас нет понятий. Они есть, но они были нужны для описания реальности, а не действия субъективности. Реальность не действительна. В ней все ведет к понятию, к вещи самой по себе.

Действительность

Действительность текуча и состоит из кажимостей. В действительности нам нужен не доступ к вещам, а доступ к умным вещам. Умные игрушки общаются с детьми. Умный дом сам себя греет. Умная одежда себя стирает. Но среди умных вещей мы быстро глупеем. Дигитальная философия ставит своей задачей оцифровать действие, соединить Протагора, Парменида и Пифагора, чтобы получить умные машины, которые сами себя делают.

Резюме

Проблема дигитальной философии не в языке, не в попытке записать всю информацию о мире при помощи двух цифр: 0 и 1. А в том, что она не умеет отличить сознание и интеллект.

С.В. СИНЯКОВ

Эволюция идеи прогресса в зеркале противоречий современной цивилизации*

Аннотация. В современном развитии появляется все больше фактов и феноменов, которые не вписываются в существующие схемы, модели развития общества. Одновременно в новейшей истории просматриваются витки прогресса, напоминающие предыдущие циклы

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Синяков С.В. Эволюция идеи прогресса в зеркале противоречий современной цивилизации // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 139—152.

развития. Задачей работы является исследование противоречивости, цикличности, нелинейности и неопределенности исторического процесса.

Ключевые слова: прогресс, линейность, цикличность, геоэкономика, геополитика, глобальная неопределенность, гибридизация.

Abstract. All more facts and phenomena, that is not written into existent charts, models of development of society, appear in modern development. At the same time the coils of progress, reminding the previous cycles of development, are looked over in modern history. The task of work is research of contradiction, recurrence, non-linearity and vagueness of historical process.

Keywords: progress, linearity, cyclicity, geoeconomics, geopolitics, global uncertainty, hybridization.

УДК 11/33
ББК 87:65

В истории... ни в коем случае нельзя утверждать постоянное нарастание положительного за счет отрицательного, как это утверждает теория прогресса.

Н.А. Бердяев

В наше время проблема общественного прогресса не решена, также, впрочем, как она не была решена и в прошлом. Прежде всего, это относится к постижению смысла и критериев прогресса, изучению взаимосвязи прогресса и регресса, раскрытию противоречий между линейностью и цикличностью в мировом развитии. Именно от решения этих вопросов зависят преодоление современных линейных шаблонов и стереотипов в историческом мировоззрении и, вследствие этого, приближение к разгадке степени неопределенности в прогнозах при построении моделей цивилизационной динамики.

Суть идеи прогресса, включая связанные с ней разнообразные концепции и представления, достаточно проста, популярна и убедительна. Она состоит в том, что прогресс — это поступательное движение мировой истории. Согласно концепции прогресса, общество развивается от простого к сложному, от низшего к высшему, от плохого к хорошему, от незнания к знанию, от менее совершенных форм человеческой организации к ее более совершенным формам. Одним из главных постулатов теории прогресса являлось убеждение в том, что человечество на своем историческом пути обязательно проходит универ-

сальные этапы развития. Именно на основе такой презумпции создавались все основные теоретические построения, схемы и интерпретации исторического процесса.

Концепция общественного прогресса со всем ее понятийным аппаратом и системой ценностей сыграла колоссальную роль в истории человечества. Она не принадлежала только ученой публике, интеллектуалам и так называемой прогрессивной общественности. Вера в прогресс пронизывала мироощущение всех слоев общества и была связана со стремительным ростом знаний, промышленности и коммуникаций. Идея прогресса воздействовала на общественную науку и общество посредством теоретико-методологического аппарата, через телеологические и метафизические представления о смысле и цели развития, а также через политико-идеологические концепции. Теория прогресса внесла определенный порядок в осмысление мирового процесса, она стала мощным стимулом политики, наполнила своим содержанием политические программы партий и движений, выполняя, таким образом, идеологическую функцию. В XX в. концепция общественного прогресса подверглась серьезной диверсификации, что привело к появлению различных вариантов и интерпретаций развития. Авторы и представители разных школ и направлений критиковали друг друга, давали порой противоположные оценочные суждения.

Здесь мы рассматриваем трактовки идеи прогресса в истории общественной мысли и в контексте современного социально-философского анализа. Ставится задача на основе очевидной противоречивости исторического процесса показать нелинейность, цикличность и неопределенность развития современного мира.

Теория прогресса за последние 100 лет постоянно обновлялась, и к началу XXI в. выявились значительные различия в ее трактовке. Для этого существовали онтологические причины — наличие противоположных альтернатив, содержащихся в самом историческом процессе. Указанное обстоятельство находило свое выражение в непрерывных дискуссиях в современной науке, постулировании многообразных точек зрения, основывающихся на различных подходах к проблеме развития, оптимистическом и пессимистическом восприятии современного общества. Споры относятся к философской и социологической интерпретации, в соответствии с которой способность людей к совершенствованию придает прогрессу характерное свойство «темпорального компенсаторного концепта» (Р. Козеллек). Тем самым идея прогресса приобретает черты защитного консервативного фактора современной цивилизации, что постоянно фиксируется в современной социальной и

политической теории (М. Фриден) и философии науки (К. Поппер) [5, 32].

Обратимся к эволюции идеи прогресса, обусловленной политическими и социокультурными изменениями, произошедшими в самой мировой истории. Конец XIX — начало XX в. можно по праву считать временем триумфа для идеи прогресса. В это время в обществе еще господствует дух оптимизма и веры в то, что успехи науки и техники приведут к улучшению всей общественной жизни, освободят человечество от невежества, нищеты и несправедливости. Именно в этот период российские мыслители С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Р.Ю. Виппер внесли оригинальный вклад в разработку концепции прогресса, исследование ее эволюции в истории общественной мысли. Интересными и актуальными темами представляются изучение и оценка ими западноевропейской теории общественного развития, влияние на их взгляды общественных и политических потрясений в начале XX в., включая Первую мировую войну.

С.Н. Булгаков полагал, что теория прогресса для современного ему человечества является более значимым духовным феноменом, чем другие общественные концепции. Ее значение определяется тем, что она призвана заменить обществу сдающие свои позиции метафизику и религию. «Теория прогресса, — подчеркивает он, — это теология, переложенная на язык позитивизма» [1]. Критикуя позитивистские представления о прогрессе, С.Н. Булгаков полагал, что теория прогресса должна иметь под собой идеальные и моральные императивы — признавать нравственную свободу человеческой личности, существование абсолютного разума, морального миропорядка и добра как объективного начала. Философско-историческими условиями и принципами теории прогресса, по его мнению, являются следующие предпосылки: а) человечество движется в некоторых заданных координатах к конечной цели; б) история имеет разумный план, одновременно, имманентный и трансцендентный для человечества; в) цель прогрессу может задавать только высший Разум [1]. Концепция прогресса, у Булгакова, была альтернативой экономическим и позитивистским теориям развития, она опиралась на идею нравственного развития, которая придает смысл человеческому существованию. В наше драматическое время, когда старые теории прогресса давно уже стали академической историей и ушли в прошлое, а у человечества отсутствует ясная цель развития, идеи мыслителя остаются актуальными.

Известный российский историк Р.Ю. Виппер, изучавший общественные идеи и теории XVIII и XIX вв., так описывает эволюцию идеи прогресса в западноевропейских учениях и общественной мысли в це-

лом. «В начале XVIII века в общественном сознании отсутствует представление о непрерывном прогрессе человеческого общества. К концу XVIII века оно наоборот господствует, составляя как бы его религию. Почему? Общество начала XVIII века далеко от сознания надвигающегося переворота, быстроты движения: нации мало знают друг друга, социальные формы дают впечатление малоподвижности, в хозяйстве господствует земледелие, прирост населения происходит крайне медленно, между сословиями как бы застыли известные перегородки. Общество чувствовало себя далеким от катастроф и революций. Мы имеем перед собой общество с сознанием своей устойчивости» [2, 207]. Другая картина развития, по мнению Виппера, открывается взору историка в конце XVIII в., когда уже видны успехи промышленности, активные выступления новых общественных классов, развитие культурных связей и торговли между народами, бурный прогресс естественных наук и, наконец, общий социально-политический подъем, приведший к Великой французской революции.

Таким путем, благодаря очевидным общественным переменам, формируется и утверждается линейная концепция прогресса, которая прочно вошла в общественное сознание и постоянно подкреплялась успехами экономического развития и науки. Сила ее была настолько велика, что во второй половине XIX в. «считалось за аксиому, что всякий, кто хочет быть историком, должен усвоить веру в исторический прогресс и вооружиться доказательствами в пользу ее правильности» [3, 15].

Служить прогрессу стало обязанностью и смыслом жизни многих политиков — как реформаторов, так и революционеров. Но вскоре в европейской истории произошли трагические события, которые быстро разрушили веру в прогресс и заставили историков и философов на время забыть о поступательном развитии общества. Ничто больше не повлияло на изменение взглядов на прогресс, чем эпохальные перемены в начале XX в. и дальнейшие революционные процессы в России и в Европе 1920-х. Они нарушили старый образ жизни, опрокинули привычные представления, в корне подорвали оптимистическое мировоззрение, присущее XIX в. Р.Ю. Виппер пишет уже в 1918 г.: «Наше время и особенно впечатления колоссальной войны немилосердно разбили все эти религиозные видения и восторги. Едва ли когда-нибудь так трагически и так сразу погибало мировоззрение эпохи, едва ли так резко обрывался краткий век, только что успевший развернуться» [4, 70]. В этом новом общественном настроении, продолжает он в 1921 г., складывающемся «из жуткого сознания катастрофы, разразив-

шейся над европейским человечеством, нет места идеям прогресса... Ни одна партия, ни одно из направлений культурной мысли не в силах более отстаивать догматы учения о прогрессе» [3, 16].

Итак, разочарование в прогрессе было связано с совершенно новыми, непредсказуемыми событиями европейской и мировой истории в первой половине XX в., которые подорвали веру в универалистские проекты развития и привели к разрыву в обществе между тем, на что рассчитывали интеллектуалы, на что претендовала общественная мысль, и тем, что произошло. Человеческая деятельность в это трагическое время имела такой характер, который нельзя назвать превосходством настоящего над прошлым. В пользу отсутствия прогресса говорили следующие факты. Во-первых, невозможно обосновать всестороннее общественное развитие, движение вперед во всех сферах жизни людей. Продвижения в одних областях жизнедеятельности одновременно сопровождалось отступлением в других областях, регрессом, свидетельствующим о цене прогресса. Во-вторых, прогрессивные фазы развития общества сменялись фазами стагнации и ужасающего регресса, каким представлялись, в первую очередь, мировые войны. Общественное развитие напоминало океанские приливы и отливы, волны и откаты. В-третьих, на нашей планете существовали и существуют немало народов и регионов, которые до сих пор не охвачены прогрессивными переменами. В-четвертых, в общественном сознании отсутствовал и до сих пор отсутствует общепринятый, общенаучный, универсальный критерий прогресса. Им мог бы предположительно стать критерий культурно-нравственного развития, но и он не принимается всеми учеными.

Итак, идея прогресса, которая доминировала в общественных науках в последние 2,5 столетия, действительно внесшая большой вклад в научный потенциал и в самосознание общества, постепенно превращается в идеологическую догму. В наше время появляется все большее количество фактов и явлений, которые не вписываются в монополизированные общественной наукой модели и схемы развития, в предложенную универсальную парадигму развития. Представления о неограниченном линейном развитии не учитывали всю сложность и многообразие мира, параллельные формы, которые сосуществуют друг с другом, не являясь этапами единого прогресса. Несмотря на это, победные марши прогресса продолжают звучать, хотя их мажорность и громкость становятся все тише, а способность убеждать постепенно слабеет. «Великий Проект, реализуемый Западом, его элитой, его надменным высшим управлением (в основном и в главном, конечно, криптоуправлением), — подчеркивает Ю.М. Осипов, — выглядит сего-

дня не столь безукоризненным, как это было совсем недавно, а остальной мир, уже вовсе не безоговорочный придаток Запада, а его — Запада — явный альтернативщик, способный со временем выдвинуть и *свой* Большой Проект, в котором Западу может быть отведена совсем и не первая роль» [8, 128]. Несмотря на это обстоятельство, старая риторика западных элит и их научных представителей сохраняется и поныне. Сегодня многие европейские, особенно американские политические философы и идеологи взяли на себя право создавать, как они полагают, единственно верную картину развития мира, игнорируя противоположные точки зрения. Руководящие элиты богатых и экономически развитых стран мира превратили народы другой части мира в объект политических манипуляций, лишили их права на выбор собственного пути развития, возможности опираться на свои традиции и свой исторический опыт. «Запад действительно взобрался на вершину земного бытия и тащит это бытие вперед: от *природы к неприроде*, созидавая все более искусственное земное бытие — *арт-бытие*» [8, 128].

Используя идею глобализации, за которой стоят финансовые интересы ТНК, МВФ и других финансовых центров, они превратили концепцию прогресса в могущественную идеологию порабощения экономически слабых стран. Во имя ее реализации, прикрываясь и оправдываясь разговорами о великом будущем, в международной политике совершаются недальновидные, негуманные и даже аморальные поступки. Во главе этого процесса после окончания Второй мировой войны встали США. «Теперь Великий Проект — проект, уже непосредственно ведущийся более всего Америкой, это как бы ее — Америки — проект, — пишет Ю.М. Осипов. — США — гарант, вдохновитель и главный исполнитель проекта, правда, не пренебрегающий имперской возможностью заставить платить за сей проект весь земной мир, а заодно и платить самим главным радетелем за проект — США — что собственно всю и делается» [8, 128 — 129].

Нередко, действуя с фанатической целеустремленностью, объединенный Запад конвертирует свое представление об идее прогресса в такие политические акции, как госперевороты, цветные революции и несанкционированные войны. Жертвами целенаправленного политического волюнтаризма становятся не только нестабильные и деградирующие общества, страны — изгои, но и относительно благополучные государства — Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др. «Такая ситуация, — отмечает Ю.М. Осипов, — возникла не сразу, она тщательно создавалась в контексте мировых противоречий, неопределенности и даже чудодейственного хаоса (войны, революции, кризисы)» [8, 129]. Но господство США, западного мира не может продолжаться вечно, уже есть

признаки того, что нынешняя политическая парадигма идет к своему окончательному завершению. О возможном резком ослаблении лидерской позиции западного мира, неотвратимости упадка и даже крахе европейской цивилизации предупреждали такие мыслители, как О. Шпенглер, П. Бьюкенен, А. Тойнби, еще в начале XX в. Несмотря на достигнутое технологическое превосходство и потребительское благополучие развитой части мира, в нем назревает духовная катастрофа в связи с упадком традиционных идеалов и ценностей. Мудрый политический философ и политик Генри Киссинджер утверждал, что именно обретение США статуса единственной сверхдержавы, дающего возможность насладиться лаврами победителя, станет началом конца американского господства. Евросоюз по разным причинам тоже почти исчерпал свой интеграционный потенциал, и над объединенной Европой, что пока еще полностью не очевидно, нависла тень возможного распада. Отсюда все больше трудностей у западных стран возникает с реализацией нынешнего «проекта Украины» как части западной цивилизации, которому уже более четырех лет и который становится для них экономически обременительным.

В условиях геополитического противостояния, деструктивных изменений в мире усиливается разочарование Запада в его надеждах на постмайданные перемены на Украине. Экономика страны стремительно деградирует, уровень жизни падает, государство через провальные реформы становится все более антисоциальным, усиливаются протестные настроения. Но главная причина, загоняющая общество в состояние отчаяния, увы, уже не столько падающее хозяйство, сколько углубляющееся материальное неравенство, человеческая депрессивность, отсутствие перспектив развития. Свидетельством этому является массовая эмиграция из страны (сегодня это 8—9 млн граждан, покинувших страну и уехавших преимущественно в Европу и в РФ). При всем этом нынешняя власть усердно продолжает эксплуатировать нереализуемые лозунги вхождения в Евросоюз, чтобы угодить и понравиться той части населения, которую они рассматривают в качестве будущего электората. «А между тем опасность лозунгов о нашей европейскости, — писал украинский академик Ю.Н. Пахомов, — заключается и в том, что фикцией о евроустремлениях в Украине подменяется и вместе с тем оттягивается иная цель — цель вытаскивания Украины из глубокой ямы» [10]. Сегодня на Украине в лучшем случае существует слабая демократия и кланово-олигархическая система управления с неразвитым в политическом отношении обществом. В стране плохо работают государственные институты, не соблюдается Конституция, отсутствует принцип верховенства права, не выполняются и другие

законы. Если раньше в основе государственного управления находился сговор элит, то теперь и этот неформальный институт уже не действует. На Украине сохраняется раскол общества (как, впрочем, и политического класса) на пророссийскую и прозападную, или просто антироссийскую, части. Естественно, финансово-промышленные кланы, кроме защиты своих собственных экономических интересов, выражают устремления и цивилизационный выбор определенных групп населения. Майдан 2013 — 2014 гг. был организованным протестом меньшей, но значительной части граждан против интеграции страны в Евразийское экономическое сообщество и евразийских ценностей. Руководство РФ учитывало этот факт — нежелание значительной части украинского населения интегрироваться в Евразийское экономическое пространство — и потому не хотело и не могло хотеть, чтобы Украина стала сразу его частью. Время для этого было уже упущено. После распада СССР прошло более четверти века и сменилось 1,5 поколения людей. Активная часть населения — преимущественно молодежь — по сравнению с более возрастными группами людей не имела опыта совместной с россиянами и другими народами жизни в одном государстве. Однако другая многочисленная часть населения, связанная историческими и семейными узами с Россией, хотела и хочет (так же как хочет и большинство граждан РФ), чтобы Украина оставалась частью общего культурного пространства.

Современная Украина удерживается на плаву только благодаря фактическому протекторату Запада, и в первую очередь США как главного протектора, обеспечивающего политическую, экономическую и финансовую помощь. Американская администрация формирует вассальную кадровую политику, но, в известной мере, препятствует разжиганию крайнего радикализма и национализма, удерживает враждующие финансово-промышленные кланы от окончательного сваливания в беспредел и анархию, выступает относительно, хотя и заинтересованными в определенных результатах, гарантами проведения будущих выборов в стране. Однако западные союзники будут не в состоянии бесконечно долго удерживать Украину в ее полуанархическом состоянии, если положение дел в стране не будет улучшаться. В какой-то момент Запад может отвернуться и посчитать «проект Украина» нежизнеспособным. Поэтому в любом случае, даже если новой выбранной властью будут решены первоочередные задачи, в обществе и далее сохранятся политический раскол, гражданский конфликт и культурно-мировоззренческое противостояние как долговременные факторы стратегической и геополитической нестабильности страны.

Мир живет в период эпохальных перемен, время быстро течет, и наша цивилизация стремительно меняется, возможно, далеко не всегда в лучшую сторону. В мире появляются новые сильные политические игроки, одновременно уходят старые, усиливаются одни страны и слабеют другие, постепенно изменяется вся геостратегическая ситуация. Появление новых фактов, процессов и конфигураций в развитии мировой цивилизации, противоречащих традиционным социальным схемам и теориям, предполагает пересмотр не только парадигмы прогресса, но и методологии, при помощи которой она создавалась. Поэтому продолжение процесса научного исследования теории общественного прогресса необходимо осуществлять одновременно с пересмотром старых штампов и шаблонов и с созданием новых познавательных средств. Следует отметить, что такая работа уже проводится.

Среди работ последних лет следует положительно отметить исследование В.А. Лося, в котором предлагается соединение циклического и линейного подходов в изучении социально-культурной динамики. Анализируя исторический генезис линейного и циклического подходов, автор предлагает их оригинальную интерпретацию, согласно которой на сегодняшнем этапе противоречия между циклическостью и линейностью мирового развития носят весьма острый характер, но являются двумя сторонами единого исторического процесса [6, 78—99]. Причем нелинейность исторического развития, корректируя футурологические социокультурные схемы, не отвергает статуса принципов циклизма и линейности в развитии цивилизации. «Циклическость сегодня, — пишет он, — фундаментальная черта цивилизационной динамики, и она может стать очень длительной по времени и хронической особенностью продвижения мировой цивилизации» [6, 78]. Существуют большие и малые циклы исторического процесса, но интерес для исследователей прогресса представляют, прежде всего, такие циклы, на основе изучения которых можно проводить аналогии и прогнозировать будущее развитие. Рассмотрим это положение при помощи анализа фактов и процессов, происходящих в современном мире, сравнивая их с уже прошедшими этапами истории.

Современная геополитика, как и геоэкономика (циклы Кондратьева), переживает циклическое развитие. В парадигмах и схемах мирового процесса в новых исторических условиях происходит воспроизведение форм, имевших место в XX в., когда уже осуществлялись подобные столкновения и взаимодействия государств и социально-политических систем. Нынешнему этапу предшествовала долгая фаза преимущественно линейного развития, реставрирующая старые представления о перспективах цивилизации, характерные для ушедшей

эпохи. Мировая цивилизация ныне переживает очередной виток исторического процесса, где осуществляется синтез циклического и линейного развития, подтверждающий, что эти две составляющие являются взаимосвязанными элементами исторического процесса. Чем большую продолжительность имеет изучаемый цикл, тем значимее и важнее он для исследователей в теоретико-познавательном плане, поскольку позволяет, применяя метод аналогии, моделировать и воспроизводить идущие процессы и будущие каузальные взаимосвязи. Вместе с тем не следует слишком увлекаться историческими аналогиями, прогнозируя настоящее и будущее развитие, так как произошедшие события не повторяются в новых фазах циклического периода.

Можно констатировать, что в современной науке, благодаря внедрению новых теоретико-познавательных и методологических средств, теория общественного прогресса сохраняет свое значение, хотя используется учеными в измененном виде; она получает иное обоснование применительно к нынешним условиям развития. Осознание цикличности и нелинейности в мировом глобальном процессе не позволяет раскрыть всех тайн истории, понять все особенности наблюдаемого этапа развития и тем более прогнозировать будущее. Нельзя, например, утверждать, что историческая ситуация 100-летней давности воспроизводится в начале XXI в. Некоторое сходство нынешних международных отношений с мировой политикой в первой половине XX в. просматривается, но уже в условиях совершенно другой геополитической реальности. В известной степени цикл развития СССР в 1918 — 1941 гг. в определенной мере повторяет развитие уже новой России в 1991 — 2018 гг. Сейчас можно провести некоторые исторические аналогии, имея в виду ситуацию геополитического противостояния между РФ и Западом. Оказав огромное воздействие через навязанную гонку вооружений и другие рычаги на развал СССР в 1991 г., объединенный Запад достиг тогда одновременно двух целей: с одной стороны, он покончил с главным геополитическим противником, с другой стороны, помог поделить его на ряд независимых государств. Сегодня возникают совершенно другие политические противоречия и экономические конфликты, торговые войны между державами-союзниками, например, развитыми западноевропейскими странами, Китаем и США. В отношениях США и Евросоюза в последнее время на первое место выходят экономическое противостояние и протекционистская политика, которые США активно используют для ослабления своего стратегического союзника и конкурента — Европейского союза. Следовательно, можно констатировать, что идея мировых циклов не опровергнута и сохраняет свое познавательное значение, однако она не дает возможности прово-

дить прямые аналогии с прошедшими циклами, так как никакой новый виток развития никогда не повторяет уже имевшие место ситуации.

Актуальной темой в рамках исследования цикличности и нелинейности общественного прогресса становится изучение процесса формирования многополярного мира в условиях нарастания глобальной неопределенности, включая гибридные войны и несанкционированные мировым сообществом военные операции. Мировая политика на текущем витке развития находится все еще в стадии формирования, но уже подвергается мощным процессам деструкции. Инструментами деформации мировой политики выступают как уже указанные факторы и явления (гибридные войны, цветные революции, информационные войны, «управляемый хаос»), так и новые субъекты, вторгающиеся в область международной политики из негосударственной сферы, так называемые «акторы вне суверенитета», негосударственные акторы международных отношений» [7, 8]. Преимущественной сферой деятельности этой новой категории субъектов становятся сегменты мировой политики в наибольшей степени подверженные гибридизации — международные конфликты и войны нового типа, гражданские конфликты, экспортируемые революции, искусственно создаваемые в регионах хаотические ситуации.

Итак, современная теория прогресса, при всей ее противоречивости и неоднозначности, создала возможности для решения вопроса о соединении принципов линейности и циклизма, прогресса и регресса в историческом развитии, связывая их воедино. Она исторически вошла в мировоззренческую картину мира в качестве метафизического ориентира и зажила своей собственной жизнью. Представления об обществе, социальном мире и путях развития получили философское оформление, при помощи которого сама история, правда и этические побуждения стали объединяться.

Концепция прогресса в прошлом способствовала развитию общественных наук, благодаря широкому использованию доминирующих тогда детерминистских представлений о социальном развитии, общественных связях и изменениях. Однако концепция развития, которая возникла в условия господства механицизма, материализма и атеизма эпохи Модерна (Нового времени и Просвещения), противостоящая традициям религии и духовности, не устраивала отечественных мыслителей. Они справедливо полагали, что идея общественного прогресса становится догмой, если интерпретировать ее в контексте физикалистского детерминизма, в понятиях исторических законов, исторической причинности и необходимости. Драматические события мировой политической истории XX в. вынудили С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева,

Р.Ю. Виппера отказаться от теории однолинейного прогресса, отбросить примитивную модель восходящего движения общества, а вместе с ней уже ставшие тогда популярными экономико-материалистические и технократические интерпретации развития. Позднее на их место пришли другие шаблоны и мифы, созданные западной социальной наукой в 1960—1980-е гг., в которых пропагандировались либерально-демократические модели западного типа для модернизации общества в качестве всеобщего образца.

Прогрессивное развитие человечества в целом не должно мыслиться только через процесс усложнения общественной организации и отдельных составляющих его сообществ или через возникновение новых социумов. Общество не может согласиться с деградацией и гибелью тех народов и культур, которые не сумели найти ответы на так называемые вызовы истории, «вписаться» в доминирующую парадигму развития, и цивилизация должна помогать им. В истории неоднократно бывали такие периоды кризисного роста, которые уравнивались только совершенствованием культурных ценностей и нравственных норм. Механизмы культурной регуляции могли компенсировать всевозрастающее развитие техники и технологий, необратимые и опасные изменения, внесенные резким увеличением информационной нагрузки содержания интеллекта, усложнением институциональной организацией общества.

Закончим статью словами Р. Арона, высказанными им по поводу иллюзий прогрессивного развития общества: «Люди никогда не знали историю, которую они делали, но еще меньше знают ее сегодня. Легче думать о будущем, чем верить в него заранее. История остается человеческой, драматической и, следовательно, в некотором смысле иррациональной» [9, 153]. Иначе, перефразируя сказанное, человечество плохо понимает, что такое история и где оно в ней находится, поэтому однозначно говорить только о восходящей линии развития общества преждевременно.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html>.
2. *Виппер Р.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М., 1913.
3. *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921.

4. *Bunner P.Yu.* Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных выступлений. 1914 — 1918 гг. М., 1918.
5. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32 — 43.
6. *Лось В.А.* Социокультурный анализ цивилизационных процессов: взаимосвязь циклических и линейных подходов к динамике мирового развития // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 78 — 99.
7. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО, 2018. 535 с.
8. *Осипов Ю.М.* Софиасофские тетради. (Не)Ученые записки. М.: ТЕИС, 2018. 477 с.
9. *Aron R.* Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961. 274 p.
10. *From-UA.*: [Электронный ресурс]. URL: <http://www/from-ua.com/politics.b1d13d427de7e.htm.l>

References

1. *Bulgakov S.N.* Osnovnye problemy teorii progressa: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html>.
2. *Vipper R.YU.* Obshhestvennye ucheniya i istoricheskie teorii КНVIII i КНІКН vv. v svyazi s obshhestvennym dvizheniem na Zapade. М., 1913.
3. *Vipper R.YU.* Krizis istoricheskoy nauki. Kazan', 1921.
4. *Vipper R.YU.* Gibel' evropejskoj kul'tury. Sb. statej i publichnykh vystuplenij. 1914 — 1918 gg. М., 1918.
5. *Gutorov V.A.* O nekotorykh tendentsiyakh interpretatsii kontseptsii progressa v sovremennoj sotsial'noj teorii // Voprosy filosofii. 2017. No. 12. S. 32 — 43.
6. *Los' V.A.* Sotsiokul'turnyj analiz tsivilizatsionnykh protsessov: vzaimosvyaz' tsiklichnykh i linejnykh podkhodov k dinamike mirovogo razvitiya // Vek globalizatsii. 2014. № 2 (14). S. 78 — 99.
7. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО, 2018. 535 с.
8. *Osipov YU.M.* Sofiasofskie tetradi. (Ne)Uchenye zapiski. М.: ТЕИС, 2018. 477 с.
9. *Aron R.* Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961. 274 p.
10. *From-UA.*: [Электронный ресурс]. URL: <http://www/from-ua.com/politics.b1d13d427de7e.htm.l>

С.В. ЛУЧИНИН

**Научный и идеологический аспекты марксизма
в социально-философском учении А.А. Зиновьева***

Аннотация. Статья посвящена отражению марксистской философии в трудах советского и русского мыслителя, логика и социального философа А.А. Зиновьева. Философ являлся одной из ключевых фигур советской философии периода «оттепели». Он был одним из создателей и бессменным участником Московского логического кружка, сыгравшего важную роль в преодолении догматизма советской философии 1950-х гг. Известно, что А.А. Зиновьев не считал себя марксистом, более того, свою собственную социально-философскую концепцию он строил, во многом критически переосмысливая те или иные положения марксизма. В статье показано, что Зиновьев относил марксизм не к научной теории, а к идеологии. Автор статьи систематизировал все аргументы философа в пользу такого подхода и насчитал пять ключевых пунктов «ненаучности» марксизма, высказанных в разных работах А.А. Зиновьева. В статье подробно раскрываются все пять пунктов. Критикуя марксизм как науку, А.А. Зиновьев в то же время высоко оценивал марксизм в качестве идеологии, сыгравшей огромную роль в развитии общества в XX в.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев, Карл Маркс, марксизм, пост-марксизм, наука, идеология, советская философия.

Abstract. The article is devoted to the reflection of Marxism philosophy in the works of the Soviet and Russian thinker, logic and social philosopher Alexander Zinoviev. The philosopher was one of the key figures of the Soviet Philosophy of the period of «Thaw». He was one of the founders and permanent participant of the Moscow Logical Circle, which played an important role in overcoming the dogmatism of the Soviet Philosophy of the 1950s. The article shows that Alexander Zinoviev attributed Marxism not to a scientific theory, but to an ideology. The author of the article systematized all the arguments of the philosopher in favor of this approach and counted five points. The article describes in detail all five points. While criticizing Marxism as a science, Alexander Zinoviev, at the same time, highly appreci-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Лучинин С.В. Научный и идеологический аспекты марксизма в социально-философском учении А.А. Зиновьева // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 153—161.

ated Marxism as an ideology that played a huge role in the development of society in the XX century.

Keywords: Alexander Zinoviev, Karl Marx, marxism, post-marxism, science, ideology, soviet philosophy.

УДК 101.1
ББК 60.033.23

В 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения крупнейшего философа, экономиста и социолога Карла Маркса. Маркс создал философское учение, названное по имени своего создателя марксизмом. В нашей стране долгое время марксизм рассматривался в качестве научной парадигмы. На протяжении всего советского периода российской истории марксизм использовался в качестве основного инструментария для описания социально-экономической и политической реальности как внутри страны, так и за ее пределами. С распадом СССР произошел и резкий пересмотр в отношении марксизма. Многие положения марксизма подверглись острой критике. Всеобщее принятие марксизма сменилось его всеобщим отрицанием. Отчасти это объясняется тем, что марксизм как инструмент познания был вплетен и неразрывно связан с идеологией советского общества. А отказавшись от коммунистической идеологии, отбросив ее как нечто «устаревшее» и «непригодное» для строительства нового общества, произошел отказ и от сопутствующего ей философского учения — марксизма. Политические страсти, происходившие в стране после распада СССР, мешали подойти к сухой и трезвой оценке такого сложного и масштабного философского учения, как марксизм. Так или иначе, для философов и обществоведов важно определить значение этого интеллектуального феномена и выяснить, что в марксизме имеет важное непреходящее значение, а что не прошло испытания временем.

В этой связи хотелось бы обратиться к наследию советского и русского мыслителя, логика и социального философа Александра Александровича Зиновьева. В его трудах представлен оригинальный и незамысленный взгляд на учение Карла Маркса. Философ являлся одной из ключевых фигур советской философии периода «оттепели». Однако, несмотря на высокий статус в советской науке и успешную академическую карьеру, А.А. Зиновьев никогда — ни в научных текстах, ни в публичных выступлениях — не называл себя марксистом, при том, что марксизм-ленинизм в Советском Союзе был столь же всеохватывающим интеллектуальным феноменом для образованных людей, как религия в Средние века [1, 7]. Философ не считал себя марксистом, но не-

смотря на это, марксистское учение, как часто выражаются литературоведы, «проходит красной нитью» через все творчество философа в виде отсылок, цитат, комментариев, аллюзий и упоминаний философа Маркса, в которых так или иначе он раскрывает свое отношение к личности Маркса и к марксистскому учению в целом. Попробуем суммировать и представить в виде тезисов основные положения А.А. Зиновьева касательно марксистского учения. Также стоит упомянуть, что тема: «А.А. Зиновьев и марксизм» может являться ключом к пониманию социально-философских взглядов самого философа. Признавая выдающееся историческое значение марксизма прежде всего как идеологии, Александр Александрович строил свою логическую социологию во многом оппонируя и критически переосмысливая марксистский исторический материализм [5, 51].

Марксизм стал предметом научного интереса А.А. Зиновьева еще в годы учебы на философском факультете МГУ. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)». Примечательно, что главный труд К. Маркса «Капитал» препарируется Зиновьевым главным образом для того, чтобы понять методологические и логические инструменты, используемые Марксом в его научном аппарате. Иначе говоря, Зиновьева привлекают не столько социологические или экономические идеи книги, сколько методологические и логические приемы, применяемые в ней. Такая направленность исследовательской мысли казалась тогда очень нестандартной и оригинальной. Достаточно близкий друг философа по учебе на философском факультете МГУ, К.М. Кантор вспоминал, что защита диссертации А.А. Зиновьева проходила при полном аншлаге. Зал не мог вместить в себя всех желающих, приехавших, в том числе, из других городов [9, 231]. Этот внешний аспект не относится к содержанию его труда, но подчеркивает его важное событийное значение для интеллектуальной жизни философского факультета МГУ и всей советской философии в 1950-е гг.

Если обратиться к содержательному значению диссертации, то здесь важно подчеркнуть следующее. Как известно, одним из важнейших гносеологических и онтологических принципов марксистской философии является диалектический материализм. Но какую роль играет диалектика в методологии науки и не противоречит ли она законам формальной логики? До середины XX в. советская философия не придавала большого значения этим вопросам, ограничиваясь лишь общими установками, приведенными в работах классиков марксизма. Более предметно эти вопросы и попытался разобрать Зиновьев в своей кандидатской диссертации, предприняв попытку представить диалектиче-

ский метод как совокупность вполне конкретных логических операций, не противоречащих законам формальной логики. Он показал, что приемы и формы мышления точно также подвержены изменению и развитию, как и экономический уклад, политические институты и культурные феномены. Одной из важных вех в развитии логического аппарата человека является появление специфических приемов диалектического мышления, а именно — метода восхождения от абстрактного к конкретному. Этот метод появляется вместе с зарождением современных наук, но своей вершины достигает в трудах Карла Маркса. Классическим образцом такого труда, в котором Маркс ярко продемонстрировал эпистемологические возможности этого метода является его «Капитал» [2, 12]. Таким образом, А.А. Зиновьев одним из первых обратил внимание на Маркса как на мыслителя, который, не занимаясь непосредственно методологией и логикой, все же, имплицитно, довел диалектический метод до своей вершины и сумел применить его в своих исследованиях.

Справедливости ради, стоит добавить, что в одно время с А.А. Зиновьевым похожими вопросами интересовался Эвальд Васильевич Ильенков, защитивший свою кандидатскую диссертацию годом ранее. По воспоминаниям авторитетных представителей российской академической философии, закончивших философский факультет МГУ в середине 1950-х гг., обе защиты оказали колоссальное влияние как на молодое поколение философов, присутствующих при их защитах, так и на развитие марксистской философии, некоторым разделам которой оба философа пытались придать научный характер [10, 4]. «Если Э.В. Ильенков не подвергал сомнению гегелевско-марксистскую парадигму (если позволительно воспользоваться современным термином) и искренне верил в ее абсолютную истинность, то А.А. Зиновьев смог впервые в советской философии отделить логико-методологическую и гносеологическую проблематику от марксистско-ленинских догм, и именно по этому пути пошло реальное развитие философии в СССР, начиная с середины 50-х гг.», — писали о разнице в их подходах [10, 5]. Таким образом, сложно переоценить вклад А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова в развитие советской философии, ее логических и гносеологических аспектов. Но если Ильенков в своих теоретических построениях двигался всецело в русле марксистской теории и считал себя марксистом, то отношение Зиновьева к марксизму выходит за рамки простого причисления или непричисления его к сторонникам или апологетам марксистской философии. Зиновьев высоко оценивал диалектический метод и не сводил его к исключительному атрибуту марксистской теории. Философ считал диалектический метод научным и

широко использовал его в изучении социальных объектов, несмотря на то, что сам марксизм наукой не считал, о чем и пойдет речь далее.

А.А. Зиновьев отказывал марксизму в научном статусе, называя его «величайшей в истории человечества нерелигиозной идеологией, а не наукой» [8, 171]. Если попытаться классифицировать аргументы философа в пользу «ненаучности» марксизма, то можно свести их к нескольким пунктам. Первый пункт касается *«неоднородности» марксизма*. Под этим понимается существование большого количества ответвлений, школ, толкований марксизма. Между этими школами не всегда есть согласие по поводу тех или иных проблем. Каждая школа решает тот или иной вопрос на свое усмотрение.

По мнению Зиновьева, уже В.И. Ленин не был «ортодоксальным» марксистом, так как для него как для революционера и государственного деятеля доминирующим фактором в истории являлась не экономика, а политика. Второй пункт касается *размытости и неопределенности марксистских терминов, допускающих множественность толкований и интерпретаций*. В качестве иллюстрации Зиновьев приводит определение В.И. Лениным материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях. «Согласно правилам логики, определения такого типа разделяется на определяемую часть, которую образует или в которую входит определяемый термин (в данном случае — слово “материя”), и определяющую часть, в которую входят термины, смысл которых должен быть известен (и понятен!) до построения определения и независимо от него. В данном случае в определяющую часть входят выражение “объективная реальность” (родовой термин) и “данная нам в ощущениях” (видовой термин). А что такое объективная реальность? Думаете, это понятнее чем материя? Попробуйте, найдите ей маломальски вразумительное определение, и вы сами убедитесь в том, что ясности тут ничуть не больше чем в отношении материи» [8, 122]. Третий пункт можно условно обозначить как *отсутствие эмпирически наблюдаемого предмета исследования*. Этот пункт касается той части марксизма, которая носит название «научного коммунизма» и описывает будущее коммунистическое общество, его возникновение, становление и развитие. «Научный коммунизм» не устраивает философа не только потому что он изучает физически не существующий объект, но и потому, что он не возможен в качестве проекта будущего, так как общество, в котором бы отсутствовали классовые противоречия, невозможно реализовать в принципе, в силу объективных социальных законов, сложившихся под влиянием исторически обусловленной социобиологической природы человека [6, 430] Он называл эти законы «законами коммунальности», или «законами экзистенциального эгоиз-

ма». «Коммунальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей по отношению друг к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя... Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов, — морали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т. д.» [4, 64—65]. Таким образом, буйство коммунальных законов в реальной общественной жизни мешает воплощению проекта коммунистического общественного устройства в той форме, в которой он был задуман классиками марксизма.

Одним из важнейших принципов научного подхода к анализу исследуемых объектов Зиновьев считал *принцип субъективной беспристрастности*. Переходя на язык метафоры, философ уподоблял позицию исследователя, изучающего общество, позиции ученого, изучающего муравейник, который, замечая разделение муравьев на различные враждующие между собой группы, не переходит ни на одну из сторон и уж тем более не предлагает никакого проекта «более справедливого» устройства муравейника [8, 172]. Именно *тенденциозность и отсутствие субъективной беспристрастности* не позволяют марксизму стать наукой: «Классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический» [8, 173]. Здесь стоит также подчеркнуть, что этому критерию не соответствуют многие общественно-гуманитарные школы и учения, претендующие на научный статус, о чем упоминал и сам Александр Александрович.

Еще один пункт критики Зиновьевым марксизма как науки является *неадекватность марксистского инструментария для описания общества в XX в.* По мнению Зиновьева, в XX в. возникли два качественно новых типа общества, для изучения которых марксистский аппарат стал непригодным. Это общество «реального коммунизма», в классическом своем виде воплотившееся в Советском Союзе, и западное общество после Второй мировой войны. В частности, ключевые для марксизма понятия, обнажающие «нерв» капиталистического общества, характеризующие два антагонистических класса — пролетариат и буржуазию — со второй половины XX в. потеряли социологический смысл, так как не описывают более специфику западного обще-

ства: «Таких классов, на основе которых выросла теория классовой борьбы, уже нет... Социальные слои организуются по-другому и соответственно по-другому выражают свои классовые интересы. Конфронтация происходит, но... она как бы размыта, распылена. Такой конфронтации, когда по одну сторону хозяева, а по другую — пролетарии, уже нет» [7, 134—135].

Марксизм, по мнению А.А. Зиновьева, создавался как попытка научного осмысления реальности, с претензией на научность. И изначально, действительно, включал в себя научный компонент, но с 1848 г., т. е. с момента появления «Манифеста коммунистической партии», марксизм оформился в качестве идеологии. Именно в статусе идеологии, а не науки Зиновьев придавал марксизму высокое значение, называя марксизм самой выдающейся за всю историю человечества нерелигиозной идеологией [3, 61]. Стоит несколько подробнее коснуться трактовки идеологии в работах философа. Термин «идеология» появился в конце XIX в. — он был введен французским мыслителем Антуаном Дестютом де Траси [12, 12]. Первым, кто придал этому термину негативное значение, был Наполеон, выступавший с критикой своих политических оппонентов в Государственном совете 20 декабря 1812 г. [12, 14]. В самом марксизме, прежде всего у Карла Маркса и Фридриха Энгельса, идеология трактовалась как «ложное сознание» [11, 83], выражающее интересы господствующего класса, выдаваемые за интересы всего общества в целом. И сейчас — как в общественных науках, так и в массовом сознании — термины «идеология» и «идеолог» имеют негативный смысловой оттенок. Но А.А. Зиновьев отвергал такой подход к пониманию идеологии. Философ считал идеологию необходимым и естественным компонентом любого общества наряду с государственностью и экономикой, поэтому, с его точки зрения, неидеологических обществ не существует в принципе, хотя идеологий в рамках одного общества может существовать несколько, с разной степенью успешности. По мнению философа, идеология является неким стандартизированным способом понимания окружающих явлений бытия для людей, принадлежащих к определенной социальной общности [8, 26].

Также Александр Александрович отрицал трактовку идеологии как «ложного сознания» по той причине, что категории истинности и ложности не применимы к оценке идеологии как явления. Идеология не может быть истинной или ложной, идеология может быть успешной или неуспешной. Философ предложил следующие критерии успешности идеологии: понятность и простота учения; соответствие интересам и желаниям людей, для которых она предназначена; убедительность и

аргументированность целей и задач, к которым она призывает; ее адекватность социальной реальности. В этом смысле марксизм являл собой пример успешной идеологии, побудившей массы людей к созидательной исторической деятельности и сыгравшей огромную роль в социальной эволюции человечества в XX в. Ведь вне зависимости от политических предпочтений очевидным является тот факт, что возможностью появления социальных государств XX в. — как коммунистических, так и западных «государств всеобщего благосостояния» — во многом мы обязаны именно марксизму. Но если в коммунистических странах многие социальные преобразования (введение восьмичасового рабочего дня, запрет на использование детского труда, введение пенсий, уравнение в правах мужчин и женщин, бесплатное публичное образование и многое другое) напрямую вытекали из марксистского учения, то социальные преобразования западных стран являлись своего рода «ответом» марксизму, вынужденной мерой, препятствующей распространению «коммунистической угрозы», попыткой остановить «блуждающий» по Европе «призрак коммунизма».

Литература

1. *Гусейнов А.А.* Александр Зиновьев. Энциклопедическая справка // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 7—18.
2. *Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» Маркса). М.: Институт философии Российской академии наук, 2002.
3. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2018.
4. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.
5. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Астрель, 2008.
6. *Зиновьев А.А.* О социальном статусе марксизма // Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия: [сборник]. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 425—432.
7. *Зиновьев А.А.* Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма. М.: АСТ, 2009.
8. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
9. *Кантор К.М.* Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 224 — 245.

10. *Лекторский В.А., Огурцов А.П., Садовский В.Н., Смирнов В.А.* Лабиринты бесконечного тупика // Независимая газета. 1993. 3 июля. С. 4—5.

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1966.

12. *Смирнова Е.В.* Концепт идеологии в социально-философской мысли. Дис. ... канд. филос. наук (09.00.11). М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2016.

References

1. *Gusejnov A.A.* Aleksandr Zinov'ev. EHntsiklopedicheskaya spravka // Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev / Pod red. A.A. Gusejnova. М.: ROSSPEHN, 2008. S. 7—18.

2. *Zinov'ev A.A.* Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale «Kapitala» Marksa). М.: Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk, 2002.

3. *Zinov'ev A.A.* Ideologiya partii budushhego. М.: Algoritm, 2018.

4. *Zinov'ev A.A.* Kommunizm kak real'nost'. М.: TSentrpoligraf, 1994.

5. *Zinov'ev A.A.* Na puti k sverkhobshhestvu. М.: Astrel', 2008.

6. *Zinov'ev A.A.* O sotsial'nom statuse marksizma // Zinov'ev A.A. Idi na Golgofu. Gomo sovetikus. Rasput'e. Russkaya tragediya: [sbornik]. М.: AST: Astrel', 2011. S. 425—432.

7. *Zinov'ev A.A.* Planiruemaya istoriya: Zapad. Postkommunisticheskaya Rossiya. Gibel' russkogo kommunizma. М.: AST, 2009.

8. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. М.: Algoritm, EHksmo, 2006.

9. *Kantor K.M.* Logicheskaya sotsiologiya Aleksandra Zinov'eva kak sotsial'naya filosofiya // Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev / Pod red. A.A. Gusejnova. М.: ROSSPEHN, 2008. S. 224 — 245.

10. *Lektorskiy V.A., Ogurtsov A.P., Sadovskiy V.N., Smirnov V.A.* Labirinty beskonechnogo tupika // Nezavisimaya gazeta. 1993. 3 iyulya. S. 4—5.

11. *Marks K., EHngel's F.* Soch. T. 39. М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1966.

12. *Smirnova E.V.* Kontsept ideologii v sotsial'no-filosofskoj mysli. Dis. ... kand. filoz. nauk (09.00.11). М.: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomono-sova, 2016.

Р.С. ОСИН

**О некоторых особенностях современного противоречия
между производительными силами и производственными
отношениями (социально-философский аспект)***

Аннотация. В статье ставится проблема противоречия между производительными силами и производственными отношениями применительно к современному обществу. В ходе исследования затрагиваются вопросы сущностных характеристик современного общества, субъекта социальных преобразований, гуманизма и постиндустриального общества, закономерности становления посткапиталистической формации. Содержится критика некоторых теоретико-методологических подходов к пониманию предпосылок становления «царства свободы» и наиболее заинтересованных и последовательных субъектов социального действия в направлении трансформации общества по пути социального прогресса. Автор приходит к выводу, что новые технологии «постиндустриального общества», несмотря на то, что создают существенные предпосылки для выхода за пределы капитала как общественного отношения, не гарантируют автоматический переход на более высокую ступень общественного развития, если не сопровождаются коренными изменениями в экономических и политических отношениях. Последнее же невозможно без субъективной деятельности наиболее последовательно заинтересованных социальных слоев по преобразованию общества в направлении социального прогресса.

Ключевые слова: производительные силы, производственные отношения, постиндустриальное общество, капитализм, империализм, обобществление, производство, капитал, свободное время, отчуждение, свобода, социальный прогресс.

Abstract. In the article a problem of the antagonism between productive forces and productive relations in association with contemporary society is defined. In the context of the analysis the author address issues of essential

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осин Р.С. О некоторых особенностях современного противоречия между производительными силами и производственными отношениями (социально-философский аспект) // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 162—179.

features of contemporary society, social changes' subject, humanism, postindustrial society, trends of postcapitalistic formation becoming. In the article there is the criticism against some theoretical and methodological approaches in comprehension of suppositions of «kingdom of freedom» becoming and the most engaged subjects of social activity in transformation in the direction of social progress. The author has come to conclusion that new technologies of postindustrial society, regardless of the fact that they create substantial suppositions for going away from capital as social interactions, don't ensure automatic transition to more perfect stage of progress if these technologies are not accompanied with drastic changes in economical and political affairs. And it is impossible without subjective activities of the most engaged social stratum in social transformation in the direction of social progress.

Keywords: productive forces, productive relations, postindustrial society, capitalism, imperialism, socialization, production, capital, spare time, subtraction, liberty, social progress.

УДК 123.1
ББК 87.6

Введение

Попытки социально-философского осмысления современного общества необходимы как для понимания его как целостности, так и для решения практических задач поступательного общественного развития в направлении социального прогресса, т. е. постоянно усиливающейся степени свободы всех членов общества как их господства над внешними обстоятельствами, подчинения сознательной деятельности человека стихийных процессов материального мира. Социально-экономические и социально-политические процессы со всей очевидностью показывают кризисное состояние общества. Это относится в первую очередь к современной системе общественных и производственных отношений.

О сущности современного общества

Современное общество, несмотря на все изменения, произошедшие с ним за последние несколько десятилетий, на наш взгляд, правомерно рассматривать как капиталистическое на его высшей фазе империализма. Можно сколько угодно говорить о том, что многое изменилось, пытаться придумывать новые дефиниции относительно сущности современного общества (либеральный глобализм, неофеодализм, постиндустриализм и пр.), но качественные черты, присущие капиталистической общественно-экономической формации на ее империалистиче-

ской стадии, остаются прежними. В этой связи полезно обратиться к теоретическим основам марксистской традиции, в рамках которой сущностные черты капиталистической формации исследованы наиболее глубоко.

Основные сущностные черты капиталистического общества были исследованы К. Марксом в его главном труде «Капитал» и В. И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». В них сосредоточено наиболее концентрированное изложение сущности капиталистического способа производства и его высшей империалистической стадии. В «Капитале» Маркс достаточно точно показал, что капиталистическое общество — это общество всепроникающего товарного производства. Конечно, товарное производство было и в докапиталистических формациях, но только при капитализме оно является главным и определяющим, только при капитализме в товар превращаются способности человека к труду — рабочая сила. Маркс показал, что рабочая сила становится особым товаром, производящим прибавочную стоимость (т. е. стоимость, большую стоимости самой рабочей силы), а прибавочная стоимость — источником эксплуатации человека человеком в капиталистическом способе производства.

Производство прибавочной стоимости (что находит внешнее выражение в прибыли) является главной целью капиталистического производства [15, 306]. И дело не в морально-нравственных качествах конкретного капиталиста или руководителя государств: капитал как общественное отношение должен не просто воспроизводиться, но постоянно самовозрастать, чтобы выдержать конкуренцию и увеличить производство прибавочной стоимости. Отдельно взятый же капиталист представляет собой, по выражению Маркса, всего лишь «персонифицированный капитал» [15, 244]. Таким образом, речь идет не о логике конкретных капиталистов, а о логике капитала как общественного отношения. Логика капитала же состоит в его самовозрастании, что проявляется в тотальном проникновении капиталистических отношений во все сферы общества и в подчинении всего развития общества цели производства прибавочной стоимости. И здесь не важно, о какой стороне жизни человека идет речь: производство ли это гвоздей или создание шедевров мирового искусства, капитал везде стремится к присвоению прибавочной стоимости, к самовозрастанию. Не является исключением ни культурная сфера, ни межличностные отношения, ни система образования, которая сама является частью капиталистического производства (образование — это производство главной производительной силы — человека). Достигает невиданных масштабов социальное отчуждение человека от результатов своего труда, культуры общества, других людей и, в конечном счете, от себя самого. В ходе конкурентной борь-

бы образуются монополии, и постепенно капиталистическая формация из капитализма свободной конкуренции превращается в монополистический капитализм — империализм. Данный этап выступает высшей фазой капитализма, но такой фазой, которая в определенной степени воспроизводит противоречия капитализма на новом уровне.

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин выделял основные признаки высшей стадии капитализма — империализма, которые некоторым образом отличались от классического капитализма эпохи свободной конкуренции. К основным признакам империализма как высшей стадии капитализма Ленин относил следующие: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого “финансового капитала”, финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [13, 336—337].

Диалектика конкуренции и монополизации на империалистической стадии развития капитализма

Монополизм (главная экономическая черта империализма) производства и банковской системы, их сращивание и образование финансового капитала породили плановое начало в экономике, ведь для управления монополией необходимы определенная систематизация и планирование. Это, в свою очередь, подрывает господство рыночной стихии и делает большой шаг в обобществлении производства, о чем более подробно писал в вышеуказанной работе Ленин [13, 320].

Все это усиливает противоречие между трудом и капиталом. Труд делается все более обобществленным, капитал же сосредоточивается во все более узких (частных) руках крупнейших монополистов. Несмотря на то, что либеральные идеологи до сих пор доказывают, что малый бизнес является основой экономик развитых стран, цифры говорят об обратном. Обратимся к развитию тенденции монополизации в США, которые, по мнению многих либералов, выступают эталонами «правильного» капитализма и демократии. Так, к примеру, экономист О.О. Комолов приводит в пример статистику развития монополизма в США. Он отмечает, что в 2012 г. в США функционировали 5 726 160 компаний, 99,7% из которых являются предприятиями малого бизнеса, крупных же компаний — не более 0,3%. С 1970 до 2014 г. доля активов

крупнейших корпораций США в обрабатывающей промышленности (с активами более 1 млрд дол.) увеличилась почти на 40 процентных пунктов. Параллельно росла доля извлекаемой прибыли. Можно констатировать, что 847 крупнейших корпораций (0,33 %) сконцентрировали у себя 88,7 % всех активов отрасли. За тот же период доля предприятий из самой малой группы снизилась с 11,9 до 1,9 % [11, 158—159].

Монополизация приводит к усилению сознательности в управлении экономическими процессами со стороны монополий. Сегодня мы видим, что многие капиталистические страны активно используют плановое управление отдельными отраслями экономики, монополиями (например, Южная Корея и Япония). Монополизация является фактором, подрывающим стихийный характер экономического развития, создает условия для обобществления труда, что в целом можно считать предпосылкой для перехода к более прогрессивной общественной формации. Вместе с этим господство капитала никуда не делось, хаотичность производства тоже остается, просто изменила форму проявления, став более масштабной. Это мы можем видеть на примере мировых экономических кризисов, которые то и дело дают о себе знать.

Интересна диалектика конкуренции и монополизации на этапе империализма. На наш взгляд, здесь проявляется диалектический закон отрицания отрицания, когда конкуренция, будучи отрицаема монополизацией, тем не менее при господстве капитала как общественного отношения воспроизводится, но на более масштабном уровне как конкуренция крупных монополий (тем самым, отрицает первое отрицание на качественно новом уровне). Несмотря на то, что крупные монополисты часто прибегают к сговору между собой, соперничество (конкуренция) между ними никуда не девается, приобретая лишь более гибкие и сознательно организованные формы. Тем не менее это не значит, что эпоха прямых столкновений в конкурентной борьбе полностью ушла в прошлое. Последствия конкуренции крупных монополий куда существеннее традиционной конкуренции мелких собственников. Собственно, все мировые войны прошлого столетия и локальные военные конфликты современного общества, в конечном счете, плоды конкуренции крупных капиталов разных государств.

Таким образом, мы видим, что монополистический капитализм (империализм), закладывая предпосылки отрицания рынка и выхода за пределы «царства необходимости», вместе с тем обращает эти предпосылки на дело сохранения и усиления господства капитала. Конкуренция отрицается монополизацией, но и воспроизводится ею. Стихийность отрицается планомерностью, но планомерность подчинена логике самовозрастания капитала и распространяется лишь в границах мо-

нополии, обслуживая хозяев этих монополий. Обобществление производства отрицает частный характер производственного процесса, но служит еще большему усилению частнособственнического присвоения его результатов. Империализм создает предпосылки для преодоления и падения капитализма, но при этом сам обращает эти предпосылки на пользу усиления господства капитала во всех сферах жизни человека, делая капитализм более устойчивым. Фиксация этих противоречий важна для понимания развития капиталистических и посткапиталистических обществ в XX в. и особенностей современного капитализма.

Некоторые проблемы осмысления противоречия между производительными силами и производственными отношениями на современном этапе

Дальнейшее развитие производительных сил породило новый уровень противоречий. Научно-техническая революция сделала массовыми интеллектуальные специальности, а информатизация современного общества создала условия для свободного распространения информации, а следовательно, и знаний. Сегодня, как отмечают некоторые исследователи, «материальная возможность движения «по ту сторону» мира отчуждения и капитала уже достигнута» [4, 19]. Например, есть все технические условия для реализации общественной собственности на продукты нематериального производства и распределение их по потребностям. В условиях свободного распространения информации, научное открытие, музыкальное произведение, литература могут быть во всеобщем доступе для всех и каждого. Но, ведь, это уже выход за пределы рынка и частной собственности. Исходя из этого, классическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями, выраженное при капитализме как противоречие между трудом и капиталом, сегодня имеет еще одну сторону.

Эта сторона состоит в противоречии между технико-технологической возможностью выхода за пределы логики капитала и частнособственническими производственными отношениями. Противоречие между возможностью свободного распространения для всех и каждого результатов нематериального производства и «авторским правом» (правовой институт частнособственнического общества) является частным проявлением вышеуказанного противоречия. Наиболее явно объективность этого противоречия видна на примере попыток государства побороть пресловутое «пиратство». Попытки, к слову сказать, не очень-то успешны, что говорит в определенной степени о тщетности капитализма побороть тенденцию обобществления информации. Но противоречие это лежит куда глубже.

Производительные силы явно переросли рыночные капиталистические производственные отношения и позволяют перейти к реальному обобществлению собственности на средства производства. При этом сами по себе динамично развивающиеся производительные силы без коренного изменения производственных отношений (что, понятное дело, немыслимо без политической активности пролетариата), не приводят к новой общественной формации. Это позволяет капиталу «вписывать» новые производительные силы (информационные технологии) в логику своего развития.

Некоторые современные исследователи считают, что именно постиндустриальное общество является серьезной предпосылкой для реализации идей социалистического переустройства общества [10, 593—594]. И это, на наш взгляд, вполне соответствует действительности, если говорить именно о материальных предпосылках для такого перехода. Предпосылки выражены в массовом распространении всеобщего труда, крупной индустрии, глобализацией коммуникаций (еще 30 лет назад письмо из одного конца России в другой доходило намного дольше, чем мгновенная доставка необходимой информации по электронной почте). Хотя тут же стоит сказать о том, что не следует преувеличивать роль всеобщего труда и информационных технологий. Сами по себе они не приводят к коренной трансформации современного общества, хотя и создают предпосылки для таковой.

Информационные технологии и всеобщий труд: ростки или предпосылки перехода к «царству свободы»?

В настоящее время в среде ряда представителей левой общественной мысли заметна тенденция недооценки роли крупной промышленности и промышленного пролетариата как предпосылки и субъекта коренной трансформации общества. Распространены позиции, согласно которым «царство свободы» как бы «прорастет» из «царства необходимости». Так, например, В.М. Межуев связывает становление системы, основанной на общественной собственности, с развитием науки и всеобщего труда, которые постепенно приведут к снижению до минимума труда рабочих, превратят этот труд во второстепенный по отношению к научному труду. Радикально-революционный же путь Межуев рассматривает как «архаический и безнадежно устаревший» [16, 117]. Очевидно, что применение марксистских теоретических положений механически к современному обществу не приведет к позитивным результатам. Тем не менее необходимо отметить, что для того, чтобы наука действительно привела к подлинному освобождению тру-

да, она должна служить всему человечеству, а не избранной его составляющей.

Указанные позиции, на наш взгляд, имеют распространение в современной марксистской литературе из-за не совсем корректно понятого места из 3-го тома «Капитала» Маркса о «царстве свободы», которое, с точки зрения Маркса, «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [14, 833]. Но у Маркса шла речь не о ростках посткапиталистической формации в условиях тотального господства капитала и отчуждения, а о той стадии развития общества, когда человек, овладев законами общественного развития, смог поставить их себе на службу и превратился в сознательного творца своей истории. В этих условиях, действительно, человек смог преодолеть материальную нужду и отчуждение, сосредоточившись на развитии своих всесторонних способностей в самых разных областях познания и созидания. В этом смысле «царство свободы» действительно начинается за пределами собственно материального производства и материальной нужды. Но для достижения этого «царства свободы» необходим целый исторический период коренной трансформации (если не радикальной ломки) экономических, политических и социальных отношений, в первую очередь, изменения в способе производства. Именно изменение способа производства позволяет говорить о глубоком коренном перевороте во всех сферах жизни общества, позволяет создавать условия, при которых наука становится основной производительной силой, а всеобщий труд основным видом деятельности человечества. Как справедливо писал в своих работах Э.В. Ильенков, идеальность представлена и существует в общественно-человеческой деятельности (см.: [8, 183]). А той общественно-человеческой деятельностью, которая необходимо приводит к коренному изменению общественных отношений, является борьба за преодоление всех форм эксплуатации и отчуждения. Без этой субъективно-деятельной составляющей «царство свободы» так и останется утопической мечтой человечества. Но кто должен выступать таким субъектом в современном обществе? Классики марксизма эту роль отводили промышленному пролетариату, а как сегодня может быть решен этот вопрос?

**Главный субъект в борьбе за «царство свободы»
в современном обществе: промышленный пролетариат
или работники всеобщего труда?**

Дискуссионным вопросом представляется и понимание субъекта коренной трансформации общественных отношений. Некоторые исследователи, на наш взгляд, явно преувеличивают роль работников всеоб-

щего труда, вместе с тем недооценивают, а то и вовсе списывают с исторической сцены, промышленный пролетариат. Так, к примеру, Г.Я. Ракитская сначала выдвинула утверждение, что капитализм физически и духовно калечит рабочего, с чем сложно не согласиться, но затем сделала, на наш взгляд, спорный и эмпирически не обоснованный вывод о якобы «неспособности» рабочего класса принять и освоить «гуманистические идеи», об изначальной предрасположенности рабочего класса к «тоталитаризму» и деспотизму [18, 317].

В подобных высказываниях, на наш взгляд, не хватает диалектического подхода к рассматриваемому вопросу. Только с позиции материалистической диалектики можно увидеть, что «организационно-технологический деспотизм» капиталистического предприятия одновременно и подавляет, и развивает личность работника. Подавляет в том смысле, что заставляет все время подчиняться собственнику средств производства, навязываемой собственником дисциплине, а технологический процесс приглушает развитие творческих способностей. Развивает в том, что способствует формированию и практической выработке в рабочем человеке таких необходимых для социальной борьбы качеств, как коллективизм, способность к солидарным действиям, решимость, самоорганизация и дисциплина.

Надо отметить, что упадок рабочего движения в России связан не с потерей рабочим классом своей авангардной роли в обществе, а с общим упадком социально-политической активности всех слоев населения. Если же смотреть степень активности рабочего класса в борьбе за свои права (а, на наш взгляд, только она способна привести общество к коренной трансформации) относительно других слоев общества, то можно утверждать, что он по-прежнему остается одним из наиболее активных слоев населения. Так, согласно данным аналитического отчета по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП, в 2017 г. доля протестов, приходящихся на промышленные предприятия, составила всего 27% [3]. Здесь мы взяли именно промышленный рабочий класс. Если к промышленным рабочим прибавить близких к ним работников строительства и транспорта, то совокупная цифра возрастет до 63%. Вместе с тем, если мы посмотрим на долю протестов, приходящуюся на работников культуры, образования и науки (всеобщего труда), то она будет существенно меньше — всего 12%. На наш взгляд, данный показатель опровергает расхожие представления о том, что рабочий класс промышленных предприятий утратил свое авангардное положение главного субъекта коренной трансформации общественных отношений. Напротив, именно в силу того, что промышленный пролетариат не только лишен собственности на средства производства, но

еще и объединен фабрично-заводской дисциплиной, он является и сегодня авангардным субъектом в деятельности по выводу общества за пределы капитала и отчуждения [17, 157—158].

**«Постиндустриальное общество»: «царство свободы»
или новая форма отчуждения?**

Многие современные исследователи охотно приняли концепцию «постиндустриального общества». Сама концепция постиндустриального общества, на наш взгляд, разрывает единство развития производительных сил и производственных отношений [2, 18]. С точки зрения сторонников концепции «постиндустриального общества», то, что у Маркса называлось коммунизмом, только одна из возможностей развития общества, но есть и другие. Выдвигаемая концепция постиндустриального общества исходит из того, что мы имеем такой этап общественного развития, при котором основой становится не производство материальных благ, а производство знаний и информации, усиливается роль сферы услуг и ослабевает роль промышленности, происходят глобализация и информатизация общества. Данный тип общества позиционируется неким новым качественным этапом развития. Тем не менее так называемое постиндустриальное общество, несмотря на все технические достижения, не привело к качественному скачку в развитии производственных отношений. Все основные противоречия капитализма, свойственные началу XX в. (в первую очередь, противоречие между трудом и капиталом) остаются актуальными и сегодня, причем тенденция их сглаживания с помощью модели социального государства сменяется тенденцией обострения социально-классовых конфликтов. Модель же социального государства, являвшаяся определенным компромиссом труда и капитала, с 1980-х гг. поэтапно сворачивается в странах капиталистического центра [9, 22—94]. Реставрация капитализма в СССР и в странах Восточной Европы, приведшая к устранению социалистического примера социально-ориентированной экономики, ускорила этот процесс.

Таким образом, «постиндустриальное общество», несмотря на порождение определенных предпосылок для перехода к реальному обобществлению, в целом встроено в логику развития капитала. В результате объективная тенденция всеобщего доступа к знаниям, повышения всестороннего развития личности благодаря капиталистическим отношениям перекрывается тенденцией использования информационных технологий капиталом в целях создания управляемой массы населения. И все это вытекает из логики капитала как тотального товарного производства, ведь товар имеет две стороны: стоимость (общественно

необходимое рабочее время для производства товара) и потребительскую стоимость (свойства, благодаря которым товар пользуется спросом). Чтобы товар пользовался спросом, его потребительная стоимость должна соответствовать запросам людей, а в условиях развития информационных технологий эти самые запросы могут формироваться капиталом целенаправленно. Современный капитализм не просто производит товары для удовлетворения спроса, а сам формирует людей с их потребностями и запросами под товары. Это отчетливо проявляется на примере рекламы, причем рекламы как конкретных товаров, так и образа жизни как такового.

Эту встроенность новейших технологий в логику капитала при имеющейся технико-технологической возможности выхода за рамки рыночных отношений М.И. Бурик в работе «Человек и экономика в виртуализированном мире» называла «некапиталистической капиталистичностью». Некапиталистичность тут проявляется в целенаправленном и сознательном формировании определенного типа личности, который выгоден представителям крупного капитала. В этом можно наблюдать отрицание классического капитализма с его стихийностью со стороны процесса производства, но подчиненность этого процесса интересам крупного капитала с точки зрения результата делает эту некапиталистичность капиталистической и, таким образом, ведет к торжеству господства монополистического капитализма (см.: [7, 32]).

Анализируя логику капитала применительно к системе производства человека, одним из основных элементов чего является система образования, стоит отталкиваться именно от понимания этой «некапиталистической капиталистичности». С одной стороны, «информационные технологии» и «постиндустриальное общество», знание и фундаментальная наука становятся необходимыми элементами производства, порождая массовое распространение всеобщего труда, создавая предпосылки выхода за пределы капитализма. С другой стороны, тотальное проникновение капиталистических отношений в эти сферы, во-первых, умело ставит все эти достижения на службу капиталу и, таким образом, обнуляет их, во-вторых, сочетается с активизацией реакционных идей, которые, казалось бы, не совместимы с тенденциями информатизации, но успешно сосуществуют с ней. Запрещенная в России организация ИГИЛ, вербуя своих сторонников именно через интернет, использует информационные технологии «постиндустриальной цивилизации» в пропаганде реакционных докапиталистических средневековых идей.

Все дело в том, что капитал производит человека двояким образом: как потребителя и как работника. Производя человека как потребителя (который будет покупать товары, принося, таким образом, при-

быль капиталу) и как работника (непосредственного производителя прибавочной стоимости), капитал преследует две связанные между собой цели: навязывания определенных вкусов и образа жизни, с одной стороны, и воспитания политической лояльности рабочей силы, дабы не увеличивать ее стоимость — с другой. Отсюда и навязывание капиталом человеку не только товаров, но и выгодного капиталу образа жизни, приводящего в свою очередь к усиливающемуся тотальному отчуждению [6, 146]. Так, несмотря на показную свободу и относительную сытость современного буржуазного общества (если брать страны капиталистического центра), тотальность отчуждения усиливается. Человек, таким образом, превращается из субъекта исторического творчества в полностью подчиненный логике капитала атомизированный объект, функцию капитала. И эта тотальность отчуждения проявляется не только в виде идеологических, политических и иных форм, связанных с пресловутым «обществом потребления», но и так называемых «традиционных ценностей», которые, несмотря на внешнее противоборство с либеральным «обществом потребления», сами являются обратной его стороной. Просто идеи «общества потребления» рассчитаны на трудящихся с более высоким уровнем жизни, преимущественно проживающих в странах капиталистического центра. Эта идеология позволяет сохранять у трудящихся постоянную надежду «выбиться в люди», «стать капиталистами» и пр., лично «устраиваясь» в буржуазном обществе. «Традиционные» же ценности рассчитаны на жителей периферии и малоимущие слои трудящихся капиталистического центра, для которых жизнь по стандартам «общества потребления» заведомо недостижима. Для них, заведомо обреченных на нищету в этом мире, капитал всегда возьмет на вооружение средневековую сказку мира загробного, мобилизует их на свою службу через ценности «патриотизма», «национального единства», в том числе при необходимости реинкарнирует самые варварские пережитки нацизма и средневекового религиозного фундаментализма.

Другим аспектом является то, что само по себе постиндустриальное общество, утвердившееся в наиболее развитых капиталистических странах, не заменило индустрии. Просто индустриальное производство развитые капиталистические государства благополучно вывезли на периферию.

Указанные выше позиции, на наш взгляд, являются в методологическом отношении отправными пунктами для понимания проблем современного общества в целом и решения частных вопросов, связанных с преодолением противоречий социально-экономического, политического и культурологического характера.

Гуманизм и «царство свободы»

На наш взгляд, выход из указанного противоречия лежит в плоскости усиления гуманистической составляющей в экономической системе, ориентирование социально-экономической политики государств не на получение сверхприбылей, а в первую очередь на обеспечение благосостояния и всестороннее развития всех членов общества, что Ленин именовал основной задачей социалистического общества. К основным его характеристикам относятся:

- общественная собственность на средства производства;
- единая хозяйственная система, функционирующая в планомерном режиме; действия, направленные на преодоление товарного производства и классовых различий;
- гуманизм, понимаемый как система взглядов и действий, исходящих из признания обеспечения материального благосостояния и всестороннего развития всех членов общества главной целью общественного развития.

Сегодня под гуманизмом часто понимают все, что угодно, кроме создания условий для обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития личности. К сожалению, гуманизм стал ассоциироваться не с возвышением человека как социального существа, а с подчинением его сиюминутным, сугубо потребительским целям. Точка зрения марксизма заключается в том, что именно человек как социальное и трудящееся существо должен стать главной целью общества. Либеральная пропаганда любит выставлять дело так, что человек в социалистическом обществе является «винтиком» системы, в то время как именно при капитализме он раскрывает все свои возможности [1, 500].

В действительности же культ индивидуализма (а заодно, когда это выгодно, и возрождение докапиталистических идеологических и политических практик) в капиталистическом обществе выступает идеологической формой тотального закрепощения человека, превращения его в винтик капитала, стандартизированный и обезличенный придаток системы. Социальный же идеал Маркса связан с возвышением человека, посредством преобразования его общественного бытия, т. е. коренной сменой способа производства. Человек у Маркса также является главной целью, но в отличие от либералов, идеалом и целью которых является человек-собственник, для Маркса целью общества должен стать человек-труженик, созидатель и творец. Личный и общественный интерес не противопоставляются в марксизме, а диалектически взаимодополняют друг друга: личность, чтобы развивать свои индивидуальные способности и реализовывать необходимые потребно-

сти, должна быть включена в общественную практику, общество же должно создавать все необходимые условия для равной реализации всеми его членами своих индивидуальных способностей. Отсюда и лозунг: «свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех членов общества». Культурный подъем, продемонстрированный неоднозначной и противоречивой практикой «реального социализма», показывает, что при всех сложностях, возникших на пути практической реализации Марковского идеала, степень отчуждения человека от достижений культуры общества сокращалась [5, 42—64]. Подобная постановка вопроса заставляет по-новому взглянуть на другую проблему, а именно — потребность в труде.

Критикуя советское общество за постановку амбициозной задачи построения общества без эксплуатации и без классов, либерально настроенные идеологи часто ссылались (и ссылаются) на «природу человека», которая состоит в якобы врожденной «лени», врожденных пороках вроде жадности и корысти. Вместе с этим, увлекшись «ленью» как составной частью «природы человека», совсем забыли про потребность в труде, которая ничуть не меньше, а может быть, и больше соответствует пресловутой человеческой природе.

Характеризуя потребность в труде, Р.И. Косолапов отмечает ее исключительную роль в культурно-историческом развитии человечества на протяжении всей истории общества [12, 29]. И действительно, во все времена существовали примеры деятельности, выполняемые людьми не в экономических целях, а как желаемое переживание работника. К примерам подобной деятельности можно отнести научную, просветительскую деятельность, разные виды искусства, выполняемые из желания творить, а не ради сиюминутной выгоды. При этом важно заметить, что чем более развитым становилось общество, тем больше примеров именно такого труда мы имеем. В этом смысле «царство свободы» позволяет достичь диалектического единства рабочего и свободного времени, так как основным содержанием последнего будет всесторонний, творческий труд. На современном же этапе развития распространение потребности в труде может рассматриваться как один из критериев степени зрелости общества, степени его освобождения. Чем более зрелым является общественное устройство, тем меньше времени человек затрачивает на «обязательное» время труда (рабочее время) и тем больше времени остается для реализации «потребности в труде» как основы подлинно свободной деятельности в подлинно свободное время.

Часто под свободным временем понимается время праздности. Однако праздное безделье не является свободным временем, ибо даже в

этом состоянии человек подчинен внешним обстоятельствам. При капитализме «свободное время» человека полностью программируется логикой товарно-денежных отношений, проникающих во все сферы жизни человека (как общественной, так и личной). Образ жизни индивида, как было отмечено выше, формируется крупными монополиями посредством рекламы, кинофильмов, телепередач, разнообразными стандартами жизни и пр. Тем самым человек подчинен навязываемой ему (пусть и в «мягкой форме») извне отчужденной от него логикой поведения, которая формируется запросами капитала и поглощает его «свободное время», превращая это время из потенциально свободного в отчужденное. Жизнь всецело подчиняет запросам капитала. Компьютерные игры подростков в ущерб изучению наук, проведение выходных часами в торговом центре с целью купить новые предметы техники или одежды определенного «бренда» просто из желания быть «модным и современным» (хотя старые вещи могли бы еще послужить), а затем — просмотр весь вечер малосодержательных телесериалов и ток-шоу — это время человека не является подлинно свободным. Несвобода здесь заключается в том, что время направлено не на подчинение обстоятельств разумной деятельности человека, а на поглощение человека сформированными капиталом потребностями и развлечениями, время, в котором внешние обстоятельства целиком и полностью господствуют над человеком.

Подлинное свободное время — это время, направленное на преодоление господства обстоятельств над человеком, преодоление отчуждения, что возможно лишь во всестороннем развитии и всесторонней деятельности всех членов общества по преобразованию природы, общества и самого себя. Для этого, безусловно, необходим высокий уровень производительности труда в материальном производстве, а также соответствующая социально-экономическая и политическая организация общества, способная обеспечить высокое благосостояние для всех его членов. Без этого реализация потребности в труде, всестороннее развитие для большинства будут недостижимы. Подлинно свободное общество, таким образом, исходит именно из необходимости с ростом производительности труда сокращать необходимое рабочее время (рабочий день) и увеличивать свободное время, и именно в этом свободном времени можно усматривать меру развитости общества. Но чтобы это свободное время расходовалось именно на реализацию «потребности в труде», на всестороннее развитие личности, необходим целый комплекс мер коренного преобразования социально-экономической и политической системы. Без создания нового технико-технологического, социально-экономического и политического фунда-

мента сложно будет добиться изменения характера труда и превращения его в главную потребность человека нового тысячелетия.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву: поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
3. *Бизюков П.В.* Трудовые протесты в России: [Электронный ресурс]. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/2015>.
4. *Бузгалин А.В.* Время альтернатив (полный авторский текст) // Альтернативы. 2018. № 2. С. 5—47.
5. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Разотчуждение как конкретно-всеобщая основа истории и культуры СССР // Альтернативы. 2016. № 2 (91). С. 42—64.
6. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Глобализация отчуждения: в поисках альтернативы // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 141—157.
7. *Бурик М.Л.* Человек и экономика в виртуализированном мире. К.: «Аграр Медіа Груп», 2016. 268 с.
8. *Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / Сост. А.П. Поляков. М.: Мир философии, 2015. 336 с.
9. *Кагарлицкий Б.Ю.* Неoliberalизм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. 256 с.
10. *Колганов А.И.* Что такое социализм? Марксистская версия. М.: УРСС, 2012. 407 с.
11. *Комолов О.О.* Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 156—167.
12. *Косолапов Р.И.* Оптимизация общественной системы. М., 2014. 40 с.
13. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 299—426.
14. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Ч. 1, 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 932 с.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1978. 907 с.
16. *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. Статьи на популярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.

17. *Осин Р.С.* Левые силы и стихийный протест: история, уроки, современность, перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2017. 208 с.

18. *Ракитская Г.Я.* Предпосылки и вероятность реализации социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 316—327.

19. *Славин Б.Ф.* Социализм и Россия. М.: Едиториал, УРСС. 432 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Voskhozhdenie k pravu: poiski i resheniya. M.: Norma, 2001. 752 s.

2. *Bell D.* Gryadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Academia, 2004. 788 s.

3. *Bizyukov P.V.* Trudovye protesty v Rossi: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyst/2015>.

4. *Buzgalin A.V.* Vremya al'ternativ (polnyj avtorskij tekst) // Al'ternativy. 2018. № 2. S. 5—47.

5. *Bulavka-Buzgalina L.A.* Razotchuzhdenie kak konkretno-vseobshhaya osnova istorii i kul'tury SSSR // Al'ternativy. 2016. № 2 (91). S. 42—64.

6. *Bulavka-Buzgalina L.A.* Globalizatsiya otchuzhdeniya: v poiskakh al'ternativ // Svobodnaya mysl'. 2017. № 1. S. 141—157.

7. *Burik M.L.* CHElovek i ehkonomika v virtualizirovannom mire. K.: «Agrar Media Grup». 2016. 268 s.

8. *Il'enkov. E.H.V.* Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma; Dialektika ideal'nogo / Sost. A.P. Polyakov. M.: Mir filosofii, 2015. 336 s.

9. *Kagarlitskij B.YU.* Neoliberalizm i revolyutsiya. SPb.: OOO «Poligraf», 2013. 256 s.

10. *Kolganov A.I.* CHto takoe sotsializm? Marksistskaya versiya. M.: URSS, 2012. 407 s.

11. *Komolov. O.O.* Krupnyj i malyj biznes: rol' i mesto v sovremennoj ehkonomie // EHkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2015. № 4. S. 156—167.

12. *Kosolapov R.I.* Optimizatsiya obshhestvennoj sistemy. M., 2014. 40 s.

13. *Lenin V.I.* Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 27. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1973. S. 299—426.

14. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. T. 3. CH. 1, 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 932 s.

15. *Marks K.* Kapital. T. 1. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1978. 907 s.
16. *Mezhuev V.M.* Marks protiv marksizma. Stat'i na nepopulyarnuyu temu. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 176 s.
17. *Osin R.S.* Levye sily i stikhijnyj protest: istoriya, uroki, sovremennost', perspektivy. M.: LENAND, 2017. 208 s.
18. *Rakitskaya G.YA.* Predposylki i veroyatnost' realizatsii sotsialisticheskoy idei v ee posledovatel'no gumanisticheskom ispolnenii // Sotsializm posle sotsializma. Novyj intellektual'nyj vektor / Pod red. M.I. Voejkova. SPb.: Aletejya, 2011. S. 316—327.
19. *Slavin B.F.* Sotsializm i Rossiya. M.: Editorial, URSS. 432 s.

Е.В. ЛЕДЕНЕВА

Природа и культура в концепции Карла Густава Юнга*

Аннотация. Философию природы — иначе говоря, натурфилософию — нельзя назвать характерной темой философской рефлексии XX в. Напротив, ключевой ее темой оказывается культура — та реальность, которую творит человек в процессе своей деятельности. Вслед за Ницше и Сартром, Марксом и Фейербахом мы рассматриваем человека как творца своих ценностей, учреждающего мир, в котором он, собственно, живет. В таком контексте философская рефлексия Юнга представляется исключением из общего правила: «культура» у него вовсе не противостоит «природе», «человеческое» — «зверскому».

Ключевые слова: сознание, психика, инстинкт, архетипический разум, демифологизация мира, опыт трансцендентного.

Abstract. The theme of nature is not fundamental in the philosophy of the 20th century. On the contrary, a key theme for the philosophy of the 20th century is a culture, interpreted as the reality that people create in the course of their activities. Following Nietzsche and Sartre, Marx and Feuerbach, we interpret man as the creator of his own values, constituting the world in which he exists. In this context, Jung's philosophical reflection reveals itself as an exception to the general rule: «the culture» in Jung's concept does not at all resemble «nature», «human» is not the opposite of «animal».

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Леденева Е.В. Природа и культура в концепции Карла Густава Юнга // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 179—197.

Keywords: consciousness, psyche, instinct, archetypical mind, demythologization of the world, experience of the transcendent.

УДК: 1(091), 159.9
ББК 87

Не секрет, что концепции психоанализа Юнга и Фрейда весьма сильно различаются. Если Фрейд видит причины того, что происходит с психикой человека, в его личной истории, связывает это с событиями первых лет жизни индивида, — то Юнг открывает в структурах человеческого бессознательного неведомые и не исследованные ранее глубины¹, в результате чего психика у него предстает как нечто интерперсональное. В соответствии с концепцией Юнга, бессознательное не является, так сказать, «собственностью» конкретного индивида, оно (если говорить о глубинных его слоях) не приобретается в процессе личного опыта — это достояние всего человечества («коллективное бессознательное», как его называет Юнг).

Но специфика проекта Юнга заключается не только в этом. У него — по сравнению с Фрейдом — меняется понимание того, *что такое жизнь* (что такое живое как таковое), понимание того, *что такое природа* (окружающая нас материальная реальность), и у Юнга радикально меняется взгляд на то, что «природе» тематически противопоставит... то, что мы обычно называем словом «культура» (и рассматриваем как созданную в результате человеческой активности «вторую природу»).

Что касается взаимодействия Юнга с Фрейдом, то неверно было бы, пожалуй, считать его учеником и продолжателем последнего. Их пути пересекаются, когда Юнг является уже достаточно зрелым и признанным исследователем. За этим следует период весьма и весьма плодотворного сотрудничества (1907 — 1913), закончившийся разрывом и пониманием концептуального несогласия с Фрейдом.

В работе «Подход к бессознательному» [12] Юнг описывает то, как он собственно осознал свои расхождения с Фрейдом: анализируя сны пациентов, он в какой-то момент понимает, что ему необходимо отказаться от метода свободных ассоциаций, практикуемого им ранее. Этот метод в дальнейшем продолжит использовать Фрейд, Юнг же его применять не будет. Он признает, что метод в большей степени соот-

---

¹ Юнговская концепция бессознательного, как известно, инициирует в дальнейшем формирование соответствующего направления: «глубинной психологии».

ветствует нуждам теории Фрейда, поскольку способен привести аналитика к знаниям о психологических травмах и комплексах анализируемого². Карл Густав Юнг отказывается от метода свободных ассоциаций по мере того, как утверждается в мысли, что у психоанализа должна быть в принципе другая задача.

Теперь Юнг не дробит сон на фрагменты (как того требует метод свободных ассоциаций), он ставит своей целью постараться истолковать *сон как таковой — в качестве целого* — это, по его мысли, открывает путь к пониманию данной личности (опять-таки в качестве целого).

Юнг пишет: «... я стремился держаться как можно ближе к самому сну и исключать все малозначительные идеи и ассоциации, которые он вызывал. И хотя они на самом деле могли привести к комплексам у пациента, у меня имелась другая, более далеко идущая цель... чтобы узнать и понять психическую жизнь целостной отдельной личности, важно осознать, что сны человека и их символические образы играют более значительную роль» [12, 32].

Он снова и снова повторяет своим пациентам: «Вернемся к вашему сну. Что этот сон вам говорит?» [12, 33]. Юнга не оставляет уверенность, что сон что-то пытается *сказать* человеку. Если же говорить о Фрейде — то тот вообще не предполагал, что у сна есть единое смысловое поле. С его точки зрения, сон — это разрозненные образы, причудливо перемешанные в результате «работы сновидения».

По сравнению с периодом активного взаимодействия с Фрейдом Юнг начинает иначе толковать содержание бессознательного. Точка зрения, от которой отталкивался Фрейд — и к которой какое-то время тяготел Юнг, — состояла в том, что содержанием Оно являются, в первую очередь, подвергшиеся вытеснению «темные» (низовые, животные) импульсы. Им, собственно говоря, не место в сознательной части психики. Прорываясь на поверхность, они порождают болезнь, сбой в работе психического аппарата. Невроз, согласно интерпретации Фрейда, — это результат не вполне удавшегося *вытеснения* (когда «темное» содержание не получилось вполне надежно изолировать). Работа психоаналитика, таким образом — по Фрейду — состоит в том, что он извлекает на свет сознания это «темное» иррациональное содержание для того, чтобы завершить работу вытеснения.

---

² Фрейд просил своих пациентов записать сон, разбить его на отдельные образы, а затем подобрать к каждому из этих образов все возникающие у них ассоциации. Разумеется, всплывающие в сознании образы-ассоциации всякий раз оказывались не случайными и вели к вытесненному содержанию их психики.

Юнг же со временем приходит к убеждению, что *содержание бессознательного* — проявляющееся, в частности в снах людей, а также в различных измененных состояниях психики — *в целом конструктивно*. Бессознательное, в понимании Юнга, также можно назвать «темным», но это некое *неявное темное знание*. И это глубинное древнее знание отличается от сознательного знания тем, что оно *принципиально иначе структурировано*.

Начав с вопроса о значении снов, Юнг приходит к переосмыслению того, что такое *сознание*, что такое *психика* и как то и другое взаимодействуют.

Первым делом он подчеркивает, что сознание и психика — это далеко не одно и то же. Собственно, *у всего живого*, если следовать версии Юнга, *есть психика* (по факту, он исключает из этого утверждения только простейшие формы жизни). Сознание же — это «относительно недавнее приобретение природы» [12, 28]. Более того, оно, пишет Юнг, все еще «пребывает в стадии “эксперимента”» [12, 28]. Сознание человека, каково оно у него есть сейчас, далеко *не закончено*, а все еще только формируется.

Но, подчеркивает Юнг, *и до того*, как в человеке впервые загорелся свет сознания — *живое думало*. Но иначе. Живое *действовало*. Психическое любой степени сложности, согласно Юнгу, способно на целенаправленные действия.

Он пишет: «Смысл и целенаправленность не есть прерогативы разума, они действуют во всяком живом организме. Нет принципиальной разницы между органическим и психическим развитием» [12, 61].

Эту целенаправленность в живом, но не имеющем сознания, мы обыкновенно называем «инстинктом». Юнг также употребляет это слово. Но что же такое *инстинкт*? По сути дела, Юнг толкует «инстинкт» как некое *отчасти-слепое отчасти-знание*.

Следует подчеркнуть, что инстинкт — не рефлекс, хотя мы часто нивелируем различие этих понятий в обыденном словоупотреблении. Понятие «рефлекс» отсылает к парадигме картезианства, рассматривающей животное — любой живой организм — как машину, действующую «механически». Понятие «инстинкт» таких корреляций не содержит.

Согласно Юнгу, *с тех пор, как существует живое — оно познает*. Оно также накапливает знания, передавая их по наследству. Живое развивается. Психика человека, подчеркивает Юнг, имеет гораздо более глубокие корни, чем его сознание.

«Я имею в виду биологическое, доисторическое и бессознательное развитие разума архаического человека, психика которого была

еще так близка к животной. Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума» [12, 64].

Это бессознательное начало в нас — как и в животных — «фактически... способно исследовать ситуации и делать свои выводы ничем не хуже, чем сознание» [12, 72]. Юнг говорит о некоем *бессознательном разуме*, который намного старше нашего сознания и в то же время продолжает действовать, определять нас и по сей день.

Юнг пишет: «архетипический разум управляет ситуацией тем же самым путем, что и во времена Артемидора. Что-то более или менее неведомое интуитивно схвачено бессознательным и подвергнуто архетипической обработке» [12, 73]. В сочинениях Юнга можно встретить мысль о бессознательном восприятии, бессознательном представлении [9, 16], бессознательном субъекте и даже о бессознательных волевых актах [9, 22—23].

Сознание, по Юнгу, есть порождение психики. Оно формируется в ней, постепенно высветляясь и уплотняясь, как жемчужина в раковине или же как плод в околоплодных водах. Впрочем, это образы, пришедшие в голову мне при чтении Юнга. Сам же он пишет об *острове*, который постепенно всплывает из темных вод океана [13, 186; 9, 38].

Юнговское понятие «архетип» тесно переплетено с понятием «инстинкт». Можно даже сказать, в каком-то смысле, что это одно и то же. Птицы весной выют гнезда, птенец прячется от ястреба, откуда-то «зная», что тот может его съесть. Мы называем это «инстинктом». У всех существ есть такой тип поведения. «Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов» [12, 65]. Их Юнг и называет «архетипами»: это *переживаемые изнутри* инстинкты. Архетип — это «восприятие инстинктом самого себя... автопортрет инстинкта» [8, 66].

Юнг полагает, что у коллективных образов, встречающихся — пусть с вариациями, но тем не менее достаточно узнаваемо — во всех культурах и у всех народов — именно такие (биологические, доисторические, дочеловеческие) корни. Эти «паттерны коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными» [12, 70], — пишет он.

Юнг, разумеется, не говорит о том, *как именно* происходит такое наследование знания, но его гипотеза обладает большой убедительной силой. Действительно, иной раз затруднительно, а то и вовсе невозможно объяснить сходство мифологических образов разных народов влиянием одной культуры на другую.

Таким образом, Юнг, по сути дела, утверждает, что *основные пра-символы, структурирующие человеческую культуру, — это нечто природное*, вышедшее из природы и существующее по ее законам.

Переживание *сакрального, трансцендентного* также имеет, если следовать Юнгу, природные — и даже, можно сказать, животные — корни. Переживание того, что мы называем «священным» в своей первоначальной форме *ужасно*: «Дуновение духа, проскользнувшее по темной воде, является страшным, как и все то, причиной чего не выступает сам человек, либо причину чего он не знает» [10, 108]. Мы испытываем ужас и священный трепет от соприкосновения с тем, что нам безусловно и категорически не подвластно, с чем-то, что намного сильнее. А что это, если не действие инстинкта в нас? Что это, если не действие архетипического разума, который «ведет» человека, не спрашивая у него разрешения, не согласуясь с его сознательной волей?

Если у Фрейда переживание сакрального связано с отношением к отцу (виной перед отцом и привязанностью к отцу) — то у Юнга это переживание отношения индивида к его доисторическим основаниям (которые над ним так или иначе властвуют, а временами овладевают с непреодолимой силой).

Итак, согласно Юнгу, психика формирует и поддерживает сознание. *Человеческое в нас рождается не путем отказа от природного (зверского)*. Такое толкование отношения природного и человеческого (культурного) мы найдем у Фрейда. По Юнгу же, человеческое — это *продолжение и развитие* животного.

Но если сознание — органическая часть психики, тогда почему же они до такой степени разделены? Почему человеку так трудно слышать голос глубинных слоев своего бессознательного? Фрейд связывал эту трудность с вытеснением: с тем, что то или иное содержание неприемлемо для нашего сознательного Я. Юнг же объясняет такое положение дел тем, что сознательные и бессознательные слои психики обладают существенно разными характеристиками.

Их различие подобно различию двух физических сред (например, воды и воздуха). Вспомним: остров и воды под ним. Структура бессознательной психики более диффузна, менее определена. Поэтому нам трудно толковать, скажем, образы снов: они многозначны и расплывчаты. Представьте, что вам из воды кто-то силится что-то сказать. Такую почти безнадежную задачу пытается решить, по Юнгу, наше бессознательное³. Однако сравнение все равно оказывается не-

---

³ Юнг пишет: «Подпороговое состояние удерживает идеи и образы на более низком уровне напряжения, чем они имеют его в сознании... они теряют чет-

точным, потому что «среда», в которой существует наше сознательное Я, наоборот более плотная, а чем глубже слои психики, тем они более «разрежены». Юнг также сравнивает различные (сознательные и бессознательные) слои психики с волнами — световыми или звуковыми — различных частот: сознание улавливает относительно небольшой диапазон волн — бессознательное же «говорит» на множестве других частот [9, 25—26].

Юнг отвергает версию Фрейда о вытеснении (по крайней мере, как основную)⁴ и полагает, что содержанием бессознательного является по большей части то, что *никогда не было осознано*, потому, что «восприятие его сознанием невозможно» («...в другом случае вторичный субъект (т. е. субъект, отличный от нашего сознательного Я — *Е.Л.*), по существу, представляет собой некий процесс, вообще никогда не проникавший в сознание, поскольку восприятие его сознанием невозможно» [9, 24]). Это психическое содержание не переходит в сознание в силу своей принципиальной инородности.

Впрочем, «остров» постепенно всплывает из глубин океана. Содержанием бессознательного является то, что никогда не было субъективно осмыслено — но оно *может быть* осмыслено в будущем: *границы сознательного и бессознательного, по Юнгу, меняются со временем.*

Помимо того, что содержание бессознательного более диффузно, чем содержание сознания, оно еще и более энергетически насыщено. То, что Юнг называет «архетипами», — это ни в коей мере не идеи. Их нужно скорее не понимать, а переживать. Это — мощные эмоциональные сгустки, которые волновали воображение древнейших людей и продолжают волновать наше сейчас⁵.

Бессознательное понимается Юнгом как что-то топологически различное, как некая пространственная структура со множеством уровней. Впрочем, Фрейд тоже понимает бессознательное топологиче-

---

кость определенности, отношения между ними становятся менее последовательными, более неопределенно схожими, менее рациональными и, следовательно, более «неизъяснимыми» [12, 60].

⁴ Он не спорит с тем, что поверхностные слои бессознательного содержат нечто, вытесненное сознанием.

⁵ «Мифы восходят к первобытному сказителю и его снам, к людям, движимым своими возбужденными фантазиями. Эти люди мало чем отличаются от тех, кого в последующих поколениях называли поэтами и философами. Первобытные сказители мало заботились относительно источников собственных фантазий, лишь значительно позднее люди заинтересовались их происхождением» [12, 81].

ски (хотя топология у того и другого разная, и у Юнга она намного сложнее). Стайн Мюррей пишет о юнговской «карте души», по которой можно пройти, последовательно передвигаясь от поверхности вглубь [4]. Он также пишет (и с ним, наверное, стоит согласиться), что юнговские «архетипы» — это нечто, в принципе, аналогичное инстанциям психического аппарата Фрейда. Только у бессознательного, в понимании Юнга, нет ничего общего с «аппаратом», чтобы понять Юнга, нужно постараться изгнать из своего мышления любые отсылки к машинообразности: архетипы Юнга — это исключительно «органические» образования.

Итак, психика, согласно Юнгу, развивается. Сознание доисторических людей отличалось от сознания человека нынешнего. «Остров» был меньше, он только нарождался⁶. И, разумеется, в глубокой древности большую часть того, что люди делали, они делали, не задумываясь. Они, собственно, еще вообще не задумывались.

Цитируя гетевского «Фауста», Юнг заявляет, что *«в начале было Дело»* [12, 75]. В начале люди действовали и не сомневались в том, что они делают. Это не было их выбором. И только значительно позднее они стали задумываться над тем, *что же они делают* и какой у этого *смысл*.

Юнг приводит свой опыт общения с дикарями, живущими на горе Элгон [12, 75]. Эти люди встречали каждый рассвет, дую на свои ладони, а затем обращая их к Солнцу. Когда он спросил их, почему они так делают, люди очень удивились. Ответ был: «так делалось всегда». Затем он предложил свое толкование их действий: дыхание — это жизнь, Солнце — это Мунгу (Бог). Значит, они открывают свою душу (свою жизнь) Мунгу. Туземцы выслушали Юнга и поправили: нет, Мунгу это не Солнце, это — восход Солнца.

Что произошло в данном случае (приводимом Юнгом)? Люди действовали, и их действия были наполнены смыслом (точнее говоря, ощущением осмысленности). Потом, когда их спросили — когда был задан вопрос — нашелся и ответ. Разумеется, если бы не появился любопытный европеец, вопросы и ответы обозначились бы гораздо позже. Но в принципе, согласно версии Юнга, так естественным образом и

---

⁶ Еще раньше это был архипелаг отдельных островов [9, 38]. Сознание древнего человека не обладало целостностью. И мы тоже сейчас переоцениваем степень целостности нашего сознания. Оно и сейчас не представляет собой строго единого «острова», отдельные элементы не интегрированных в сознательное Я образований в нем еще присутствуют (осколки неких других Я, отличных от твоего собственного).

происходит развитие сознания: знание сначала дремлет в архетипической форме — а затем проявляется.

По мере формирования и развития цивилизации эта сфера осознанных действий расширяется. Человек задает вопросы — а бессознательное должно (и, в общем-то, хочет) отвечать. «Остров» растет и поднимается из глубины темных вод. Юнг пишет: «Фактически... разум вырос до своего теперешнего состояния сознания так же, как жемчужина вырастает в раковину, а ящеры развились до млекопитающих. И так же долго, как это развивалось прежде, так же оно развивается и сейчас...» [12, 76].

Когда-то, в древности «сознание еще не думало, а воспринимало. Мысль была объектом внутреннего восприятия». Она просто приходила, она была, по сути, откровением, а не результатом личных усилий [10, 122]. Сознание же современного цивилизованного человека приобрело большую степень автономии от своих архетипических корней, будучи все равно, по мнению Юнга, с ними связано.

Убеждение в том, что индивид создает сам себя, что он такой, каким сам себя полагает, Юнг называет главным *суеверием современного человека*⁷. Этот цивилизованный человек верит только тому знанию, которое дает ему его сознание [12, 76].

Он расколдовывает мир, во вселенной исчезают боги, демоны и все чудесное. Но на самом деле, полагает Юнг, эти боги и демоны никогда не исчезли, они переместились в человеческое бессознательное, «сделались так называемыми психическими функциями» [13, 186]. Точнее, они ими всегда, собственно, и были, только раньше человеческая психика проецировала их на универсум. И надо сказать, что такое проецирование, такая антропоморфизация мироздания является, по Юнгу, нормальным, а не искаженным состоянием сознания. Следует учитывать также, что у Юнга макрокосм вообще неотделим от микрокосма, они, так сказать, взаимовыворачиваемы: в первом всегда оказывается второе? а во втором — первое.

Когда-то дух был огненным, и его место было в небесах (когда-то мы верили в действующие на нас высшие силы), теперь он переместился вниз, к своим истокам, стал темными водами бессознательного («С тех пор как звезды пали с небес и поблекли наши высшие символы, сокровенная жизнь пребывает в бессознательном» [10, 113]). И эти стихийные силы психики также мало поддаются нашему контролю, как и

---

⁷ «Девиз: “где есть воля — там есть путь — суеверие современного человека”» [12, 76].

древние божества [12, 76] (точнее, они ему еще менее подконтрольны, но об этом далее).

Человек современной цивилизации, пишет Юнг, отделен от природы (он ее предал, изменил ей). Природа продолжает в нем существовать и влиять на него, но он ее не слышит и не понимает. Это лишает его энергетической — иначе говоря, эмоциональной — подпитки. Именно поэтому у современного человека проблемы со смыслом жизни, считает Юнг. Древние люди этих проблем не знали. Все их действия переживались ими как полностью уместные, они были субъективно наполнены смыслом.

Надо так понимать Юнга, что ощущение осмысленности бытия и осмысленности конкретного действия — это именно ощущение, переживание. Оно связано с глубинными слоями психики (которые являются эмоционально очень богатыми) — *а один разум, одно лишь только сознание обеспечить себя «смыслом жизни» не в состоянии.*

Впрочем, и в логическом плане смысл рождается, по Юнгу, из бессознательного: то, что представляется нам логически обоснованным, логически непротиворечивым, — это, по версии Юнга, то, к чему мы а) привычны и б) действие чего согласно с действием инстинкта в нас (Подход...). Здесь Юнг мыслит, в принципе, так же, как и Дэвид Юм, когда последний говорит о том, каким образом сформировалось в нашем сознании понятие «причинности» [6]: подход Юнга, как и подход Юма, предельно эмпиричен.

Разрыв сознания с его глубинными основами, по Юнгу, никогда не может быть полным, связь сохраняется. Когда-то это были божества и стихийные силы — теперь то же самое стучится к нам из наших снов.

При этом Юнг не утверждает, что этот «голос» бессознательного пытается вернуть нас назад. Напротив, его воздействия нацелены на то, чтобы сделать наше сознание чем-то большим, чем то, чем оно никогда не было до сих пор. Юнгу вовсе не чужда мысль, что, возможно, в будущем человек, его сознание — его природа — решительно изменится.

«Символо-продуцирующее назначение наших снов является, таким образом, попыткой привести исходный разум человека в “продвинутое” или “дифференцированное” состояние, в котором он до этого не был...» [12, 89], — пишет Юнг.

Таким образом, по всей видимости, Юнг говорит о трех состояниях разума: 1) состояние древнего человека, которому все ясно, он не задумывается и ведем архетипическим разумом; 2) нынешнее состояние сознания, когда оно почти потеряло контакт со своей «первобытной психической энергией» [12, 89]; 3) «продвинутое», «дифференцированное» состояние, когда этот исходный разум будет осознан новым

разумом, появившимся у человека — уже рефлекслирующим, а не архетипическим.

Сны — а также многочисленные психологические проблемы, обнаруживающиеся у современного *homo sapiens*, — толкают нас к этому, полагает Юнг. И этот вопрос — услышит ли сознание свое бессознательное — является, по его версии, вопросом эволюции человека. И вопросом его выживания.

Примечательно, что Юнг, в отличие от Фрейда — если, по крайней мере, говорить о прямых заявлениях того и другого, — не отрицает наличия свободы воли у индивида. Он также не отрицает существования случайных событий.

По мере того, как психика «высветляется» — становится сознательной, — индивиды начинают все больше отличаться один от другого, они ведут себя все более непредсказуемо, неожиданно для окружающих: «...эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания» [9, 10]. Существо, которое, в той или иной степени обладает сознанием, обладает (в той или иной степени) и свободой воли — в то время, как инстинктивное поведение вполне детерминировано.

Свободная воля, по Юнгу, это, можно сказать, нечто аналогичное свободной энергии в системе (=свободное либидо⁸). В конечном счете наша воля, разумеется, детерминирована животным началом в нас, пишет Юнг, — «но лишь в конечном счете»⁹. Если психическое как таковое можно рассматривать в качестве «базиса», а сознание в качестве «надстройки» (сравнение мое) — то это такая «надстройка», которая может отречься и отклониться от своего «базиса».

При этом Юнг отмечает, что вполне свободным может быть полностью завершённое сознание — в то время, как наши фактические сознания сейчас законченными не являются: они еще отчасти разорваны, диффузны, бессознательны. *Психическое*, согласно Юнгу, начинается там, где заканчивается полный детерминизм, где есть *элемент*

---

⁸ При этом либидо Юнг, в отличие от Фрейда, не связывает исключительно с сексуальностью, а толкует как энергию удовольствия вообще.

⁹ «...воля лишь в конечном счете мотивируется инстинктами, и, конечно же, не абсолютно, ибо иначе это будет уже не воля, которой, по определению, должна быть присуща свобода выбора. Говоря "воля", мы подразумеваем некий запас энергии, которой свободно располагает психе» [9, 31].

свободы — а когда психическое достигает полной свободы — это уже *дух*¹⁰.

Получается, что душа (психе), по Юнгу, — это некий полубессознательный субъект, стремящийся к свободе. Та же самая сила, которая питает (слепой, темный) инстинкт, может приобрести в таком случае духовную форму.

Природа, по Юнгу, способна вырастить из себя дух с его свободой.

Интересны также рассуждения Юнга по поводу причинности. Юнг полагает, что существует иной тип связей между событиями помимо причинно-следственного. Он называет эти связи «синхроническими». Юнг пишет, что «в бессознательном существует что-то вроде априорного знания, или «непосредственности» событий, у которых отсутствует какая бы то ни было причинная основа» [14, 223].

Он утверждает также, что психе (душу) нельзя объяснить, основываясь на физике и химии (хотя она, безусловно, зависит от органического субстрата), что жизни присущи особые законы и эти законы действуют вопреки принципу энтропии, господствующему в неживой природе [9, 29].

Юнг мыслит очень необычно. По крайней мере, для первой половины — середины XX в. характерно как раз осознание *специфически человеческого* и его принципиального отличия от природного. Можно сказать, что «культура» в этом контексте — одно из ключевых слов философии (и не только философии) XX в. Культура — как вторая природа — искусственно созданная, произведенная человеком. Культура — как результат большого числа человеческих деятельностей¹¹.

В противовес всему этому Юнг удивительным образом оказывается философом природы. Культура — духовный мир человека — вырастает, согласно Юнгу, из природы, вынашивается ею и существует, так сказать, *по законам естества*, пусть и забытого, игнорируемого нами, но столь же мощного и могущественного, как и прежде.

Культура, по Юнгу, не результат *деятельностей* людей, она началась, когда наше сознание было еще зачаточным, фрагментарным. Ее питает, собственно, не человеческая воля, а — в конечном итоге — сила самой природы.

---

¹⁰ «...психе представляет собой сущностный конфликт между слепым инстинктом и волей (свободой выбора)» [9, 32].

¹¹ Об этом см. мою статью «От Гегеля к неклассической философии» (Философия хозяйства. 2017. № 3.).

Культура, по Юнгу, возникает *не через отказ*: от низовых, глубинных слоев психики нужно не отказаться, а *принять* их. «Зверское» не требует того, чтобы его запирали в «подвале» бессознательного. Это, скорее, зверь из сказки. Он может в иных случаях и помочь. А без этого «волшебного помощника» действия сознательного субъекта никогда не увенчались бы успехом.

Но не все так просто. Юнг указывает также на то, что это *древнее начало в нас амбивалентно*. Это и добро, и зло. Погружаясь в глубины бессознательного — допустим, анализируя сны — мы имеем дело с духом, который «носит не вполне человеческий характер», это «дыхание природы» — «дух прекрасного и благородного, равно как и жестокого божества». Оно может как помочь, так и погубить [12, 48].

Нам не следует соприкасаться с ним напрямую. Хотя психоаналитик в ходе своей практики и делает это, но это опасно. Юнг пишет о своем собственном опыте погружения в бессознательное, и, по его мнению, это был очень рискованный опыт [7, 212—247].

В *этом* можно потеряться, утонуть, если подойти к нему слишком близко¹², заблудиться в осколках Я, которые не есть твое собственное Я, но, тем не менее, присутствуют в твоей психике. Юнг пишет: «едва соприкоснувшись с бессознательным, мы перестаем осознавать самих себя» [10, 112].

Человеку лучше воздержаться от взаимодействия напрямую с этой первобытной стихией. И чтобы избежать таких контактов, наше сознание вырабатывает некие способы (не буду говорить о «защитных механизмах», но хочется сказать по привычке), позволяющие преобразовать это — страшное и нечеловеческое — в то, что понятно и соразмерно человеку, во что-то, с чем мы можем сосуществовать¹³.

Но грань, которая отделяет нас от этих темных глубин, не похожа на стену (в том смысле, в каком можно назвать «стеной» фрейдовское вытеснение). Она также не слишком похожа на защитный экран.

---

¹² «Хотя все переживается образно-символически, здесь неизбежен весьма реальный риск (это не книжные опасности), поскольку судьба человека часто зависит от переживаемой трансформации. Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов» [10, 126].

¹³ «Тяга к вечным образам нормальна, для того они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, потрясать. Они созданы из материала откровения и отображают первоначальный опыт божества. Они открывают человеку путь к пониманию божественного и одновременно предохраняют от непосредственного с ним соприкосновения» [10, 101].

Скорее это прослойка. Грань также, очевидно, связана с изменением языка. Итак: прослойка, в которой происходит перевод.

Юнг, с одной стороны, говорит о неких первоначальных символах, которые исходят из дочеловеческих природных глубин (древнейшие мифологии и символика сновидений подходят ближе всего к этому изначальному пласту символического), но с другой стороны, он указывает на некие вторичные построения, которые делают это изначальное неведомое приемлемым для человека. Нельзя сказать, что эти построения представляют собой рационализацию мифа — скорее уж вторичную мифологизацию.

Догматика той или иной религии выполняет, по Юнгу, такую роль [10, 104]. С неведомым в почти неприкрытом виде имеет дело мистик, поэт, сновидец и психоаналитик, а религиозная или мифологическая картина, с которой живет обычный человек в мире людей, — это уже вторичное образование.

Юнг, в частности, говорит о мистическом опыте некоего Николая из Флюэ [10, 101], у которого были поистине страшные видения, но он, тем не менее, сумел их подстроить под принимаемую в качестве догмата схему. Согласно Юнгу, в традиционном обществе у человека не было (в принципе) проблем с психикой, потому что догмат замещал в его сознании исходное архетипическое содержание. Он пишет: «У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, которые были магической защитной стеной против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души» [10, 104].

А человек современной цивилизации, демифологизирующий мир, убирает эту защитную прослойку, и теперь, поскольку ее не существует, силы бессознательного могут оказывать разрушительное воздействие как на психику, так и на социум (вот, что имелось в виду, когда ранее было сказано, что «демоны» современного человека непредсказуемей и сильнее древних божеств).

Юнг также отмечает, что человек современной цивилизации отторгает в бессознательное то, что в принципе должно присутствовать в осознаваемой части психики. Если культурные символы (надо так понимать, прежде всего, религиозные образы) подавляются или игнорируются, то «их специфическая энергия исчезает в бессознательном с непредсказуемыми последствиями» [12, 85]. Она оживляет и придает силы всему тому, что лежит на верхнем уровне бессознательного. Юнговский пример таких вырвавшихся на свободу «теней разума» — немецкий фашизм (а также другие деспотические режимы XX в.). Фашизм, по Юнгу, — это, с одной стороны, реакция на демифологизацию

мира, а с другой — попытка его (деструктивной) ремифологизации [11].

Мне представляется, что мысль Юнга глубоко материалистична. Тем материализмом, который был изначально присущ человеческому сознанию, а не тем, который мы знаем по классической эпохе науки и философии (XVII — XVIII в.). Люди когда-то считали, что всем вещам свойственна способность к самопроизвольному изменению. Мысль человека когда-то не знала различия на «дух» и «материю», она также не проводила жесткой грани между живым и неживым. Так мыслит миф. И в классическую эпоху иногда проступает такой образ мысли, скажем, у неоплатоников Возрождения или французских материалистов, таких как Дидро [2] и Ламетри [3]. Юнг совершенно осознанно возвращается к такой модели толкования мира — разумеется, на новом, отрефлексированном уровне.

Если же сравнивать Юнга с Фрейдом, то во фрейдовской модели нет, конечно же, антагонизма духовного и телесного (в том смысле, в каком он присутствует в картезианстве), однако у него остается антагонизм культурного и природного, рационального и иррационального. Этот антагонизм, в какой-то степени, берет на себя роль первого. У Юнга же, сознательное является всегда *более или менее* сознательным, оно всегда еще, по факту, несет в себе элемент неосознанности, а бессознательное тоже всегда является бессознательным *отчасти*: оно более или менее отстоит от той формы, которую оно бы приняло, став сознательным содержанием [9, 36]. И что еще более важно, сознание и бессознательное не осмысливаются Юнгом как две противоположные инстанции или как две конкурирующие силы.

В то же самое время, что и «материалистом», Юнга можно назвать «мистиком». Юнговская мистика — это мистика природы, мистика духа, идущего из темных глубин, из самой сути совершающейся жизни. Для Юнга утверждение, что *природа одухотворена* — что *природа живая* — представлялось выводом, который можно сделать на основании опыта, эмпирическим знанием. Юнг пишет о том, что у человека есть и постоянно случается «первоначальный опыт божества» [10, 101]. О себе Юнг говорит [7], что он с младенчества и в течение жизни имел опыт трансцендентного. И это был опыт природы, сакральное раскрывалось ему в созерцании природных объектов¹⁴.

---

¹⁴ «Природа казалась мне полной чудес, и я стремился уйти туда. Каждый камень, каждое растение, каждая вещь казались мне живыми и удивительными. Я уходил в природу, к ее основаниям — все дальше и дальше от человеческого мира» [7, 50].

По Юнгу, все есть природа. И природа, согласно Юнгу, — нечто принципиально чудесное. Но, в то же время, можно перевернуть эту мысль и сказать, что, в соответствии с концепцией Юнга, все есть культура.

Ведь насколько неочевидные вещи говорит Юнг, когда утверждает, что за разгадками тайн психики нужно обращаться к мифологии! Из письма Фрейду: «мы не сможем решить проблему невроза или психоза без мифологии и истории цивилизации» (письмо Фрейду от 25 декабря 1909 г.; здесь и далее письма Фрейда и Юнга цитируются по статье Поля Бишопа [1]).

Показательно, что Фрейд в этом пункте Юнга категорически не понимает. Для него истоки невроза или психоза лежат в индивидуальном опыте человек. Фрейд не будет изучать мифологию, чтобы понять психику, если он и обратится к мифу, то за какой-либо емкой метафорой, вроде образов Эроса и Танатоса, или же попытается объяснить тот или иной мифологический сюжет средствами психоанализа.

Для Фрейда наиболее желанной и продуктивной формой культурной деятельности была, несомненно, деятельность ученого, в меру своих скромных сил преобразующего природную реальность с целью сделать ее чуть более удобной и приемлемой для человека¹⁵. Фрейд определяет искусство как «легкий наркоз», «иллюзорное исполнение труднодостижимых желаний» [5, 81], а религию — как «массовое безумие» и «иллюзорное преобразование действительности» [5, 81].

В письме Юнгу Фрейд пишет, что религию нужно сублимировать (письмо Фрейда от 13 февраля 1910 г [1]). Юнг же — напротив — во всем видит сакральное, даже тогда, когда ему кажется, что он просто комментирует мысли Фрейда (в тот период, когда они еще не обозначили свой разрыв). Юнг не предполагает, что *таинственное* должно исчезнуть из нашей жизни. Наоборот, *к переживанию чудесного*, по его мнению, *нужно вернуться*, человечество должно вновь научиться его видеть и ощущать. Юнг считает, что *задачей психоанализа является создание нового (дионисийского) мифа*¹⁶.

---

¹⁵ «Конечно, есть иной и лучший путь: в качестве члена человеческого общества с помощью науки и техники перейти в наступление на природу и подчинить ее человеческой воле» [5, 78].

¹⁶ «Нужно дать психоанализу время просочиться в сознание людей, чтобы оживить чувствительность к символам и мифам, чтобы плавно трансформировать Христа назад в раскрепощающего бога вина, которым он был до того, как экстатические инстинктивные силы христианства ушли на создание культа и священного мифа» (Письмо Фрейду от 11 февраля 1910 г. [1]).

Итак, получается, что Густав Юнг, для которого, *по сути*, все является природой, *по факту* — постоянно вновь и вновь под новым углом — занимается исследованием культуры: сопоставлением мифов, верований разных народов, а также гностических, алхимических, астрологических текстов — со снами и другими феноменами индивидуальной психики.

Вчитываясь в тексты Юнга, проникаешь вглубь, к истокам. Приближаешься к точке, из которой можно понять сущность жизни, духа, сознания. Юнг — ни кто иной, как мудрец, по сочинениям которого можно бродить всю жизнь. Его материалистическая — или же лучше сказать пантеистическая — мистика завораживает.

Но все же, *устраняя различие естественного и искусственного (первой и второй природы), не упускаем ли мы нечто весьма существенное, касающееся сущности культуры?* Ведь человеческому миру, как он есть, присущи противоречивость и конфликтность, ему присущи элементы диссонанса и абсурда — а юнговская мысль стремится охватить всю тотальность сущего в некоем всеобъемлющем предельном синтезе. Неизменно хочется заговорить о гегелевском «снятии» — хотя, разумеется, образ мысли Гегеля в содержательном плане весьма далек от юнговского¹⁷.

Литература

1. Бишон П. К.Г. Юнг и Ницше. Дионис и аналитическая психология // Воронежское сообщество аналитической психологии (ВСАП): [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80ad4bg.xn--p1ai/library/book/53/> (дата обращения: 15.03.2018).
2. Дидро Д. Сон Д'Аламбера // Дидро Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991. 592 с.
3. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Соч. М.: Мысль, 1983. 509 с.
4. Мюррей С. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию. М., 2010. 265 с.
5. Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. 296 с.

---

¹⁷ По поводу сходства мысли Юнга с гегельянством: юнговский субъект (занимающийся психоанализом) по мере того, как он проникает в глубины собственного бессознательного, понимает, что это *не его собственное* бессознательное. У Юнга субъект, по сути дела, является не конкретным индивидуальным, а неким единым Субъектом.

6. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. 240 с.
7. Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. М., 1998. 477 с.
8. Юнг К.Г. Инстинкт и бессознательное // Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.; М., 1997. 544 с.
9. Юнг К.Г. О природе психе. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 414 с.
10. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991. 404 с.
11. Юнг К. Г. Обретут ли души мир. Интервью швейцарской газете Die Weltwoch 11 мая 1945 года: [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekauyt-massyi/> (дата обращения: 30.04.2018).
12. Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991. 404 с.
13. Юнг К.Г. Психология и религия // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991. 404 с.
14. Юнг К.Г. Синхроничность: акаузальный, объединяющий принцип // Юнг К.Г. Синхроничность. М.: Рефл-бук ВАКЛЕР, 1997. 320 с.

References

1. Bishop P. K.G. YUng i Nitsshe. Dionis i analiticheskaya psikhologiya // Voronezhskoe soobshhestvo analiticheskoy psikhologii (VSAP): [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80ad4bg.xn--p1ai/library/book/53/> (дата обращения: 15.03.2018).
2. Didro D. Son D`Alamberta // Didro D. Soch.: V 2 t. T. 1. М.: Mysl', 1991. 592 с.
3. Lametri ZH.O. СHеловек-mashina // Lametri ZH.O. Soch. М.: Mysl', 1983. 509 с.
4. Myurrej S. YUngovskaya karta dushi. Vvedenie v analiticheskuyu psikhologiyu. М., 2010. 265 с.
5. Frejd Z. Nedovol'stvo kul'turoj // Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura. М.: Renessans, 1992. 296 с.
6. YUm D. Issledovanie o chelovecheskom razumenii. М.: Progress, 1995. 240 с.
7. YUng K.G. Vospominaniya. Snovideniya. Razmyshleniya. М., 1998. 477 с.
8. YUng K.G. Instinkt i bessoznatel'noe // YUng K.G. Soznanie i bessoznatel'noe. SPb.; М., 1997. 544 с.

9. *YUng K.G.* O prirode psikke. M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2002. 414 s.
10. *YUng K.G.* Ob arkhетipakh kollektivnogo bessoznatel'nogo // *YUng K.G.* Arkhetip i simvol. M.: Izdatel'stvo «Renessans» SP «IVO-SiD», 1991. 404 s.
11. *YUng K. G.* Obretut li dushi mir. Interv'yu shvejtsarskoj gazete Die Weltwoch 11 maya 1945 goda: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekayut-massyi/> (data obrasheniya: 30.04.2018).
12. *YUng K.G.* Podkhod k bessoznatel'nomu // *YUng K.G.* Arkhetip i simvol. M.: Izdatel'stvo «Renessans» SP «IVO-SiD», 1991. 404 s.
13. *YUng K.G.* Psikhologiya i religiya // *YUng K.G.* Arkhetip i simvol. M.: Izdatel'stvo «Renessans» SP «IVO-SiD», 1991. 404 s.
14. *YUng K.G.* Sinkhronistichnost': akauzal'nyj, ob"edinyayushhij printsip // *YUng K.G.* Sinkhronichnost'. M.: Refl-buk VAKLER, 1997. 320 s.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

**Субъекты логики
(тезисы)***

Аннотация. Главными субъектами логики являются философ, или носитель сознания, и обыватель, или носитель коллективного бессознательного. Философ оперирует информацией при помощи диалектической логики, обыватель оперирует информацией, используя сочетание формальной логики с алогизмом. По критерию логической субъектности наличествуют также менее существенные различия — между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: философ, обыватель, мужчина, женщина, диалектическая логика, формальная логика, алогизм, «женская логика».

Abstract. The main subjects of logics are philosopher, or subject of conscious; and everyman, or subject of collective unconscious. Philosopher operates information with the help of dialectic logics; everyman operates information using the combination of formal logics and alogism. Between

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Субъекты логики (тезисы) // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 197—202.

man and woman there is less significant discrepancy from the criterion of logic subjectivity.

Keywords: philosopher, everyman, man, woman, dialectic logics, formal logics, alogism, «female logics».

УДК 16
ББК 87

1. Главными субъектами логики являются философ, или носитель сознания, и обыватель, или носитель коллективного бессознательного. По критерию логической субъектности наличествуют также менее существенные различия — между мужчиной и женщиной.

2. Философ и обыватель — противоположные субъекты логики, женщина и мужчина — полярные.

3. Философы — люди мужского пола, которые оперируют информацией при помощи диалектической логики, или ментально мужским способом.

Обыватели — все люди женского пола и те люди мужского пола, которые оперируют информацией, используя сочетание формальной логики с алогизмом, или ментально женским способом.

4. Мыслить (познавать) означает быть субъектом диалектической логики.

Переживать означает быть субъектом формальной логики и/или алогизма.

5. Мыслят исключительно философы, поэтому лишь они являются сознательными существами. Обыватели не мыслят, а переживают, т. е. отражают действительность в вербализованных (словесно-знаковых) представлениях. Не умея мыслить и не понимая, что такое мышление, обыватели принимают переживание за мышление и на этом основании считают себя сознательными существами.

6. Обыватели — приверженцы исключительно витальных ценностей, освоение которых невозможно без соблюдения принципов формальной логики. Поэтому у обывателей имеется стимул быть субъектами формальной логики. Однако, чем отдаленнее и/или гипотетичнее негативные последствия игнорирования принципов формальной логики, тем небрежнее обыватели придерживаются их, т. е. тем охотнее они предпочитают формальной логике алогизм.

7. Оперирование информацией при помощи диалектической логики является предельно сложным и требует большей затраты сил, нежели менее сложное оперирование информацией при помощи формальной логики. Оперирование информацией при помощи алогизма — самое простое и минимально затратное. Этим оно наиболее привлека-

тельно для обывателей. Но так как обращение к нему чревато негативными последствиями, обыватели, дабы избежать их, вынуждены оперировать информацией при помощи формальной логики, точнее, при помощи сочетания формальной логики с алогизмом, причем они постоянно стремятся к увеличению доли алогизма в данном сочетании.

8. Обывателям чужды гносеологические ценности, поскольку освоение их непосредственно не содействует освоению витальных ценностей. Поэтому обыватели не являются субъектами оперирования информацией при помощи диалектической логики — инструмента продуцирования гносеологических ценностей.

9. С чего начинается философ? С того, что для него существующие представления о действительности приемлемы лишь частично, однако совершенно неприемлема их частичность (локальность, неуниверсальность).

10. В рассуждениях и поведении философов диалектическая логика асимптотически доминирует над формальной.

В рассуждениях и поведении психиатрически полноценных обывателей, как правило, формальная логика доминирует над алогизмом, психиатрически неполноценных — наоборот.

11. Поскольку идеи продуцируются людьми, качество идей производно от гносеологической и, соответственно, логической компетентности их творцов. Философами продуцируются идеи предельно высокого уровня, обывателями — как максимум — яркие идеи.

12. Формальная логика является логико-гносеологическим максимумом для обывателей.

13. Для обывателей вне логической нормы находится лишь алогизм, а формальная логика представляется им логически легитимной, причем единственной легитимной, несмотря на ее неуниверсальность, т. е. непригодность для оперирования информацией универсального уровня.

14. Роль истины у обывателей обычно играет заблуждение формальнологического типа, но при столкновении с гносеологическими препятствиями они в качестве истины нередко выдвигают заблуждение алогического типа.

15. «Обыватели используют логику не с универсальной целью — ради достижения истины, а преследуя цели локального (частного/общего) уровня и тем самым в гносеологическом отношении оказываются внутри заблуждения» [1, 494].

16. Обыватели не игнорируют истину полностью, а считаются с ней в той мере, в какой она представляется им поддержкой их комплекса превосходства. На деле такая истина является психологизированной, т. е. не истиной, а субъективистски приемлемым заблуждением.

17. Между философами и обывателями имеется различие по критерию отношения к противоречиям. Философы при помощи диалектического (диалектико-материалистического) метода квалифицированно разрешают их. Обыватели одну часть противоречий не замечают, другую намеренно игнорируют, с третьей справляются эмпирически, методом проб и ошибок. Чем сложнее противоречия, тем менее квалифицированно их разрешают обыватели.

18. У обывателей есть своя логическая элита (больше всего ее представителей среди ученых, хотя, конечно, далеко не все ученые принадлежат к ней) и свои логические аутсайдеры. Первые находятся близко к полюсу формальной логики, вторые — близко к полюсу алогизма.

19. Обыватели принимают анализ за критику, а критику — за унижение. Поэтому обсуждение с ними логических (следовательно, и всяких иных) вопросов оборачивается выяснением отношений, т. е. поединком амбиций.

20. В объяснении обыватели видят инструмент власти. Поэтому логическую составляющую объяснения они отождествляют с психологической, вследствие чего скептически расценивают объяснение в любых его формах (доказательство, аргументация, обоснование, истолкование, интерпретация и т. п.).

21. В логически сложных ситуациях обыватели, особенно женщины, перебираются с территории логики на территорию психологии и попадают на территорию алогизма.

22. Мужчина и женщина относятся к обывателям (ментальным женщинам), следовательно, они не являются субъектами диалектической логики; их логический диапазон ограничен сочетанием формальной логики с алогизмом. Но в этом сочетании у мужчины и женщины имеются свои приоритеты: у него доля формальной логики выше, у нее — ниже. Впрочем, данное различие между полами — скорее количественное, нежели качественное, потому что в целом представители обоих полов (если они психиатрически здоровы) придерживаются рамок доминирования формальной логики над алогизмом. Однако большее тяготение особ прекрасного пола к алогизму дает повод для бытования метафорического термина «женская логика».

23. Различие между мужчиной и женщиной как логическими субъектами обладает экзистенциальным аспектом, потому что оно определяется различием между их смыслами жизни: познанием — мужским — и любовью — женским.

24. Претензии к неадекватности «женской логики» окажутся умеренными, если учесть, что она коррелирует не с познанием, а с любовью.

25. «В широком смысле слова “женская логика” представляет собой сочетание формальной логики с алогизмом, в узком, более точном, — сочетание формальной логики с алогизмом при доминировании последнего» [1, 514].

26. Крайняя степень мужественности соотносится с диалектической логикой, крайняя степень женственности — с «женской логикой».

27. Чем «женская логика» отличается от «мужской»? — Тем, что в первой выше доля алогизма и ниже доля формальной логики, чем во второй.

28. ...Женской логикой... «пользуются и женщины, и мужчины. Вернее, женщины и относящиеся к ментально женскому полу мужчины» [1, 472]. При этом в логическом арсенале женщин и мужчин (разумеется, при условии их психиатрической нормальности) «женская логика» встречается эпизодически, хотя у представительниц прекрасного пола — чаще.

29. Если «женской логикой» одержима женщина, то призыв к ней быть логичной равносителен предложению сменить пол.

Если «женской логикой» одержим мужчина, то призыв к нему быть логичным равносителен предложению сменить ментальный пол.

30. Обманчивая спасительность «женской логики» в гносеологически сложных обстоятельствах импонирует обывателям, во-первых, потому, что обращение к «женской логике» экономит их силы, во-вторых, потому, что обыватели, поскольку они привержены исключительно к витальным ценностям, отдают предпочтение гносеологической индифферентности.

31. В «женской логике» психологический аспект зримо довлеет над гносеологическим: его доминантность имеет форму воинственной гносеологической деструктивности.

32. «Женская логика» не просто не дремлет: она активизируется прямо пропорционально степени своей неуместности.

33. Образцы «женской логики»:

- «Не нужно понимать то, во что можно верить».
- «Нельзя считать истиной то, во что невозможно верить».
- «При рассуждении об истине (и, шире, при решении философских вопросов) не обязательно быть логичным».
- Предложить запутанное, выдав его за таинственное (загадочное).

34. В логико-гносеологическом отношении мужская психика отличается от женской скорее потенциально, чем реально, — как чрезвычайно маловероятно актуализируемая предпосылка наличия сознания от принципиального отсутствия даже таковой.

35. Расхожее мнение о гносеологическом превосходстве женской интуиции над мужской есть миф гендерной вежливости, культивируемый с целью завуалировать гносеологический приоритет мужского пола над женским.

36. Прерогатива в распространении мнения о преимуществе интуиции над логикой и производного от него представления о гносеологическом превосходстве женской интуиции над мужской принадлежит мужчинам, которые, не овладев диалектической логикой, пользуются сочетанием формальной логики с алогизмом, т. е. интуицией, а она является ментально женским методом оперирования информацией.

37. Поскольку интуиция представляет собой сочетание формальной логики с алогизмом, над термином «интуиция» нависает бритва Оккама.

38. В качестве метода оперирования информацией интуиция паразитарна, следовательно, несuverенна, так как она эксплуатирует ресурсы логики и гносеологии. Поэтому методологическая эффективность интуиции определяется степенью присутствия в ней достижений логики и гносеологии.

39. Полагание на интуицию оборачивается использованием метода логически произвольных рассуждений (рассуждений «на удачу»), согласно которому допустимо говорить о чем угодно, что угодно и как угодно, поскольку не может быть абсолютно алогичных высказываний.

40. Женщины чаще мужчин прибегают к интуиции, что создает иллюзию большей гносеологической эффективности женской интуиции, нежели мужской.

41. Положительные ответы на эти вопросы избобличают в человеке обывателя:

- Может ли женщина быть субъектом диалектической логики?
- Может ли обыватель быть субъектом диалектической логики?
- Может ли кто-нибудь, кроме философа, быть субъектом диалектической логики?

Литература

1. Горбачёв А.Ю. Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. Gorbachev A.Y. Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezisy. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

IV

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Т.А. СИМОНОВА

Демократизм социокультурных практик Древней Руси*

Аннотация. Процессы общественно-культурной жизни Древней Руси развивались в условиях становления ее государственности, складывающейся на основе сложных взаимосвязей таких властных институций, как система княжеской власти, княжеская дума, церковь, воинские дружины и т. п. Наряду с ними развивался и такой демократический институт, как народное вече (народное собрание), мера реальной власти которого определялась в разных землях Древней Руси по-разному, а в Новгородской республике оно вообще имело статус высшего органа, решающего вопросы войны и мира, избрания высших должностных лиц, включая и архиепископа. Несмотря на политические противоречия между двумя ветвями власти (княжеской и вечевой), народный демократизм заявлял себя не только в общественно-политической сфере, но и в культуре Древней Руси. Это проявлялось в появлении художественного внимания к реальному миру; в развитии интереса к народному творчеству, мировому монументальному строительству; в преодолении ограниченности канонических норм в искусстве; в усилении критического отношения к светской власти и догматизма господствующих воззрений. Так народный демократизм, заявленный в общественной жизни Древней Руси становился важнейшей предпосылкой творческого развития ее культуры как важнейшего феномена мирового наследия.

Ключевые слова: развитие, демократизм, общественное самоуправление, культура, искусство, институты власти.

Abstract. Processes of social and cultural life of Ancient Russia developed in the conditions of formation of its statehood developing on the basis of complex interrelations of such power institutions as system of the princely power, princely Duma, Church, military squads, etc.

Along with them developed and such a democratic institution as the people's Veche (people's Assembly), the measure of real power which was determined in different lands of Ancient Russia in different ways, and in the Novgorod Republic, it generally had the status of the highest body, deciding

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Симонова Т.А. Демократизм социокультурных практик Древней Руси // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 205—222.

questions of war and peace, the election of senior officials, including the Archbishop.

Despite the political contradictions between the two branches of government (princely and Veche), people's democracy declared itself not only in the socio-political sphere, but also in the culture of Ancient Russia.

This was manifested in the appearance of artistic attention to the real world; in the development of interest in folk art, the world of monumental construction; in overcoming the limitations of canonical norms in art; in strengthening the critical attitude to secular power and dogmatism of dominant views.

Because the people's democracy, stated in the public life of Ancient Russia became the most important prerequisite for creative development of its culture as the most important phenomenon of the world heritage.

Keywords: development, democracy, public self-government, institutions of power, culture, art.

УДК 93
ББК 63

Обращение к историческим и культурным практикам Древней Руси поднимает целый ряд важнейших тем, связанных с вопросами развития христианства в Древней Руси; становления древнерусской государственности; истории взаимоотношений государства и церкви; возникновения и развития отечественных художественных школ; влияния церкви на развитие искусства и многие др. Все эти вопросы давно и фундаментально исследуются в отечественной науке, но для нас наибольший научный интерес представляет прежде всего проблема низовой (вечевой) демократии и ее форм, заявленных в социальных и культурных практиках Древней Руси.

Значение именно такой постановки проблемы связано с задачей авторского обоснования двух выдвигаемых им тезисов.

Первый тезис. Несмотря на распространенное представление о том, что демократия как таковая могла возникнуть исключительно лишь в рамках западной цивилизации, автор утверждает иное положение: генезис демократических тенденций, заявивших себя в социокультурных практиках Древней Руси, был обусловлен прежде всего самим ходом отечественной истории. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов влияние и Византии, и Запада в деле становления демократических процессов того времени.

Второй тезис. При всей конкретно-исторической самобытности низовой демократии, которая явила себя в форме вече, она тем не менее стала важнейшей предпосылкой развития культуры Древней Руси как феномена не только отечественной, но и мировой культуры.

Государство

Любая социальная система всегда развивается в контексте господствующих общественных отношений, которые регулируются ее основными властными институтами. В эпоху Древней Руси такими институтами являлись прежде всего государство, представленное системой княжеской власти с ее корпусом дружин, древнерусская церковь и такой институт народовластия, как *вече*. Генезис их взаимосвязи был достаточно сложным и противоречивым уже в силу того, что каждый из них в этот период находился в процессе своего исторического становления. Но при этом все они были настолько взаимосвязаны друг с другом, что жизнедеятельность каждого из этих институтов нельзя понять вне диалектики его взаимоотношений с другими. Вот почему исследование вопроса демократизма Древней Руси как некой общей для нее тенденции заставляет нас разобраться прежде всего с тем, как и в какой мере социальная природа и государства, и церкви в тот исторический период обуславливали развитие демократических тенденций.

Далее перейдем к вопросу древнерусского государства, основные черты которого как единой системы сложились в IX—XI вв. Государство Древней Руси было представлено целой системой институций, к которым можно отнести прежде всего княжескую власть, *дружину*, *княжескую думу* и др. Становление государства в Древней Руси сопровождалось появлением и развитием многих его функций, кроме того Великий князь наделялся правом на вмешательство в жизнь общества и дела церкви.

Древнерусская государственность представляла собой систему не только княжеской, но и городской власти, в жизнедеятельности которых в немалой степени принимала участие и церковь. К этому надо еще добавить власть правящих династий с их политическими и правовыми традициями. Во главе государства стоял Киевский — *Великий князь*, система же княжеской власти в главных городах была представлена его родственниками по мужской линии, в менее же значимых в политическом отношении городах власть представляли бояре-посадники, вышедшие из старшей дружины и местной родовой знати.

Но в целом становление древнерусской государственности происходило в сложных и противоречивых как внутренних, так и внешних условиях. Нерешенность противоречий, вызванных тяжелыми и затяжными распрями в связи с междоусобной борьбой за власть, становилась одной из главных причин распада Киевской Руси на множество мелких княжеств, а борьба между наследниками Ярослава Мудрого завершила этот процесс окончательно.

Церковь

В конце X в. по инициативе Киевского князя и по соглашению между Киевом и Константинополем была сформирована Киевская митрополия как новое церковное образование. Согласно старым канонам и в особенности церковному уставу Льва VI («Постановление императора Льва Мудрого о порядке престолов церковных, подлежащих патриарху Константинопольскому»), новым церковным единицам присваивался персональный номер очередности включения в лоно христианской Византии. Согласно этому правилу, древнерусская церковь на рубеже IX—X вв. по инициативе митрополии Константинопольского патриархата хронологически имела 61 номер [8].

Киевская митрополичья епархия в процессе своего утверждения обрела особое положение, и причин для этого было несколько. Во-первых, это была самая большая епархия среди константинопольских митрополий. Во-вторых, границы ее власти распространялись едва ли не на всю территорию древнерусского государства со всеми его институтами, что и придавало ей статус государственной церковной организации. В-третьих, в процессе своего становления она смогла достаточно быстро преодолеть организационные сложности и уже ко второй половине XI в. оформиться в самостоятельную структуру со своим достаточно отлаженным внутренним построением [9, 12]. Понятно, что в значительной степени это было обусловлено национально-политическими реалиями, которые к этому времени сложились в Древней Руси.

Складывающийся институт церкви выстраивался как система нескольких епархий, первыми из которых были Новгородская, Черниговская, Переяславская, впоследствии к ним добавились Волынская, Полоцкая, Туровская, а еще позже — Рязанская, Галичская, Луцкая, Суздальская и пр. Принцип епархиального деления, указывающий на удельный характер организационного построения церковной институции Древней Руси, обуславливал двойную зависимость епархий: от местных территориальных центров и Киева. В итоге это позволяло последнему не только сохранять свои лидерские позиции, но с появлением Киевской епархии в 30-е гг. XI в. их значительно усилить.

Эти и другие факторы генезиса и становления отечественной церкви объективно сыграли свою решающую роль в осуществлении замыслов Ярослава Мудрого, согласно которым Киеву предстояло стать средоточием древнерусской митрополии, причем обладающим определенным суверенитетом по отношению к церкви, которая сложилась к этому времени в странах Западной Европы, в частности, в

Швеции, в Норвегии, в Исландии. Все это в конечном итоге влияло на ускорение процесса признания древнерусской митрополии христианским миром, а это в свою очередь приводило к повышению религиозного и общекультурного значения Древней Руси уже за ее пределами.

Следует отметить, что изначально в процессе своего становления церковная институция имела четкую, простую и одновременно выборную модель своей организации, последующее ее развитие, в сущности, стало процессом формирования ее уже как единой организационной структуры со своей системой внутреннего разветвления. Так, к примеру, в 1136 г. была создана Смоленская епископия внутри более крупного образования — Переяславской епархии. Это оказалось возможным лишь при условии доброй воли князя Ростислава, его окружения и, что очень важно, простого люда. Инициатива подобного рода имела большое будущее, поскольку в ближайшей перспективе начали создаваться не только епископии, но уже и митрополии — Черниговская и Переяславская, и в этом можно было усматривать исторический знак, столь характерный для эпохи триумvirата князей — Изяслава, Святослава и Всеволода.

Одновременно с этим церковь испытывала на себе в полной мере власть государственной и иной светской опеки. Это объективно приводило к заметному ослаблению ее политической зависимости от Византии и к наращиванию ее собственного суверенитета, причем в разных аспектах, но прежде всего — в структурно-организационном. Подтверждением может служить тот факт, что в этот период (вторая половина XII в.) идет активный процесс образования архимандритий, обретающих статус особых городских органов и представляющих черное (монашеское) духовенство.

Но что здесь важно: даже в условиях наращивания своего суверенитета церковь на этом этапе своего развития все еще не претендует на абсолютизацию своей власти.

Характерно, что именно в этот период создается Новгородская архимандрития как ядро местного правительства, структурно-организационный принцип которой не имел аналогов в других городах Древней Руси. Дело в том, что черное духовенство возглавлял новгородский архиепископ, кандидатуру которого выбирало только вече, причем преимущественно путем голосования — и что очень важно — в обход киевского митрополита. Именно черному духовенству в лице его лидера предстояло реализовать свое право решать актуальные проблемы местного жизнеустройства в соответствии с общим укладом общественного самоуправления, т. е. вече. Более того, именно за

архимандритом Новгорода закреплялись достаточно весомые политические права, которые при случае могли возвести его в ранг главы государства хотя бы в границах молодой республики. И здесь важно подчеркнуть то, что это право нужно было заслужить, так как чисто номинально оно не передавалось.

К сказанному можно добавить, что отечественная церковь не ограничивалась лишь представительными функциями. Наряду с ними она играла значительную роль в решении целого ряда социально-экономических вопросов, что укрепляло ее значение как общественного субъекта, особенно учитывая то ее положение, что она не имела возможности обладать крупной частной собственностью, и прежде всего землей [9, 19]. Именно в силу последнего церковь Древней Руси первоначально не относилась к основным общественным классам, но это не отменяло ее полномочий в решении многих экономических, социальных и правовых вопросов. Последнее было закреплено Уставом Ярослава Мудрого и Уставной грамотой Ростислава Мстиславовича и др.

Но даже эти документы не давали ни князю, ни церкви права на монопольное принятие решений особенно в судебной области. Как отмечает Н.И. Костомаров, традиционным местом суда в древности были княжеский двор и торг, что означало, что суд был не только княжеский, но был суд и народный — вечевой [7, 37].

Надо сказать, что история XI—XIII вв. дает нам многочисленные примеры прямого вмешательства в сферу судопроизводства со стороны различных слоев населения, причем по вопросам не только семейным, но и религиозным [5, 27—28]. И одним из доказательств этого является житие Ефросинии Полоцкой, или «Слово о Меркурии Смоленском», которое дает представление о разделении судебных полномочий между «людьми» и православной церковью.

Что же касается ее отношений с государством, то здесь следует подчеркнуть следующее: еще в ранний период своих отношений церковная организация выполняла ряд государственных функций уже хотя бы в силу того, что она находилась на содержании государственной, княжеской власти.

Взаимоотношения между княжеской властью и церковью определялись преимущественно Уставом Владимира. Согласно этому Уставу, церковь получала право суда по отношению к духовенству и ко всем подвластным ей лицам. Кроме того, за ней закреплялось право вмешательства в область семейно-брачных отношений.

Вече

Но наряду с институтом княжеской власти и церкви в Древней Руси действовал орган народовластия — народное собрание, называвшееся *Вече*, причем оно действовало вплоть до середины XIII в. и почти во всех землях. Как писал В.О. Ключевский, «в древнерусском государстве сложилось, “неустойчивое равновесие” двух форм власти, двух тенденций политического развития: княжеской (монархической) и вечевой (демократической)».

Являясь демократическим органом власти, Вече решало почти все жизненно важные вопросы, связанные с войной и миром, утверждением князей во власти и их изгнанием, земельным распоряжением, финансами и многие другие.

В действительности орган Вече являлся думой волости, поэтому его решения и приговоры принимались к исполнению пригородами. И даже князь, приезжая в волость, должен был принимать те условия, которые выдвигались со стороны этого органа народовластия.

Национально-политический контекст, складывающийся в этот период, в достаточной степени определял процесс формирования взаимоотношений между великокняжеской властью и церковной. И здесь следует напомнить о том важном факторе, который в немалой степени определял положение древнерусской церкви. В данном случае речь идет о роли народа как общественном субъекте, который был наделен приоритетным правом суждений по вопросам не только религиозной ориентации общества, но и правом утверждения на епископальный стол, равно как и на другие соответствующие должности [10].

Надо сказать, что Вече имело нередко большие полномочия, например, на севере страны (Новгородская земля) сила его решений была гораздо выше, чем даже боярина-посадника или князя.

Приведем несколько подтверждений, показывающих, как народное (общественное) волеизъявление в той или иной степени становилось определяющим механизмом в решении некоторых властных вопросов.

Ряд великих городов (Новгород, Смоленск, Полоцк и Псков) активно игнорировали решение собора 1147 г. относительно выбора Климента Смолятича на должность митрополита [5, 19].

В 1156 г. новгородцы «изволили себе епископом поставити» монаха Аркадия [5, 19].

В 1159 г. ростовцы выгнали епископа *Леона* за то, что он «грабил (отягощал поборами) попов».

В 1183 г. ростовчане, несогласные с предложенной им кандидатурой священника Николая, на основе сформулированного ими решения народного собрания, отослали его назад: «Не избрали его люди нашей земли, но если ты [киевский митрополит] его поставил, то и держи его где хочешь...» [5, 19].

Роль народа как общественного субъекта распространялась и на сферу правовых отношений: так, например, жители Подвинья не только самостоятельно выбирали служителей церкви, но оформляли с ними договорные отношения [5, 30].

Подобные факты явно перекликаются с историей эпохи Владимира Мономаха, когда «Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку: “Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас”» [7, 32].

Представленные доказательства еще раз демонстрируют тенденцию демократизма в отношениях церкви и той широкой части общества, которые обладали приоритетным правом принятия политических решений.

В связи с этим вполне закономерно, что русская церковь изначально становится органом прямого проведения в том числе и тех директив, которые принимаются на основе их обязательного согласования с общественным решением. Такой механизм принятия решений задавал и соответствующее противоречие: отвечая принципу народо-властия, церковь объективно шла на самоограничение собственных полномочий.

Христианство и язычество

Демократизм Древней Руси проявлялся еще и в том, что в этот период православие развивалось на основе широкой взаимосвязи его с другими с другими религиями, в частности, с язычеством. Язычество, будучи первичной формой общественного сознания, на общинном этапе его развития сыграло немаловажную роль в утверждении христианства. Но домонотеистическое сознание русичей оказалось способным принять основные постулаты христианства лишь при условии равноценного замещения ими языческих элементов. Это было обусловлено тем, что для древних общин императивы язычества являлись более приоритетно значимыми, чем христианство. В связи с этим сошлемся на показательную цитату того времени: «русский народ

«Христа лишь по имени признает, а по сути и в глубине души отрицает» [2, 91].

Внутреннее противоречие между старой и новой верой, заключенное в феномене двоевластия, проявлялось в форме достаточно напряженного и нередко антагонистического конфликта, но если феномен «народной религиозности» предполагал мирное сосуществование двух религий, то официальная позиция церкви резко осуждала и категорически отвергала любую попытку сохранения приверженности язычеству, вплоть до применения жестких репрессивных мер.

Убедительным примером последнего является Устав Ярослава Мудрого, содержащий жесткую систему наказаний за приверженность принципам старого, или «иног», мышления.

Принудительный характер утверждения христианства неизбежно вызывал появление оппозиции в демократической части общества, которая заявляла о себе не только на светском уровне, но и в клерикальных кругах.

Демократизм литературы

Надо отметить, что принцип демократизма проявлял себя не только в социально-политической и организационной стороне деятельности церковной институции Древней Руси, но и в сфере культуры, в частности — в области древнерусской литературы.

Наша древняя отечественная литература сразу заявила о своих идеалах и принципах своего развития во множестве талантливых произведений. Одной из ее сущностных черт являлось тяготение к реалистическому взгляду на все проявления общественного бытия, что в свою очередь неизменно становилось предметом уже эстетического осмысления.

Как отмечает В.Г. Голованова, в этом живом интересе древнерусской литературы к обыденной и одновременно развивающейся реальности проявлялся постепенный отход как от неоплатонического иерархического понимания красоты, так и от христианской парадигмы, игнорирующей по причине божественного провиденциализма трагическое как таковое во многих своих проявлениях [4]. И действительно, христианство давало теорию божьего провидения: «На все воля Бога», «Бог дал — Бог взял». В древнерусской же литературе трагическое связано с человеческим началом и прежде всего — с идеей невосполнимости каждого человека, чего в христианстве не было. В церковном искусстве человек деперсонализирован, он — христианин, и этого для него достаточно.

Светское переосмысление категорий трагического и героического выявляет и объясняет тенденцию усиления политических и публицистических черт, присутствующих даже в житиях. Самые лучшие жития позднее смогут создать такой образ святого, в котором человеческое неповторимое начало становится доминирующим лейтмотивом, причем независимо от того, в лице кого он представлен — князя или священника [9, 100].

Наращение светской ориентации древнерусской литературы, уверенно заявляющей о себе ближе к XV столетию, сказалось и на развитии агиографии, которая поражает своим разнообразием: наряду с искусными образцами, выдержанными в ключе классических, канонических житий, появляются произведения нового типа, для которых характерно использование фольклора, юмора, реалистических зарисовок. И в этом сказывается очевидная близость данного жанра к светской и демократической литературе. Другим наглядным примером может служить такой памятник церковной словесности, как известное «Житие Михаила Клопского», и не только.

Наряду с вышесказанным следует отметить еще одну важную особенность литературы этого времени: ее развитие, связанное с преодолением некоторых канонических норм в культуре Древней Руси, что нередко приводило в известной степени к усилению реалистического взгляда, идущего от верности принципу внутреннего демократизма. И в этом проговаривались отзвуки былого культурного наследия, к которому относится, например, летописание Северо-Восточной Руси, а точнее Лаврентьевская летопись (1377).

В этом своде главной темой является «обличение вины князей: русские воины, несмотря на свой героизм, из-за нежелания князей забыть ради общего дела личные интересы не смогли устоять перед врагами» [6, 37]. Такому критическому подходу созвучны идеи начала XIII в., о которых пишет В.В. Бычков: «...до начала нашествия, русские летописцы и книжники, как бы предчувствуя внешнюю опасность, усматривали ее причины во внутренних неурядицах — в постоянной княжеской междоусобице, истощавшей и ослаблявшей страну, создавшей благоприятные условия для нападения на нее извне» [2, 149]. Летописцы этого времени с осуждением повествуют о постоянных ссорах и распрях между русскими князьями, ведущих к бессмысленной гибели людей, разорению страны («князем вь Руси велико неустроение и части боеве» [2, 149]).

Следует подчеркнуть, что летописи изначально были объективными и многогранными свидетельствами той эпохи, главное содержание которых было связано с вопросами истории Руси, ее настоящего и

будущего, а также с темой подвижничества народа. И в этом описании и отстаивании демократических принципов общественного развития Древней Руси и состоит одно из качественных отличий древнерусских летописей от хроник Византии с характерными для них акцентами преимущественно на персоне правителя, не оставляющими места уже для описания общественно-исторической роли народа.

Смена духовных ориентаций с провиденциалистских на исторические стала переломным моментом в самосознании Древней Руси, ее отправной точкой в движении по направлению к всеобщей демократизации и секуляризации культуры.

И здесь нельзя пройти мимо феномена московской публицистики. Уже с первых произведений очевидна зрелость ее мировоззренческих основ, на которых всходили идеи нового устройства общества, которые, во-первых, были несовместимы с корпоративной узостью социальных интересов основных классов, а во-вторых, ориентированы на принципы социального и природного равенства всех людей. В связи с этим особый интерес для нас представляют такие произведения, как «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского, в котором дается анализ природы и противоречий государственной власти или, например, работы И. Пересветова с их прямым отторжением рабства как такового и других сопутствующих социальных зол.

Московскую публицистику этого времени отличает напряженное внимание к назревшим общественным проблемам и одновременно самостоятельный поиск их решений. Живая связь с действительностью определяла и лицо московской публицистики с характерными для нее чертами: принципиальной авторской позицией, последовательностью суждений, философской глубиной и выразительностью авторского мышления, яркостью художественного языка.

В итоге все это стяжало московской публицистике законную славу одного из самобытных и ярких феноменов XVI столетия, ставшего впоследствии прологом к литературе будущей России.

Как видим, усиление общественного звучания литературы придавало ей демократический характер, в результате чего ее значение выходило уже за рамки религиозных предписаний. Все это наряду с высоким художественным уровнем словесности делало литературу Древней Руси достойным и особым вкладом в сокровищницу мировой культуры, играющим самостоятельную роль в развитии международных культурных отношений.

Именно с этого периода начинается ослабление неизбежно существовавшего до этого принципа подчиненности литературы директивным представлениям церкви.

Это стало новым этапом в развитии отношений между литературой и религией, который можно определить как начало значительного ослабления их внутренней связи, нарастания отчуждения, усиления формального характера подчинения словесности религиозным канонам. Сам ход развития литературы Древней Руси задает не только определенное отмежевание ее от религии, но и более того — приводит к тому, что древнерусская словесность начинает посягать на одну из важнейших монополий религии — философию. Позднее этот момент будет отмечен и представителями уже самой церкви, в частности, священником А.С. Глинкой [Волжским]: «Русская художественная литература — вот истинная русская философия... почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумиряющими и значительными проблемами человеческого духа...» [1]. В связи с вышесказанным следует подчеркнуть главное — в исторических и культурных практиках Древней Руси принцип демократичности понимался в ключе общественно-деятельностной парадигмы. Неслучайно князь Владимир Мономах противопоставляет монашеский аскетический идеал жизни идеалу деятельной и разумной жизни.

Это принципиально важный момент, обуславливающий общественный запрос на живое, а не догматическое знание. И здесь необходимо вспомнить такое имя, как Климент Смолятич, которого можно рассматривать в качестве персонализированного примера такого поиска истины, который будет способствовать становлению антиортодоксального знания, столь необходимого для развития как общества, так и государства Древней Руси.

Социально-гносеологические изыскания Климента Смолятича не остались незамеченными и нашли свое прямое продолжение в деятельности Кирилла Туровского, получившего имя «златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси» [3]. В его сочинениях фиксируется проблема нетождественности норм естественной нравственности и канонов христианской морали, что, по мнению автора, так или иначе приводит к разрыву отношений между богом и человеком [9, 52]. Артикуляция этого противоречия является одной из заслуг «златоуста», который впервые в древнерусской философии выдвинул и обосновал деупорядоченность сосуществования нравственных образцов посюстороннего и потустороннего происхождения. Но эти неортодоксальные суждения были крайне неприемлемы с позиции кодекса этических принципов, представленных в парадигме киево-печерской мистики, с присущей ей отрицанием и забвением мирского бытия в целом.

Иконопись

Древнерусская иконопись также несла в себе проявления тенденции демократизма и гуманизма. Обратимся к историческим и художественным примерам того времени. Заметные в них отступления от канонических правил иконописи стали выражением глубокого внимания к человеческому и мироприемлющему началам. В произведениях древнерусских икон делается акцент на присутствии самого человека, а также на энергии его деятельности, да и в целом собственно на движении как таковом, что сильно отличало их от строгих византийских образцов.

Андрей Рублев в своей знаменитой «Троице» избегает традиционных канонов, заявляя новые идеалы гармоничного бытия, освещенные тричисленным числом, которое лежит в основе великого постулата о триаде божества, Троицы и прообразе Евхаристии.

У другого гения иконописи — Дионисия — практически во всех его работах присутствует оптимистическое и возвышенное начало, пронизывающее собой как реалистические элементы, так и натурные детали, которые явлены в облачениях святых персон, княжеской свиты и пр.

В целом, иконопись Древней Руси внесла много философской и художественной новизны, составивших достояние не только отечественной, но мировой культуры. Она не только принимала вызовы своей эпохи, но и отвечала на запросы времени, причем чаще всего — с большим историческим опережением. И примерами этого могут служить росписи Благовещенского собора Московского Кремля, фрески Золотой палаты Кремлевского дворца, Казанский цикл и др.

Конечно, нельзя не признать того исторического факта, что древнерусская иконопись или культовая живопись начиналась с первых уроков Византии и тенденций Западной Европы. Но очень скоро и успешно Древняя Русь нашла свой оригинальный акцент, свою авторскую концепцию на основе собственного прочтения всех ведущих этико-эстетических категорий, где центральное место отводится гражданственности, подвижничеству, гуманизму. И именно в силу этого значение древнерусской иконы выходит далеко за пределы культового искусства, являя собой достояние как отечественной, так и мировой культуры.

Демократизм архитектуры

Демократические устремления не замедлили сказаться и в архитектуре, причем прежде всего на общем упрощении храма, сделав его

зримым доказательством единства эстетических воззрений большинства горожан независимо от их социального положения.

Развитие феодального сепаратизма в середине XII столетия во многом определило процесс переформирования храмов митрополичьего, или «государственно-соборного», жанра в разновидность «земельных» соборов. Это были не просто архитектурные поиски, но прежде всего, определенное воплощение творческих решений, связанных с развитием такого образа древнерусской церкви, для которого были бы характерны как общие, так и особые функции, но при этом они должны были быть достаточно колоритными в каждом конкретном уделе. Об этом свидетельствуют сохранившиеся церкви старых городов Руси, таких как Галич, Владимир, Смоленск, исторически обретающих репутацию «первых среди равных».

Формы храмов становятся более гармоничными, рассчитанными на отправление не только своих прямых, но и сопутствующих, например, репрезентативных функций. Этим и объясняется непривычное ранее внимание к фасаду, усиление в нем декоративности за счет использования белокаменной резьбы и сюжетной скульптуры. В связи с этим важно отметить, что оформление храмов в этот период ведется на основе принципов демократизма и фольклорности, особенно в решении вопросов фасада, что потом получит широкое распространение в архитектуре Древней Руси.

Креативный потенциал демократической парадигмы зодчества не преминул отразиться в творчестве сопутствующих школ Древней Руси, в частности, Псковской школы зодчества. Его мастера также создают самобытную конструкцию храма, увеличивая его размеры с помощью ступенчатых сводов. Простота, демократизм и оригинальность архитектурных решений, присущих, например, церкви Николая Каменногоградского, полностью согласованы с решением многих проблем, касающихся вопросов экстерьера, интерьера и, что особенно важно — верхушечного завершения храмов или звонниц налицо. Зрелость художественных приемов, созвучие их общерусским, демократичным, народным идеалам позволили псковичам в самые короткие сроки обрести авторитет одних из лучших строителей на Руси, что будет подтверждено не соперничеством, но сотрудничеством с Московской школой зодчества, ставшей средоточием всех архитектурных поисков отечественной культуры.

Все сказанное находит продолжение в последующем XIV в. В этот период развитие региональных школ архитектуры Древней Руси обогащается новыми достижениями. Подтверждением этому снова являются новгородские храмы. Их художественный образ отражал не

только общую зрелость эстетического сознания русичей, но и демонстрировал верность архитектурным решениям в пользу монументальности, величественности, что так характерно для творческого почерка такой выдающейся монументальной школы, каковой являлась Новгородская школа, не имевшая аналогов как в отечестве, так и за рубежом.

Обращаясь к другим школам живописи этого времени, необходимо отметить еще одну, заметную своими достижениями — новгородские росписи. Одно из их достоинств — свобода стиля — дает знать о себе в глубоко народных, фольклорных и демократичных художественных образах. Простота, лаконизм, крайняя выразительность, фольклорность, демократизм новгородской школы начала XV в. не имели ничего равного ни в прошлой, ни в будущей истории этого направления.

Общность найденных художественных решений еще сильнее определяла значение преемственности, без которой становится невозможным развитие искусства. Неслучайно, что к началу XV в. наблюдается усиленный интерес к русскому народному творчеству, мировому монументальному строительству и пр.

Обращаясь к великому Покровскому собору, необходимо отметить его невероятную феноменальность, проявившуюся в удивительном сочетании элементов древнерусского зодчества, европейской эстетики и элементов мусульманского оформления храмов. Такого смелого художественного решения Русь не знала никогда. Это художественное подвижничество было воплощено мастерски и до сих пор представляет собой образец абсолютного мастерства и интуиции, не поддающегося копированию ни в одной из последующих отечественных школ.

Итак, рассматривая вопросы демократической природы древнерусской архитектуры с X по XVI в., нельзя не отметить следующие противоречия.

Первое: особенность государственно-соборного жанра состоит в том, что он как никакой другой в архитектуре, с одной стороны, обеспечивает культовое функционирование церкви, одновременно являясь одной из ее материальных основ, а с другой — в наибольшей степени зависит от церкви [9, 158].

Второе: будучи зависимой от института церкви, тем не менее древнерусская архитектура развивалась как открытая художественная система, способная к диалогу, демократичному, свободному, яркому,

Следует подчеркнуть, что отличительной характеристикой русского зодчества стал его значительно больший, по сравнению с византийским, объем элементов демократизма.

Кроме того, важно отметить еще одну сторону развития древнерусской архитектуры. Первичные формы христианского зодчества, изначально ученические, уже в силу социокультурных и национальных причин достаточно быстро обрели в своем развитии то художественное качество, которое отвечало сущностным характеристикам древнерусской культуры, среди которых следует назвать следующие: патриотизм; демократизм; чуткое внимание и интерес к мировым достижениям; ответственность перед социумом и обществом за воплощение своих художественных памфлетов во имя торжества идеалов гуманизма. Это и многое другое позволило древнерусской культуре стать ярким художественным явлением в масштабах не только отечественной, но и мировой культуры.

И наконец, едва ли не самое главное — это стремление древнерусского зодчества не столько к автономизации от института церкви как таковой, сколько к обретению своей общественно-художественной субъектности в сфере культуры, ее мировоззрения, философии, эстетики.

Может быть, поэтому монополярная политика церкви в области зодчества чаще всего носила формальный характер, ибо была не в силах полностью регулировать направление творческих поисков древнерусских мастеров. Их методы, как правило, выходили за рамки канонической системы религиозного искусства, и это приводило к тому, что приоритетным акцентом в деятельности художника становилось эстетико-художественное, т. е. светски ориентированное, начало. И это нашло свое выражение прежде всего в романтическом методе зодчества, ставшего основанием для плодотворного развития не только внутри художественно-религиозного творчества, но и общекультурного подвижничества в целом [9, 159].

Об этом говорит преимущественное использование романтического метода зодчества, благодаря которому многие памятники культуры Древней Руси были и остаются уникальными образцами художественно-религиозного мышления, одновременно демонстрирующими верность служения Отчизне.

Заключая, можно подчеркнуть следующее: при всем многообразии тем, присущих всей древнерусской культуре, тема патриотизма, гражданственности и демократизма является одной из ведущих. Только благодаря им эстетико-философская мысль Руси, проявившая себя в литературе, философии и архитектуре, придавала культуре в целом то неповторимое своеобразие, которое выражало глубинную обеспокоенность национального самосознания вопросами обретения своего места в истории, а также нравственных основ своего бытия в реальном мире.

Литература

1. *Барабанов Е.В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1989. № 8.
2. *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика XI—XVII вв. М.: Мысль, 1995.
3. *Водовозов Н.В.* История древнерусской литературы. М., 1958.
4. *Голованова В.Г.* Критика религиозных интерпретаций основных категорий эстетики. Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Киевский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1970.
5. *Дворниченко А.Ю.* Древнерусское общество и церковь. Л.: Знание, 1988.
6. История русской литературы XI—XVII веков / Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев, Я.С. Лурье и др. М.: Просвещение, 1985.
7. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.
8. «Русское» арианство (IX—X вв.). Ч. 1: [Электронный ресурс]. URL: <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/495357.html>.
9. *Симонова Т.А.* Взаимосвязь православия, философии и искусства в Древней Руси. Дис. ... канд. философ. наук: 09.00.06. М., 1993.
10. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.

References

1. *Barabanov E.V.* Russkaya filosofiya i krizis identichnosti // Voprosy filosofii. 1989. № 8.
2. *Bychkov V.V.* Russkaya srednevekovaya ehstetika XI—XVII vv. M.: Mysl', 1995.
3. *Vodovozov N.V.* Istoriya drevnerusskoj literatury. M., 1958.
4. *Golovanova V.G.* Kritika religioznykh interpretatsij osnovnykh kategorij ehstetiki: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk / Kievskij gos. un-t im. T.G. SHevchenko. Kiev, 1970.
5. *Dvornichenko A.YU.* Drevnerusskoe obshhestvo i tserkov'. L.: Znanie, 1988.
6. Istoriya russkoj literatury KHI—KXVII vekov / D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, YA.S. Lur'e i dr. M.: Prosveshhenie, 1985.
7. *Kostomarov N.I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavnejshikh deyatelej. M.: Mysl', 1993.
8. «Russkoe» arianstvo (IX—X vv.). CH. 1: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/495357.html>.
9. *Simonova T.A.* Vzaimosvyaz' pravoslaviya, filosofii i iskusstva v Drevnej Rusi: diss. ... kand. filosof. nauk: 09.00.06. M., 1993.

10. *Froyanov I.YA.* Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1980.

К.Р. БАЯНОВ, Н.П. ПАВЛОВА

Трансформация образовательной и воспитательной модели: исторический и логический аспекты*

Аннотация. Разработка воспитательной и образовательной модели на современном этапе развития для России имеет эвристическое значение. Предлагаемый комплексный анализ различных подходов в науке позволил осмыслить и раскрыть риски образовательной и воспитательной системы в ее историко-логическом становлении, что обозначило пути в разработке рекомендаций по выходу из кризисных «воронок» системы образования и воспитания. Уделяется внимание идейному потенциалу нелинейной динамики, а также концепциям классической, неклассической и постнеклассической науки. Научная новизна данного исследования заключается в том, что кардинальное решение проблем образования и воспитания возможно с учетом идейного потенциала концепции Универсального семантического кода (УСК), которая предоставляет неисчерпаемые возможности причинного объяснения и исправления мира.

Ключевые слова: кризис образования, пайдейя, западная образовательная практика, восточная образовательная практика, азиатская образовательная практика, воспитание, образование, позитивистская концепции образования, неокантианская концепции образования, концепция УСК.

Abstract. The development of an educational and educational model at the present stage of development for Russia is heuristic. The complex analysis of various approaches in science offered by the authors allowed us to comprehend and reveal the risks of the educational and upbringing system in its historical and logical development, which marked the way in developing recommendations on the way out of the crisis "funnels" of the education and upbringing system. The authors pay attention to the ideological potential of nonlinear dynamics, as well as to the concepts of classical, non-classical and post-non-classical science. The scientific novelty of this research is that

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Баянов К.Р., Павлова Н.П. Трансформация образовательной и воспитательной модели: исторический и логический аспекты // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 222—230.

the cardinal solution of the problems of education and upbringing is possible taking into account the ideological potential of the concept of the Universal Semantic Code (CSC), which provides inexhaustible possibilities for causal explanation and correction of the world.

Keywords: education crisis, paideia, western educational practice, eastern educational practice, Asian educational practice, education, education, positivist concept of education, neo-Kantian concept of education, USC concept.

УДК 316
ББК 60.5

Человек с его интенциями всегда был объектом социально-философского анализа, поэтому мировоззренческие установки создателей философских систем не только задавали его место в мире, но и определяли систему его подготовки к жизни. От эпохи к эпохе эти установки подвергались трансформации. Философские традиции шумер и египтян, китайцев и индусов, арабов и русских, греков и латинян, будучи направленными на гармоничное развитие общества и природы, имели свои особенности.

В азиатском ареале мировоззренческие установки индусских и китайских мыслителей априори исходили из совершенства мира, тогда как в европейской ментальной системе мир представлялся несовершенным и хаотичным, между тем ближневосточные мыслители узрели в изменениях мира трансформацию из хаоса в порядок и наоборот. Соответственно в силу различных исходных мировоззренческих установок на мир и место человека в нем мыслители определяли бытие мира и человека по-разному. В азиатской традиции человек своей деятельностью должен был не изменять, а сохранять изначально заданный порядок в мире. В европейской парадигме цель бытия в мире сводилась к изменению мира путем активного вмешательства в него, по причине того, что он изначально подвержен хаосу. В указанном контексте ближневосточная ментальная система определяла место человека в мире как существа, вынужденного жить на грани хаоса и порядка и потому призванного, с одной стороны, адаптировать окружающий мир под себя, с другой — с учетом природных изменений адаптироваться к нему. Иными словами, пребывать в состоянии устойчивого неравновесия.

Таким образом, в трех указанных парадигмах содержательно речь ведется о месте человека в мире и выработке воспитательной и образовательной системы, которая бы привела к гармонизации отно-

шений между миром и человеком и, как результат, к сохранению и распространению во всем многомерном пространстве целостной системы по имени «жизнь».

Исходя из указанных методологических установок, осмыслим трансформацию образовательной и воспитательной парадигмы в ее историческом и логическом становлении.

Азиатская образовательная и воспитательная парадигма, например, конфуцианство, изначально была направлена на сохранение традиций, на гармоничную адаптацию к природе, сохранение последней в ее первоначальном виде.

Азиатские учения — даосизм и буддизм — ориентировали людей жить в ритмах космоса, в согласии с природой. В рамках даосистской системы координат в ребенке видели дикаря, которого надо обуздать и окультурить всеми доступными способами, преимущественно гуманными методами. Окультуривание предполагало приобщение к традициям, соблюдение ритуалов и вместе с тем поощрение поиска собственного пути в развитии. Например, в учении Лао Цзы преимущественно уделялось внимание противостоянию внешнему воздействию и созданию собственного пути. Учение Лао Цзы отдаленно напоминает стоическую философскую рефлексию Античности. В данном случае можно наблюдать очевидное семантическое родство.

В западной системе образовательных координат, в ее античных истоках определяющим в образовании стал *пайдейический подход*. Пайдейя в трактовке античных мыслителей предстает как универсальный тип формирования личности, в котором сочетаются одновременные образование и воспитание. Пайдейя, будучи идеалом просвещенности, предполагала введение человека в мир идей.

Термин «пайдейя», прежде чем быть понятым в западной культуре как сочетание образования и воспитания, прошел тернистый путь и имел полифоничное понимание. В своих диалогах Платон трактует пайдейю как основную функцию политики, основу укрепления государственности. Собственно майевтический метод приобщения к знаниям — один из способов восхождения к всеобщему, мир идей был призван для усиления государственности через воспитание и образовывание управленцев и стражников. В таком же духе размышляет и Аристотель, при этом настаивает образовывать и земледельцев, отмечая, что чем образованнее люди, тем сильнее государство, но при этом выступает защитником системы рабовладельческих отношений. Как видим, и Платон, и Аристотель оценивали воспитание и образование как скрепы, укрепляющее государство. «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием

к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно способствовать каждому государственному строю: свойственный каждому государственному строю характер обыкновенно служит сохранению строя и с самого начала — демократии, олигархический характер — олигархии, и всегда лучший характер обеспечивает лучший вид строя» [2, 628].

Вместе с тем Аристотель указывал на пользу образования и воспитания в адаптации человека к обществу. На вопрос о цели воспитания Аристотель отвечает, что ею должно стать развитие нравственных чувств и умственных способностей. В дальнейшем данный вопрос будет предметом обсуждения на всех дискуссионных площадках европейской цивилизации. В итоге Аристотелем была поставлена проблема об идеале образованности, трактуемая им как право свободного человека. Воспитание «достойно свободно рожденного человека и само по себе прекрасно» [2, 629].

С целью внесения ясности в трактовку образовательной и воспитательной парадигмы Античности проявим семантику базового термина «пайдейя». Пайдейя предстает двусоставным словом, состоящим из *пай+дейя*. Этимологически термин «Пай» восходит к ар. *يفو* *ваФуЙ* «верный», «послушный». И в русском языке «Пай» трактуют в привязке к детям в таком же смысле, «*пай-мальчик или пай-девочка*», равно «*послушный мальчик или послушная девочка*». Вторая часть, ДЕЙЯ от рус. ДЕЙствовать, которая восходит к ар. *ىدا* *'аДДАЙ*: «исполнять». Таким образом, семантика термина «пайдейя» в буквальном смысле — «*послушный исполнитель*» — это означает то, что без послушания не может быть ни воспитания, ни образования.

Пайдейю в трактовке «послушный исполнитель» приняло христианство, и цель образования и воспитания в нем осмысливается как приобщение любви к Богу через беспрекословное послушание соблюдать ритуалы и традиции христианства, через умение толковать библейские тексты. Вся разумная деятельность человека была подчинена спасению через веру, от него требовалось лишь исполнение божьих установок, которые, как правило, представляли авторитеты Церкви. В качестве авторитета при толковании библейских текстов выступили Блаженный Августин и Фома Аквинский [1].

В эпоху Возрождения теоцентризм как мировоззренческий принцип, где главная роль отводилась Богу с идеей спасения, уступает место человеку с его разумом — антропоцентризму. Довлеющими стали идеи, которые призывали человека быть мерой всего. Возрождаются идеи Античности — речь идёт о тезе Протагора — «*Человек есть мера*

всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» [8].

Выдвижение человека — благодаря разуму — как главного актора в природе подвергло изменению образовательной и воспитательной парадигмы. С этого момента происходит различение образования и воспитания как двух разных направлений. Образование предстает как процесс освоения объективных законов природы, а воспитание — как деятельность, направленная на освоение норм и традиций в человеческом обществе.

В Новое время образовательная система дополняется научным пониманием мира. Античное представление о пайдеей как восхождении к всеобщему знанию и образу Бога через теологическое средневековое образование трансформировались — в связи с формированием экспериментальной науки и возрастанием роли естественно-научных знаний.

Концентрированное выражение этих изменений и начало рождения научной педагогики связаны с именем Яна Амоса Коменского. Квинтэссенцией педагогики Нового времени стало соединение христианских нравственных норм с научной картиной мира. В книге «Великая дидактика» Я.А. Коменский связал науку с христианством, при этом приоритет в образовательной модели отдавался научным знаниям.

Последующая эпоха педагогики — эпоха Просвещения — богата множеством идей. Представители эпохи Просвещения модернизировали идеалы образования Нового времени с овладением научными знаниями. Воспитание гражданина было объявлено ведущим направлением этого периода. Конкретизируются понятия «обучение» и «воспитание»: обучение становится все более строгим в научном плане, а воспитание ориентируется на освоение культуры, исполнение долга перед обществом. Данное явление обусловлено тем, что государям и монархам для защиты и расширения своих границ требовались воины, готовые положить головы в час востребованный, соответственно, система воспитания была ориентирована на исполнение долга перед монархом и обществом.

Вместе с тем в рамках просветительской концепции зарождаются идеи воспитывающего обучения и обучающего воспитания. В данный период происходит теоретическое осмысление системы образования и воспитания через проведение демаркационной линии между индивидуальным и всеобщим в образовании и воспитании. Обозначаются предметные области, благодаря чему дети обучаются не только чтению и письму, но и арифметике и земледелию, географии и ремеслам. Таким образом, обучение стало ориентироваться на удовлетворение жиз-

ненных потребностей с целью улучшения качества жизни вопреки установкам Ж.-Ж. Руссо, который оценивал воспитание как лишь проявление у ребенка природой заложенных способностей. В трактовке Руссо приобщение к наукам не должно было способствовать улучшению нравов в обществе, лишь воспитание с опорой на проявленные природные задатки обеспечивает будущее детей. В указанной связи цель воспитания — развитие интенций к свободе, которое формирует добродетельные нормы, а не подготовку учеников к конкретной профессии.

Таким образом, идеалом образования в эпоху Просвещения во Франции выступает человек, устремленный к свободе. Заявленная мировоззренческая установка стала для И.Г. Песталоцци основой для разработки своей педагогической концепции, отрицавшей образование как процесс обретения трудовых навыков и овладения базовыми знаниями. Содержательный аспект заявленной концепции состоял в попытке соединить техническое образование с нравственным воспитанием.

В последующем в немецкой классической философии педагогическая концепция уточняется и расширяется. Педагогические взгляды И. Канта основаны на том, что воспитание толкуется им расширенно, где образование выступает как составной элемент воспитания. В исполнении Канта педагогика как наука о воспитании предстает дуалистично, с одной стороны, как *физическая*, которая призвана формировать природные задатки и гражданские устремления к свободе, с другой, как *прикладная*, чья функция — образовывать и совершенствовать человека с прицелом на самостоятельное принятие решений в сложных жизненных ситуациях. В основе кантовской педагогической концепции заложен синтез всеобщего и единичного, который понимается им как восхождение путем самопознания к всеобщему [6].

Педагогическая концепция Гегеля имеет и родство, и различие в сравнении с кантовской педагогической парадигмой. Гегель делит педагогику на практическую и теоретическую. Практическая педагогика призвана обуздать личный эгоизм, а теоретическая — культивировать служение общей цели — слияние постигающего субъекта (человека) с Абсолютом. В своих мировоззренческих установках Гегель оценивает образование как восхождение индивидуального человека к обретению всеобщего опыта и знаний. Назначение образования, по Гегелю, — способствовать слиянию человека и Абсолюта. Воспитание в указанной мировоззренческой установке предполагает отказ от индивидуализма и признание приоритета общественных норм. Иными словами, необходимо жертвовать индивидуальные интенции в пользу всеобщего [5].

В рамках своей педагогической парадигмы К. Маркс утверждает образовательный универсализм. Человек им определяется как общественное существо, соответственно его деятельность определяется общественными потребностями. Назначение государства в воспитании граждан Маркс видел в необходимости приобщения каждого служить общим целям и вместе с тем, чтобы в каждой личности было представлено всеобщее. Принимая во внимание нерешаемость заявленной задачи в системе отчуждения труда, где существует неравенство в силу противоречий между существованием и сущностью человека, К. Маркс пришел к выводу о ликвидации частной собственности путем социальной революции [7].

В последующем универсализм образовательной парадигмы, разработанной К. Марксом, подвергся критике с позиции неокантианской (приоритет гуманитарных наук в образовании) и позитивистской (приоритет естественных наук в образовании) образовательных концепций.

Противоборство этих концепций породило множественные разночтения о приоритете гуманитарных и естественных наук, личного и общественного, о привязке образования к потребностям отдельного человека и общества. В этом ряду особняком стоит педагогическая антропология К.Д. Ушинского, который определял систему образования как область, где происходит синтез гуманитарных и естественных наук, индивидуального и общественного.

В XX в. наблюдалось наращивание кризисных процессов. Появились противостоящие друг другу концепции. Сторонники научно-технического подхода причины кризиса в системе воспитания и образования видят в бессилии традиционной педагогической системы, не способной формировать новый тип мышления в контексте тех изменений, которые происходят в мире. Например, традиционную систему образования и воспитания упрекали за инертность, нежелание внедрять проекты, улучшающие качество жизни.

Иные, например, в рамках герменевтического подхода, усматривают причину кризиса в образовании в дегуманизации школы через внедрение в нее рыночных отношений, смене приоритетов, в ориентации на коммерциализацию.

Выход из устоявшихся кризисных процессов в системе воспитания и образования сторонники научно-технического подхода видят в наращивании профессионализма, инновационной деятельности, а сторонники герменевтического подхода — в ориентации на традиции и культуру.

Противостояние этих концепций принуждает научную общественность к поиску содержательных оснований образования и воспи-

тания с целью формирования востребованной педагогической парадигмы.

Вместе с тем кризис педагогических парадигм связан с их ориентацией на худшие образцы поведения, которые демонстрирует политическая элита. В таких условиях состоятельная педагогическая доктрина не может быть разработана. На современном этапе кризисные процессы в системе образования и воспитания получили негативный импульс в силу постмодернистской ориентации общественного сознания, где героем Нового времени становится хорошо приспособленный человек [3].

Тем временем, выход из сложившихся катастрофичных педагогических реалий представляет нам концепция Универсального семантического кода (УСК), которая раскрыла и изъяснила тайну слова, где слова явлены в новом свете. Отсюда — слова не только выступают элементами коммуникаций, но и предстают элементами программ, в соответствии с которыми происходит эволюционная развертка целостной системы под названием «жизнь».

Предметно, в рамках концепции УСК удастся решать следующие фундаментальные задачи, имеющие эвристическое значение для науки [4].

Первая — решить проблемы филологии в части раскрытия скрытых значений слов и выражений.

Вторая — кардинально решить проблемы образования и воспитания. По причине того, что слова раскрывают свою скрытую суть и становятся мотивированными, процесс обучения облегчается и сокращается на порядок. Благодаря новому пониманию слова удастся соединить разбросанные и неорганизованные знания, объединить науки. Фактором, «склеивающим» разрозненные науки, выступает метод прояснения смысла научных (и не только) терминов, которые являются инструментами познавательной деятельности.

Третья — решаются проблемы религии и идеологии.

Четвертая — обеспечивается выход всех наук из кризисного состояния, куда они вошли в результате того, что исчерпали возможность познания мира со стороны материи.

Литература

1. Антология педагогической мысли христианского средневековья: В 2 т. / Авт.-сост. В.Г. Безрогов, О.И. Варьяш. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. 400 с.

2. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. / Перев. и ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

3. *Баянов К.Р.* Философско-методологические основания социо-природной динамики. Автореф. дис. ... д-ра философ. н. / Московская государственная академия делового администрирования. М., 2011.

4. *Вашкевич Н.Н.* Системные языки мозга. Магия слова. Разгадка мифов и легенд. Язык и физиология. Пробуждение сознания. М.: «Белые альвы», 2002. 400 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. М.: Институт философии АН СССР, «Мысль», 1971. 630 с.

6. *Кант И.* О педагогике // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.

7. *Маркс К.* О воспитании и образовании: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1978. 543 с.

8. *Платон.* Тезтет // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.

References

1. Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo srednevekov'ya: V 2 t. / Avt.-sost. V.G. Bezrogov, O.I. Var'yash. M.: AO «Aspekt Press», 1994. 400 s.

2. *Aristotel'.* Soch.: V 4. t. T. 4. / Perev. i red. A.I. Dovatura. M.: Mysl', 1983. 830 s.

3. *Bayanov K.R.* Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya sotsioprirodnoj dinamiki. avtoref. diss. ... d-ra. filosof. n. / Moskovskaya gosudarstvennaya akademiya delovogo administrirovaniya. M., 2011.

4. *Vashkevich N.N.* Sistemnye yazyki mozga. Magiya slova. Razgadka mifov i legend. YAzyk i fiziologiya. Probuzhdenie soznaniya. M.: «Belye al'vy», 2002. 400 s.

5. *Gegel' G.V.F.* Filosofskaya propedevtika // Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: V 2 t. T. 2. M.: Institut filosofii AN SSSR, «Mysl'», 1971. 630 s.

6. *Kant I.* O pedagogike // Kant I. Sobr. soch.: V 8 t. T. 8. M.: CHoro, 1994. 718 s.

7. *Marks K.* O vospitanii i obrazovanii: V 2 t. T. 1. M.: Pedagogika, 1978. 543 s.

8. *Platon.* Teehtet // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1993. 528 s.

А.А. ЛАКОМОВА, Т.М. ХУСЯИНОВ

**Особенности социальной адаптации женщин-мигрантов:
региональный аспект***

Аннотация. Работа посвящена проблемам социальной адаптации мигрантов, а также гендерной дифференциации. Современный глобализирующийся мир характеризуется нарастанием потоков миграции. При этом сама миграция может иметь существенное влияние на социально-экономическую ситуацию на новом месте. Эмпирической основой для данной работы стали результаты исследования проблем социальной адаптации мигрантов в Нижегородской области, проведенного на базе Межрегиональной благотворительной общественной организации «Приволжский миграционный центр». В ходе исследования было опрошено 85 мигрантов в возрасте от 18 до 45 лет о проблемах адаптации и интеграции в принимающее сообщество. В ходе работы были выявлены особенности информированности мигрантов, в зависимости от их пола, о некоммерческих организациях и социальных учреждениях, цели их обращения, а также виды помощи, необходимой для улучшения жизненной ситуации мигрантов.

Ключевые слова: миграция, социальная адаптация, социальная помощь, некоммерческая организация, социальное учреждение, гендерная дифференциация.

Abstract. This paper is devoted to the problems of social adaptation of migrants, as well as gender differentiation in requests for help and allocated problems. The modern globalizing world is characterized by an increase in migration flows. At the same time, migration itself can have a significant impact on the socio-economic situation in a new location. The empirical basis for this work was the results of a study of the problems of social adaptation of migrants in the Nizhny Novgorod region, conducted on the basis of the Interregional Charitable Public Organization «Privolzhsky Migration Center». During the survey, 85 migrants aged 18 to 45 years were interviewed about the problems of adaptation and integration into the host community. In the course of the work, the specifics of migrants' awareness, depending on their gender, non-commercial organizations and social institutions, the purpose of their treatment, as well as the types of assistance necessary to improve the migrants' life situation, were revealed.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Лакомова А.А., Хусяинов Т.М. Особенности социальной адаптации женщин-мигрантов: региональный аспект // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 231—245.

Keywords: migration, social adaptation, social assistance, non-profit organization, social institution, gender differentiation.

УДК 316
ББК 60.56:65.246

Введение. Миграция — общемировой процесс, существовавший с древнейших времен, однако XX в. называют веком миграции, так как еще никогда это явление не было столь значимым для общества, его экономики, политики, культуры [1]. Начиная со второй половины XX в., начинает нарастать уровень миграционных процессов, чему способствовали процессы глобализации и интеграции, создание единого пространства — рынка труда, услуг, товаров, информации.

Миграция — передвижение населения с определенной целью через государственные границы, связанное с переменой места жительства и требующее внутригосударственного (оказание социальной помощи, учет индивидуальных особенностей, прохождение медицинской комиссии) и межгосударственного регулирования (миграционный контроль).

Причины, которые толкают людей на смену места жительства, кроются в военных конфликтах, стихийных бедствиях, неблагоприятном климате или стремлении к улучшению собственного социально-экономического положения. При этом сама миграция — важный фактор в социально-экономическом развитии многих стран мира, а эффективная миграционная политика может стать одним из факторов развития региона [4].

Геополитическая привлекательность России становится причиной для существования определенных потоков миграции [2]. В России миграционные потоки начали увеличиваться с 1992 — 1993 гг., а своего пика достигли к концу 2000-х, в целом в последние годы показатели миграции значительно возросли. При этом растет число иноэтничных мигрантов.

Проблемы социальной адаптации мигрантов являются сейчас актуальной темой, так как успешная интеграция способна снизить социальную напряженность, стигматизацию в отношении приезжих, повысить качество их жизни. Сама интеграция должна пониматься как двусторонний процесс, который должен учитывать желания, способности и возможности включения мигрантов в принимающее сообщество [10].

Вынужденные мигранты и лица, недовольные своим социально-экономическим положением в стране и стремящиеся его улучшить, переезжают жить, учиться и работать в подходящие для этого страны, в том числе и в Российскую Федерацию. Стоит отметить, что за 2016 г. в Россию въехало 16 290 031 мигрант из разных стран с определенной

целью (работа, учеба, туризм, предпринимательская деятельность и др.), при этом выехало уже 14 614 071 мигрант, таким образом, миграционный прирост составил 1 675 960 человек [9]. В 2017 г. на миграционный учет поставлено 15 710 227 мигрантов, снято с миграционного учета 10 588 289 мигрантов [6].

Чуть меньше половины из этого числа составляют женщины-мигранты, которые переезжают в Россию как одни, так и с семьей (мужем, детьми и другими родственниками). В 1990-е гг. был отмечен значительный рост числа женщин-мигрантов. Если традиционный переезд женщины был связан с замужеством и воссоединением с семьей, то в условиях глобализации рынка труда растет спрос на женский труд.

Этот процесс связан с трансформацией современной экономики, ростом сектора услуг, в котором их труд в наибольшей степени востребован. В результате этого современные исследователи говорят о феминизации миграции [3, 81]. Женщины-мигранты чаще всего задействованы в сфере частного домашнего и общественного обслуживания, здравоохранении и социальной помощи, в отелях, офисах, образовательной сфере, торговле [3, 83]. Однако несмотря на рост числа потенциальных рабочих мест, женщины-мигранты нередко сталкиваются с различными барьерами в процессе трудоустройства, связанными с владением языком, наличием образования и т. д. [7].

Гендерный аспект в вопросе социальной адаптации мигрантов играет немаловажную роль, так как в фокус внимания часто попадают такие составляющие, как предоставление помощи женщинам с детьми и без них, трудоустройство, поиск жилья, получение дополнительного образования и личностная (психологическая) адаптация.

Методы исследования. В данной статье будут приведены результаты социологического исследования на тему «Современные проблемы социальной адаптации мигрантов в Нижегородской области», проведенного в период с ноября 2015 г. по март 2016 г. на базе Межрегиональной благотворительной общественной организации «Приволжский миграционный центр» (МБОО «Приволжский миграционный центр»). В ходе исследования предполагается определить источники информированности женщин-мигрантов о социально-ориентированных некоммерческих организациях (СО НКО) и государственных социальных учреждениях, цели обращения, выявить виды необходимой помощи.

Эмпирические данные в ходе исследования были собраны при помощи анкетного опроса ($N=85$) и дополнены полуформализованными интервью ($N=6$). В ходе исследования были опрошены мигранты мужского и женского пола в возрасте от 18 до 45 лет, что дает возможность сравнительного анализа. Выборка является квотной по полу, возрасту,

стране пребывания и продолжительности проживания мигранта в России, в том числе на территории Нижегородской области.

В 2016 — начале 2017 г. в Нижегородскую область прибыли 6954 мигранта, выбыли 6259 мигрантов, таким образом миграционный прирост составил 695 мигрантов. С Украины прибыли 2568 мигрантов, из Армении — 925, из Таджикистана — 830, из Узбекистана — 732, из Азербайджана — 554, из Казахстана — 527, из Молдавии — 290, из Киргизии — 138, из Туркмении — 351 [5].

Обращаемость мигрантов в СО НКО и государственные социальные учреждения. В рамках данной работы под мигрантом понимается лицо, совершившее территориальное перемещение в Россию через границы тех или иных государств с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время по определенной причине [8].

В процессе миграции как мужчины, так и женщины сталкиваются с рядом проблем в социальной адаптации. К их числу сами респонденты отнесли проблемы поиска жилья, трудоустройства и несправедливого отношения работодателей, правоохранительных органов, трудности материального характера, сложности в освоении русского языка, культуры российского общества, проблемы со здоровьем, а также конфликтные ситуации с местными жителями или другими мигрантами.

Для решения подобных проблем приезжим часто требуется помощь, которую они могут получить от семьи, близкого окружения, коллег по работе, от СО НКО или государственных социальных учреждений, предоставляющих услуги для данной категории лиц.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что мигранты, знающие, в какие организации или к каким людям нужно обратиться за помощью, в большинстве случаев успешно адаптируются в российском обществе. В данном случае ключевую роль здесь играет информированность о деятельности государственных социальных учреждений, СО НКО, правозащитных организаций, предоставляющих помощь мигрантам. Зачастую уровень информированности оказывается низким, что связано с разными источниками информации, которыми пользуются мигранты, доступности этой информации. Другая причина заключается в достоверности и недостоверности получаемой информации, при этом недостоверность может быть связана как с недостаточной компетентностью определенных лиц, так и с намеренным ее искажением.

Например, работодатель, трудоустроив мигранта, может не оформить его профессиональную деятельность официально, вследствие чего, иностранный рабочий оказывается практически в бесправном положении. Работодатель не отчисляет за трудоустроенного мигранта

взносы в государственные внебюджетные фонды — Пенсионный фонд, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и Фонд социального страхования, тем самым иностранный рабочий не может получить ни пособий по временной нетрудоспособности, ни пенсии по достижению пенсионного возраста в данной стране (за исключением социальной пенсии в отдельных случаях), а также не имеет никаких льгот и гарантий как со стороны государства, так и со стороны своего нанимателя.

Согласно результатам проведенного исследования, уровень информированности среди мигрантов о возможности получения помощи от СО НКО выше у женщин, чем у мужчин. Как видно из табл. 1, женщины активно используют все возможные источники информации (в отличие от мужчин). Наиболее значимыми источниками информации для обоих полов являются друзья и знакомые, однако среди женщин они используются на порядок больше — 85,3% против 45,1% у мужчин. Также 47,1% женщин-мигрантов разузнали о СО НКО, социальных и других видах учреждений через органы миграционного контроля (Главное управление по вопросам миграции МВД России) в отличие от 9,8% мужчин-мигрантов. Среди мужчин более значимыми источниками информации, как уже отмечалось, являются друзья и знакомые (45,1%), интернет (27,5%), члены национальной общины (15,7%) и органы миграционного контроля (15,7%).

Таблица 1

**Источники информации о СО НКО и социальных учреждениях, оказывающих помощь мигрантам
(в зависимости от пола респондента), %**

Источник информации	Женщины	Мужчины
Друзья, знакомые	85,3	45,1
Члены национальной общины	47,1	15,7
Близкие родственники	47,1	9,8
Органы миграционного контроля	41,2	15,7
Интернет	38,2	27,5
Коллеги по работе	35,3	5,9
Работодатель	14,7	13,7

При этом женщины в большей мере (17,6%), чем мужчины (около 2%), обращаются в Комплексные центры социального обслуживания населения за услугами и помощью. Именно женщины-мигранты

успешнее используют свои коммуникативные способности, пополняют социальные связи в новом для них обществе, тем самым можно предположить, что женщины лучше чем мужчины адаптируются в принимающем обществе.

Можно сделать вывод, что источники информации о деятельности организаций, предоставляющих помощь и услуги приезжим лицам, по мере своей значимости различаются в зависимости от пола мигранта. Женщины в целом более информированы и более активно используют весь спектр источников информации.

При этом мы можем видеть, что близкие родственники и коллеги по работе среди мужчин как источники информации занимают самые низкие позиции, вероятно, это можно связать с двумя важными факторами. Первый заключается в том, что достаточно часто мужчины-мигранты приезжают исключительно на время, с целью заработать, в то время как их семья остается на родине. Поэтому у них нет ни времени, ни возможностей, а, может, и желания пользоваться какими-либо услугами или обращаться за помощью в СО НКО или другие социальные службы. Второй фактор связан с тем, что, переезжая вместе с мужем, женщина берет на себя решение социальных проблем семьи, в то время как мужчина занимается материальной стороной.

Так, 44,1% женщин-мигрантов пользуются услугами социальных учреждений с целью оформления и получения пособия по временной нетрудоспособности в отличие от 21,6 % мужчин. Также большее число женщин — 32,4% против 13,7% — отмечают нуждаемость в финансовой (денежные средства) и натуральной (продукты питания, одежда, обувь) видах помощи. 52,9% женщин в сравнении с 25,5% мужчин желают получить консультации по социально-правовым вопросам. Кроме того, 35,3% женщин-мигрантов обращаются за помощью в поисках работы, 52,9% опрошиваемых женщин — за помощью в поисках жилья, в отличие от 11,8% и 19,6 % мужчин-мигрантов соответственно.

Эти данные демонстрируют большую активность женщин-мигрантов в обращениях за различными видами социальной помощи. Они проявляют большую инициативу не только в случае обращения за материальной помощью, но при поисках подходящей работы, жилья, предоставления социально-правовых консультаций. Стоит отметить, что женщинам-мигрантам достаточно трудно найти подходящую работу в России. В некоторых случаях женщины приезжают на заработки в Россию с маленькими детьми, вследствие чего ищут работу с гибким графиком, однако ситуация изменяет ход событий на противоположный — женщина-мигрант работает на нескольких работах и не может создать условия для воспитания, содержания и образования ребенка. К этому прибавляются проблемы психологического характера — стресс,

страх, апатия, фрустрация и т. п. Все это усугубляет процесс социальной адаптации женщин-мигрантов в новых для них условиях, в новой стране.

Таблица 2

**Цель обращения мигрантов в СО НКО,
социальные учреждения и организации, %**

Цель	Женщины	Мужчины
Получение консультации по социально-правовым вопросам	52,9	25,5
Получение помощи в поиске жилья	52,9	19,6
Оформление и получение пособия по временной нетрудоспособности	44,1	21,6
Получение помощи в поиске работы	35,3	11,8
Получение помощи в материальной и натуральной форме (продукты питания, одежда, обувь)	32,4	13,7
Оформление и получение пособия беженцам и вынужденным переселенцам	20,6	17,6
Участие в семинарах, играх, тренингах социально-психологической направленности	11,8	2

Женщины выражают в большей степени активную, а не иждивенческую позицию, поскольку стремятся не только к получению разовой финансовой или натуральной помощи, но и консультаций по вопросам поиска работы, жилья и ознакомления с нюансами в сфере миграционного законодательства. Мужчины предпочитают решать свои проблемы самостоятельно, изъявляют меньшее желание воспользоваться услугами и помощью различных СО НКО и социальных учреждений.

Мужчины при этом значительно реже заинтересованы в помощи относительно поиска жилья, работы, получении помощи, самые распространенные варианты обращения — получение консультаций по социально-правовым вопросам (25,5%) и оформление пособий по временной нетрудоспособности (21,6%).

Виды необходимой помощи мигрантам в адаптации. Далее рассмотрим, в каких видах помощи заинтересованы мигранты, и ген-

дерную дифференциацию в данном вопросе. Наиболее важной из видов помощи для женщин является содействие в трудоустройстве — как мы отмечали ранее, эта сфера является одной из наиболее проблемных для них. Например, женщины-мигранты (61,8%) в отличие от мужчин-мигрантов (29,4%) утверждают, что им необходима помощь в трудоустройстве для того, чтобы успешно адаптироваться в новом обществе.

В большинстве случаев женщины переезжают в другую страну с детьми на заработки, поэтому на первом месте у них цель обеспечить своего ребенка и себя. Для этого им нужна работа с определенными условиями (на дому, со свободным графиком) и с заработной платой, на которую можно было бы оплатить жилье и обеспечить семью. Работу с подобными условиями достаточно трудно найти, кроме того, сам поиск работы существенно осложнен, а заработная плата достаточно низкая. В результате, в большинстве случаев женщина вынуждена устраиваться на неполную ставку — получая небольшую заработную плату, совмещать две работы. На фоне этого женщина-мигрант испытывает психологический дискомфорт, который может перерасти в чувство ненужности, слабости перед внешними обстоятельствами.

Такая ситуация приводит к тому, что женщина-мигрант не справляется с нагрузками и начинает искать другую соответствующую ее потребностям работу. Если же женщина мигрант находит работу, где заработная плата является приемлемой для жизнеобеспечения ее семьи, то в большинстве случаев данный вид работы требует от женщины либо частых командировок, либо работа имеет разъездной характер по городу, либо подразумевает ненормированный рабочий день.

По результатам исследования, на вопрос о том, какая работа является для вас наиболее подходящей, женщины давали следующие ответы: *«Работа с зарплатой не ниже 20 тыс. р., чтобы оплатить общежитие, школу ребенку, купить продукты» (Ж, 34 года)*, *«Официальная работа, ребенок часто болеет, чтобы отпустили на больничный, с зарплатой не ниже 20 — 22 тыс. р.» (Ж, 30 лет)*, *«Работу в помещении, с зарплатой не ниже 20 тыс. р., желательно работать до 4-х, чтобы пораньше забирать ребенка из школы» (Ж, 44 года)*. Подобные ответы на открытые вопросы анкеты давали женщины, находящиеся в разводе, состоящие в незарегистрированных отношениях (сожительстве) или являющиеся матерями-одиночками. Стоит отметить, что сожительство в большей степени подразумевает гостевой брак, при котором сожитель не предоставляет в полной мере материальной помощи ребенку и своей сожительнице. Поэтому она, даже при наличии второго взрослого человека, вынуждена подбирать работу, ориентируясь на определенный уровень оплаты труда и режим работы.

Таблица 3

**Необходимая помощь для улучшения жизненной ситуации
мигрантов, %**

Необходимая помощь для улучшения жизненной ситуации (по мнению мигрантов)	Женщины	Мужчины
Помощь в трудоустройстве	61,8	29,4
Помощь в поиске и приобретении (аренде) жилья	55,9	41,2
Медицинская помощь	52,9	21,6
Материальная помощь	44,1	35,3
Помощь в получении документов в России	44,1	27,5
Социальные услуги (пособия, льготы, адресная натуральная помощь и пр.)	29,4	29,4
Помощь в освоении русского языка и сдачи экзамена	23,5	25,5
Помощь в налаживании взаимодействия с местными жителями	23,5	5,9
Помощь в обретении официального статуса для пребывания в России	14,7	7,8
Помощь в получении профессионального образования	11,8	17,6
Защита от криминальных элементов	8,8	7,8
Помощь в соединении с семьей (детьми)	8,8	3,9
Консультации по вопросам миграционного законодательства и его изменений в России	5,9	13,7
Помощь во взаимодействии с чиновниками, властями	5,9	2
Помощь в организации отъезда на родину	5,9	0
Защита от дискриминации на рабочем месте	2,9	7,8

Если говорить о женщинах, находящихся замужем, то они давали следующие ответы по поводу критериев подходящей работы: *«Работа нужна по специальности, с зарплатой не ниже 15 тыс. р., с адекватным начальником»* (Ж, 27 лет), *«Официальная работа, работа для души, с зарплатой не ниже 15—18 тыс. р., на эти деньги себе и ребенку вещи куплю, школу оплачу, остальное на муже»* (Ж, 38 лет), *«Работу для души нужно, можно и подработку, например, в Орифлейм или Эйвон, в остальном меня сможет муж обеспечить»* (Ж, 33 года).

Как видим, женщины-мигранты, находящиеся в браке, в меньшей степени ориентируются на заработную плату, чем одинокие матери или состоящие в незарегистрированных отношениях.

Ответы мужчин-мигрантов оказались немного противоречивыми. Например, ответ одного из опрошенных мужчин-мигрантов — *«Работа должна быть с доходом 40—45 тыс. р., любой график, дом и дети все равно на жене, могу работать по 12 часов в день, с выходными, чтобы где-нибудь еще подработать»* (М, 40 лет). Ответ другого опрошенного: *«Работа должна быть нетрудной, с зарплатой 30 тыс. р., желательно официальной, чтобы была потом пенсия и льготы»* (М, 33 года). Следующий ответ оказался достаточно интересным: *«Работа должна быть интересной для меня, с зарплатой не ниже 20 тыс., жена тоже работает, поэтому будем делить деньги на все нужды»* (М, 36 лет). Ответы подобного рода давали женатые мужчины-мигранты.

Можно сделать вывод, что в той семье мигранта, где требуется достаточно высокий доход (35—45 тыс. р.) для ее жизнеобеспечения и существуют подходящие условия для основной, сверхурочной работы и дополнительной работы в выходные дни, мужчины-мигранты желают найти работу с ненормированным рабочим днем, но с высоким уровнем заработной платы. Те мужчины мигранты, которые занимаются трудовой деятельностью в семье не одни, а еще супруга и другие родственники, предпочитают работу интересную, соответствующую их полученному образованию, причем указывают уровень зарплаты в 2—2,5 раза ниже. По результатам исследования, можно выделить также еще одну категорию мужчин-мигрантов, которые основным критерием оптимальной и подходящей для них работы называют официальное трудоустройство с будущей гарантией выплаты пенсий и соответствующих льгот. В данном случае проявляются и различные жизненные стратегии: в первом случае мужчина-мигрант в большей степени ориентируется на настоящее время, готов выполнять любые объемы работы, соглашаясь на неофициальное трудоустройство, не заботясь о даль-

нейших социальных выплатах; во втором случае проявляется стратегия, ориентированная на будущее.

Кроме того, большая доля респондентов женского пола (52,9%) отметила, что нуждается в предоставлении медицинской помощи для преодоления трудной жизненной ситуации, чем мужского (21,6%). Женщины трепетно относятся к своему здоровью и чаще посещают врача, чем мужчины. Стоит отметить, что на женщин-мигрантов накладываются обязанности по воспитанию детей, их обеспечению, а также ведению домашнего хозяйства. Таким образом, когда наступают периоды временной нетрудоспособности, женщина старается минимизировать время на лечение и восстановление здоровья. В дополнение к этому можно отметить, что в некоторых случаях женщины-мигранты переезжают в другую страну, уже ожидая рождения ребенка, вследствие чего зачастую им требуется экстренная медицинская помощь.

Также представляются интересными различия ответов женщин и мужчин-мигрантов по поводу помощи в решении конфликтов с местными жителями. Женщины (23,5%) более чувствительно относятся к этой теме, чем мужчины (5,9%), и поэтому обеспокоены разрешением конфликтов и снижением напряженности в отношениях с местным населением. Так, женщины-мигранты, приезжая в Нижегородскую область с детьми, стараются наладить отношения с местными жителями для успешной социальной адаптации своей семьи. Женщины стремятся к тому, чтобы их дети нашли общий язык с детьми коренного населения. Это способствует уменьшению уровня социальной напряженности и преступности в регионе, а также хорошей успеваемости детей мигрантов в учебных заведениях.

Заключение. Подводя итог, стоит сказать, что исследование гендерного аспекта в социальной адаптации и интеграции мигрантов актуально, поскольку учитывает особенности поведения, потребности и стремления индивидов. Согласно нашему исследованию, необходимо отметить, что стратегия адаптации женщин-мигрантов является более гибкой и ориентированной на получение помощи извне, чем у мужчин-мигрантов. Объяснить это можно не только сложившейся ситуацией, которая возникает у женщин-мигрантов при переезде в Россию, но и сформированными позициями и личностными особенностями.

Женщина-мигрант проявляет инициативу и социальную активность, она готова пройти обучение, выучить язык, найти работу и дополнительные виды заработка, получить консультацию по правовым вопросам, чтобы не только самой адаптироваться в новой для нее стране, но и помочь это сделать своим детям.

Женщины в большей степени ориентированы на социокультурную, профессиональную, социально-психологическую и социально-

правовую адаптацию. Мужчины-мигранты на первое место ставят профессиональную (поиск подходящей работы с высоким уровнем заработной платы) и социально-правовую интеграцию, в которой в большей степени у них преобладает одна из ее составляющих — оформление соответствующих документов, подтверждающих их легальное нахождение на территории России. Знание законов, стремление к правовой грамотности в их стратегии по адаптации и интеграции находятся на последнем месте. Это можно объяснить большим грузом финансовой ответственности перед своей семьей, в которой жена, другие родственники не могут работать, и мужчина-мигрант вынужден в первую очередь реализовать их жизнеобеспечение.

Источниками информированности женщин-мигрантов о возможности получения помощи со стороны СО НКО и государственных социальных учреждений является не только близкое социальное окружение (семья, друзья, родственники), но и службы миграционного контроля. Мужчины-мигранты узнают о деятельности таких учреждений и организаций от друзей, знакомых, а также с помощью интернет-источников, а не от коллег по работе, как можно было бы ожидать.

Основной целью обращения в государственные социальные учреждения и СО НКО у женщин-мигрантов выступает получение материальной помощи (денежные средства, пособия, натуральная помощь в виде продуктов питания, одежды, обуви, предметов первой необходимости) и социально-правовых консультаций по различным вопросам (официального трудоустройства, пребывания в РФ, оформления соответствующих документов). Мужчины-мигранты намного реже обращаются за помощью в данные учреждения, стараются самостоятельно преодолеть возникающие трудности.

Кроме того, женщины-мигранты, проживающие в Нижегородской области, нацелены на получение помощи в поиске подходящей работы, консультаций юридического характера, что выражает их активную позицию. Можно отметить пассивный характер получения финансовой помощи для улучшения жизненной ситуации, но, как правило, ключевым мотивом является обеспечение несовершеннолетних детей. Мужчины-мигранты в большей степени целенаправленно приезжают в Россию, в том числе Нижегородскую область, на заработки, уже имея возможности трудоустройства, поэтому основным моментом в их адаптации является получение или приобретение жилья (получение комнаты в общежитии, предоставляемой работодателем, поиск съемной квартиры или приобретение собственного жилья).

Таким образом, выявление гендерной специфики в социальной адаптации и интеграции, в частности необходимых видов помощи, среди мигрантов необходимо для разработки и внедрения соответствующей

щих программ и проектов на базе СО НКО и государственных учреждений, направленных на социальную поддержку мигрантов.

Литература

1. *Безбородова Т.М.* Экономическая составляющая международной трудовой миграции // Сибирский торгово-экономический журнал. 2012. №16: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-sostavlyayuschaya-mezhdunarodnoy-trudovoy-migratsii> (дата обращения: 03.04.2018).
2. *Будалин Е.П.* Миграция: проблемы правового регулирования // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 1. С. 33—43: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 03.04.2018).
3. *Илимбетова А.А.* Глобальный процесс феминизации миграции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 79—91: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyu-protsess-feminizatsii-migratsii> (дата обращения: 03.04.2018).
4. *Кочеткова Р.М., Рыбкина М.В., Денисова Е.Г., Денисова Е.О.* Миграция и внутренний рынок труда: анализ и меры по регулированию (на примере Ульяновской области) // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 13. С. 2079—2087.
5. Международная миграция за 2016 года. Муниципальные образования Нижегородской области // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Нижегородской области: [Электронный ресурс]. URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 16.12.2017).
6. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам / Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России: [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/> (дата обращения: 08.02.2018).
7. *Полетаев Д.В.* Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 18—31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-migranty-iz-zarubezhnyh-stran-v-rossii> (дата обращения: 03.04.2018).
8. *Похлебаева А.В.* Понятие миграции и ее классификации // Международное право и международные отношения. 2005. № 3: [Электронный ресурс]. URL: <http://evolutio.info/content/view/765/113/> (дата обращения: 25.12.2017).

9. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2016 год // Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/> (дата обращения: 12.04.2017).

10. *Сизова И.Л.* Помощь мигрантам в принимающем сообществе // *Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии.* Нижний Новгород: НИСОЦ, 2016. С. 433—437.

References

1. *Bezborodova T.M.* Экономическая составляющая часть международной трудовой миграции // *Сибирский торгово-экономический журнал.* 2012. №16: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-sostavlyayuschaya-mezhdunarodnoy-trudovoy-migratsii> (дата обращения: 03.04.2018).

2. *Budalin E.P.* Миграция: проблемы правового регулирования // *ARS ADMINISTRANDI.* 2010. № 1. С. 33—43: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 03.04.2018).

3. *Ilimbetova A.A.* Глобальный процесс феминизации миграции // *Век глобализации.* 2013. № 1. С. 79—91: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-protsess-feminizatsii-migratsii> (дата обращения: 03.04.2018).

4. *Kochetkova R.M., Rybkina M.V., Denisova E.G., Denisova E.O.* Миграция и внутренний рынок труда: анализ и меры по регулированию (на примере Ульяновской области) // *Российское предпринимательство.* 2017. Т. 18. № 13. С. 2079—2087.

5. Междunarодная миграция за 2016 года. Муниципальные образования Нижегородской области // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Нижегородской области: [Электронный ресурс]. URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 16.12.2017).

6. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам / Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России: [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/> (дата обращения: 08.02.2018).

7. *Poletaev D.V.* Зарубежные мигранты из стран Евразии // *Вестник Евразии.* 2005. № 1. С. 18—31. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-migranty-iz-zarubezhnyh-stran-v-rossii> (data obrashheniya: 03.04.2018).

8. *Pokhlebaeva A.V.* Ponyatie migratsii i ee klassifikatsii // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2005. № 3: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://evolutio.info/content/view/765/113/> (data obrashheniya: 25.12.2017).

9. Svodka osnovnykh pokazatelej deyatel'nosti po migratsionnoj situatsii v Rossijskoj Federatsii za 2016 god // *Ofitsial'nyj sayt Glavnogo upravleniya po voprosam migratsii MVD Rossii*. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/> (data obrashheniya: 12.04.2017).

10. *Sizova I.L.* Pomoshh' migrantam v prinyimayushhem soobshhestve // *Pomogayushhie professii: nauchnoe obosnovanie i innovatsionnye tekhnologii*. Nizhnij Novgorod: NISOTS, 2016. S. 433—437.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Социальная безопасность — основа российской устойчивости*

Аннотация. Рассматриваются причины революции 1917 г., социальная безопасность страны, обосновываются необходимость разработки и реализации Социальной доктрины РФ и важность при этом стратегического мышления.

Ключевые слова: революция, социальная безопасность, социальная доктрина, стратегическое мышление.

Abstract. The causes of the revolution of 2017, social security, the need to develop and implement the Social Doctrine of the Russian Federation, the need for strategic thinking for the development of the Social Doctrine are considered.

Keywords: revolution, social security, social doctrine, strategic thinking.

УДК 316
ББК 60.5

---

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Яковец Т.Ю. Социальная безопасность — основа российской устойчивости // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 245—251.

В прошлом году прошёл важный юбилей мы — 100-летие революций. В связи с этими событиями Ю.М. Осипов отметил: «О Российской революции 1917 г. много чего говорено, но так ничего толком не выговорено, причем не так даже о самой случившейся катастрофе протекавшего тогда бытия-истории вкупе с обрамлявшей его Российской империей с ее населением, как о мотивах сего срыва-крушения, в нем действительной нужде, а также о ближайших, отдаленных и дальних следствиях сего великого небытийно-внеисторического события-происшествия» [6, 6].

Мы рассматриваем данное историческое событие как *социальную катастрофу*. Впервые категория «социальная катастрофа» по отношению к явлениям общественной жизни была применена белорусским академиком-социологом Е.М. Бабосовым в 1995 г. [1]. Вслед за ним мы относим к социальным катастрофам бифуркации в жизни общества, возникающие вследствие превышения допустимого в данной системе напряжения. На 400-летнем историческом периоде в России было три социальных катастрофы — Смутное время начала XVII в., начало XX в. и конец XX в. Для предотвращения возникновения новой социальной катастрофы необходимо поддерживать в стране *социальную безопасность*. Социальная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности страны, но Концепция национальной безопасности РФ, принятая 31 декабря 2015 г., не использует термин «социальная безопасность».

В имеющихся научных исследованиях социальную безопасность традиционно рассматривают в периоды *эволюционного развития социального пространства*. Но в момент происходящей в нем бифуркации, «срыва», требуется новое видение протекающих процессов. А социальный взрыв — это в и метафизическое действо. Предчувствие социалистической революции в России в «Бесах» в 1872 г. — шестом романе Ф.М. Достоевского — возможно, было именно метафизическим. То же можно сказать о книге Ю.М. Осипова «Я — революция» (2017) [6]. Метафизика «Бесов» позволила верно отразить будущее: так, Шигалев утверждал, что «выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого» [4, 362]. В книге Ю.М. Осипова прослеживается историческая связь большевизма со сталинизмом как своим исходом.

Здесь же мы остановимся на научных теориях социальной безопасности. Рассмотрим две книги ученых — очевидцев российской

революции 1917 г. — «Христианский социализм» С.Н. Булгакова [2] и «Социология революции» Питирима Сорокина [8].

В марте 1917 г. С.Н. Булгаков восторженно написал, что страна вступила на новый исторический путь. Но в том же 1917 г. он публикует свою работу «Христианство и социализм», в которой отмечает: «Удивительно ли, что, когда социализм показывает свое подлинное лицо, как теперь в России, где все обезумели в какой-то оргии хищничества, то лицо это выглядит мещанским до отвратительности, в нем обнажаются самые низкие, животные инстинкты человеческой природы» [2, 223].

Ученый-социолог Питирим Сорокин, анализируя причины революции, выделяет следующие из них: 1) ущемление потребности питания; 2) ущемление рефлексов индивидуального самосохранения; 3) ущемление рефлексов группового самосохранения (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т. п.); 4) не удовлетворяется минимальная потребность в жилище, одежде, тепле; 5) ущемление половых рефлексов; 6) бедностью ущемляются инстинкты собственности; 7) ущемляется инстинкт самовыражения и собственного достоинства; 8) если у многих членов общества ущемляются слишком монотонной жизнью их инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений и «рефлексы свободы» [8, 320—321].

П. Сорокин пишет, что этот перечень не исчерпывающий, так как он указывает только основные инстинкты, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революции.

Современные исследователи социальной безопасности С.Ю. Глазьев и В.В. Локосов вводят *предельно критические значения показателей состояния российского общества* [3]. Выход за пределы пороговых значений данных показателей угрожает целостности российского общества. Поэтому мы рассматриваем социальную безопасность как важнейшую характеристику социального пространства России.

Социальная безопасность определяется характером взаимодействия между различными социальными слоями и группами в обществе (стратами) на принципах «социального партнерства», обеспечивающего устойчивое развитие и социально-политическое единство общества и государства и его взаимодействие с другими государствами [11, 27—28].

Вслед за Питиримом Сорокиным мы выделяем четыре группы показателей для стратификации российского общества: демографическую, экономическую, этнонациональную и политическую.

Современное состояние российского общества переживает ряд угроз. Основные из них отмечены в Указе Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204. Для демографической стратификации это угроза депопуляции и определения возможностей для ее преодоления. Для экономической — необходимость снижения вдвое числа бедных и создание новых современных рабочих мест. Этнонациональная стратификация требует выравнивания уровня и качества жизни для жителей различных регионов России. Политическая стратификация нацелена на сохранение территориальной целостности страны.

Особо необходимо выявить основные механизмы поддержания социальной безопасности российского общества: это постоянный мониторинг и формирование научной базы исследования тенденций динамики социальной безопасности в России.

Социальную доктрину еще в 2003 г. предложила разработать Н.М. Римашевская [7]. В 2010 г. проект-макет данной доктрины опубликовал С.С. Сулакшин [9]. Сейчас, ее разработка имеет особое значение. Реализация доктрины предполагает комплексное рассмотрение как динамики социодемографических процессов, так и механизма воздействия на них путем проведения социальной политики, финансовых источников для ее реализации. Именно такой подход отражен в майском Указе Президента РФ № 204.

Социальная доктрина должна строиться на основе следующих принципов: повышения уровня и качества жизни населения РФ, сбережения народа, социальной безопасности.

В основе Социальной доктрины должна лежать долгосрочная стратегия преодоления негативных социодемографических последствий социальной катастрофы 1990-х гг. Необходимо задействовать все движущие силы общественного развития — рост национального самосознания, морально-нравственную составляющую и материальный компонент. В процессе разработки Социальной доктрины РФ можно использовать различные теоретические подходы, в том числе разработанную нами на базе теории хозяйства Ю.М. Осипова *теорию хозяйства народонаселения* [10].

Мы считаем, что хозяйство народонаселения формирует в экономике страны *социодемографический комплекс*, состав которого меняется с изменением способа хозяйствования. Современный социодемографический комплекс России включает в себя сферу услуг данного комплекса (социальное обеспечение и обслуживание различных категорий населения, требующих попечения общества и государственной поддержки; здравоохранение и медицинское обслуживание населения; образование во всех его формах; культура, отдых и туризм; физкульту-

ра и спорт); жилищно-коммунальное хозяйство; агропродовольственный комплекс, включая производство и переработку продовольствия, легкую промышленность, личный транспорт и автодороги, персональную связь. Большинство из отраслей данного комплекса нашли свое отражение в майском Указе 2018 г. В.В. Путина № 204.

Долгосрочная стратегия развития социодемографического комплекса страны должна учитывать возможности его финансирования. Переход развитых стран мира к цифровой экономике требует от РФ концентрации всех ее ресурсов на пути построения современной экономики. Только в случае массового перехода к технологиям VI технологического уклада возможно получение дополнительных средств на развитие социодемографического комплекса страны.

В то же время переход к цифровой экономике сопровождается не только необходимостью повышения качества человеческого потенциала страны, но и высвобождением рабочих мест. В связи с этим Социальная доктрина должна предусматривать эти новые явления. Россия как социальное государство по Конституции РФ, должна обеспечивать социальные гарантии для всех членов общества, в том числе и для высвобождаемых в процессе перехода к цифровой экономике и робототехнике. Повышение пенсионного возраста в РФ также предполагает социальные гарантии лицам 50+, трудоустройство которых затруднено. Одновременно создается конкуренция за рабочие места между лицами предпенсионного возраста и вступающими в трудовую деятельность молодыми работниками.

Для решения данной проблемы правительство Финляндии в течение двух лет проводило социальный эксперимент — 2000-ам безработным выплачивался «вмененный доход» в размере 560 евро. Хотя эксперимент закончен и правительство Финляндии подводит его итоги, подобные примеры проведения социальной политики позволяют найти оптимальное решение для поддержания незанятого вследствие перехода к цифровой экономике и робототехнике населения.

В основу Социальной доктрины должна быть положена долгосрочная социодемографическая стратегия государства. В.Л. Квинт определяет *стратегию* как «результат системного анализа среды, существующих прогнозов будущих условий на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции» [5, 353]. Именно стратегическое мышление должно лежать в основе построения Социальной доктрины РФ. У России есть исторический опыт построения долгосрочных стратегий. Прежде всего, это разработка и реализация плана ГОЭЛРО. Кроме того, были реализованы стратегии (пусть с большими людскими потерями) индустриализации и кооперации, послевоенное восстанов-

ление экономики, атомные и космические проекты, составлялись Комплексные программы НТП. Этот опыт может быть использован при современном инновационном «рывке» экономики РФ. В то же время в современной России возможно только «индикативное» планирование, поэтому необходимо использовать опыт развитых и развивающихся рыночных стран при построении и реализации долгосрочных социально-экономических стратегий.

Индикативное планирование является тем необходимым институтом, который позволит достичь сбалансированного развития социальных и экономических процессов, направить ресурсы страны на решение задач инновационного рывка в экономике. Национальные проекты, обозначенные в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 по сути своей являются именно индикативным институтом концентрации ресурсов государства для решения наиболее остро стоящих проблем развития России.

В заключение отметим, что возможности разработки и реализации Социальной доктрины в РФ имеются. Но это требует объединения усилий ученых различных ведомств. Только в этом случае в основу социальной политики России будет положено адекватное видение динамики социодемографических процессов в России и путей преодоления кризисных явлений в социодемографическом комплексе России при условии поддержания в стране социальной безопасности.

Литература

1. *Бабосов Е.М.* Катастрофы: социологический анализ. Минск: 1995. 472 с.
2. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 350 с.
3. *Глазьев С.Ю., Локосов В.В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 4 (22). С. 22—41.
4. *Достоевский Ф.М.* Бесы. СПб: СПИКС, 1993. 640 с.
5. *Квинт В.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. Нью-Йорк; Лондон: Taylor@Francis, 2009. 626 с.
6. *Осинов Ю.М.* Я — революция. М.: ТЕИС, 2017. 81 с.
7. *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН, 2003. 393 с.

8. *Сорокин П.* Социология революции. М.: РОСПЭН — «Территория будущего», 2005. 704 с.
9. *Сулакшин С.С.* Социальная доктрина Российской Федерации (макет-проект). М.: Научный эксперт, 2010. 224 с.
10. *Яковец Т.Ю.* Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2017. 274 с.
11. *Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю.* Социальная безопасность как основа социальной политики РФ // Стратегические приоритеты. 2017. № 2 (14). С. 26—40.

References

1. *Babosov E.M.* Katastrofy: sotsiologicheskij analiz. Minsk: 1995. 472 s.
2. *Bulgakov S.N.* KХristianskij sotsializm. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otделение, 1991. 350 s.
3. *Glaz'ev S.YU., Lokosov V.V.* Otsenka predel'no kriticheskikh znachenij pokazatelej sostoyaniya rossijskogo obshhestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem // EHkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2011. № 4 (22). S. 22—41.
4. *Dostoevskij F.M.* Besy. SPb: SPIKS, 1993. 640 s.
5. *Kvint V.* Strategicheskoe upravlenie i ehkonomika na global'nom formiruyushhemsya rynke. N'yu-Jork; London: Taylor@Francis, 2009. 626 s.
6. *Osipov YU.M.* YA — revolyutsiya. M.: TEIS, 2017. 81 s.
7. *Rimashevskaya N.M.* СHеловек i reformy: sekrety vyzhivaniya. M.: ISEHPN, 2003. 393 s.
8. *Sorokin P.* Sotsiologiya revolyutsii. M.: ROSPEHN — «Territoriya budushhego», 2005. 704 s.
9. *Sulakshin S.S.* Sotsial'naya doktrina Rossijskoj Federatsii (maket-proekt). M.: Nauchnyj ehkspert, 2010. 224 s.
10. *Yakovets T.YU.* Gosudarstvennoe regulirovanie sotsiodemograficheskikh protsessov v Rossii. M.: Prospekt, 2017. 274 s.
11. *Yakovets YU.V., Dobrokhleb V.G., Yakovets T.YU.* Sotsial'naya bezopasnost' kak osnova sotsial'noj politiki RF // Strategicheskie prioritety. 2017. № 2 (14). S. 26—40.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

В. ДРАШКОВИЧ

Экономическая альтернатива как открытая загадка*

Аннотация. Рецензия на книгу Ю.М. Осипова «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма)».

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, экономика, экономизм, глобализм.

Abstract. Book review of Y.M. Osipov, «The Economy as it is (revelation Zoila, or judgment day of Economism)».

Keywords: Yu. M. Osipov, economics, economism, globalism.

Я уверен, что Ю.М. Осипов в своей книге «Экономика как есть...» наблюдает и интерпретирует вещи (в том числе экономику) с недоступной высоты: интеллектуальной, патриотической, научной, моральной и даже географической. Вот почему он гораздо ближе к раскрытию секретов экономики, к мудрости. Эту чрезвычайно продуманную книгу надо тщательно читать, постоянно к ней возвращаясь.

Автор имеет право на свою истину, демистифицируя экономические секреты и критикуя многие дегенеративные проявления экономики и ее интерпретации в теории. Cogito ergo sum! Истина и критика — это важнейшие условия развития мысли.

Данная книга — памятник и маяк экономической мысли и истины.

Из всего, что Ю.М. написал в своей книге об экономике, можно сделать еще один весьма неприятный вывод: автор дает рецепт дебилизации глобального общества, следующего за квазилиберализмом, квазиинституционализмом и антиэкономическим поведением. Это серьезный ответ великого мыслителя на молчание академического сообщества по поводу вульгаризации повседневной (экономической и об-

---

*Вольная рецензия на книгу Ю.М. Осипова «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма)». — М.: ТЕИС, 2017.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Драшкович В. Экономическая альтернатива как открытая загадка // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 255—256.

щественной) реальности. Как будто не было и нет никаких проблем, никаких искаженных наукой «фасадов» экономики.

Возможно такие критические заходы не имеют большого значения и влияния на тех, кто управляет экономикой. Однако такая серьезная и благонамеренная критика имеет свой резон. И если бы она могла хоть как-то изменить мир, сознание и совесть управляющих экономикой, я бы сразу прекратил об этой критике писать.

Оригинальность авторского размышления является лишь одним из существенных достижений книги. В равной степени к ним можно отнести и игнорирование стереотипного определения экономики как науки о рациональном выборе. Именно здесь, мне кажется, автор показывает свою гениальность, потому что косвенно указывает на апологетическое затемнение, вульгаризацию и отрицание столь настойчиво провозглашаемой свободы выбора (индивидуального и коллективного) и, следовательно, потребность в их ясной и институциональной комбинации. Мне кажется, что в книге убедительно критикуются привилегированные дирижистские выборы, приводящие к демоническому обогащению немногих, финансовому насилию и капитальному доминированию — ко всему тому, как кажется, чему и служит академическое одурачивание народов.

Представляется, что Ю.М. (как и я тоже) с радостью бы заменил в корне порочный глобализм на старый добрый космополитизм. Новые глобалические божества (технологические, экономические, политические и др.) не освободили мир от голода, нищеты, неравенства, безработицы, эксплуатации, отчуждения, отсталости, невежества, фанатизма, терроризма, экологических катастроф и все более частых кризисов, а еще более усугубили человеческое бытие.

Эта книга не решает экономических проблем, но устраняет многие экономические заблуждения, обозначает ученые парадоксы и указывает на очевидные наукообразные нелепости.

Тщательное чтение этого уникального и увлекательного философско-экономического текста вызывает слишком много поводов для комментариев и разъяснений, что невозможно сделать в кратком отклике, и поэтому я завершаю его утверждением: все сколько-нибудь серьезные и честные исследования экономики и ее научного отображения должны учитывать сказанное в этой ценной книге Ю.М. Осипова.

С.Ю. РУМЯНЦЕВА

**Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта
(размышления над книгой «(Не)Реальный капитализм
В.Т. Рязанова»)***

Аннотация. В статье на основе понятия геополитэкономии В.Т. Рязанова рассматривается мотивационная структура современного конфликта интересов в мировой экономике. Определяются ключевые мотивационные структуры аффективного экономического поведения и экономического поведения в условиях достигнутого комфорта. Оценивается инновационный потенциал шестой длинной волны и военные риски, порожденные циклом Модельски. С этих позиций оцениваются инновационный потенциал мировой экономики и риск военного противостояния, а также возможности реиндустриализации России.

Ключевые слова: геополитэкономия, экономическая мотивация, инновации, экономические циклы, реиндустриализация России.

Abstract. In the article we consider the modern economic and geopolitical risks, connecting with the upswing phase of future Six Kondratieff wave and the phase of world war of Modelsky cycle. It was analyzed the main motivational and behavioral attitudes of first, second and third world, ignoring real necessity of innovation in ecological production and oriented on the affective behavior. In this vein, the issues raised by V.T. Rjazanov are considered, connecting with revitalization of geopolitical economy and industrialization of the first world and Russia

Keywords: Kondratieff waves, Modelsky cycles, economic behavior, global risk, reindustrialization.

УДК 330
ББК 65

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Румянцова С.Ю. Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта (размышления над книгой «(Не)Реальный капитализм В.Т. Рязанова») // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 257— 266.

*Не дай!
Не дай уснуть в Армагеддоне!
Наш путь.
Под кружевом небес глухонемых.
Ищи.
В церкви бесколокольных перезвоне
Поймай.
Держи.
Люби.
Не трепещи.
Слышь,
Алый ангел на разгоне
Вновь с возделеньем плачет о живых.
(2010)*

В 2012 г. перспектива мировой войны пугала и не была сформулирована отчетливо [4]. Сейчас она не пугает, привычным фоном проходя по новостным лентам.

Дж. Арриги пишет о смене циклов накопления капитала, в промежутках между которыми наблюдается что-то вроде общецивилизационной депрессии, мир-система Ф. Броделя колеблется в столетних ритмах роста и падения подушевого ВВП, ему вторит И. Валлерстайн, анализируя колеблющуюся поверхность мир-системы. Среди них откровенным простаком выглядит Дж. Модельски, который все назвал своими именами — фаза мировой войны, фаза мировой силы, фаза делегитимации, фаза деконцентрации. Ежеутренние сообщения Рамблера подтверждают его правоту, показывая медленное сползание планеты в фазу мировой войны.

Почему так происходит? Борьба за ресурсы в преддверии нового цикла накопления капитала. Недаром Н.Д. Кондратьев писал, что на повышательных фазах длинных волн наблюдаются военные конфликты. Но все же мы, даже не родившиеся в то время, помним колоссальный подъем 1950-х — 1960-х и почему-то считаем, что подъем каждой длинной волны должен быть столь же впечатляющим. А между тем, если обратиться к истории длинных волн, то за все время их промышленного существования наблюдалось только два таких резких подъема — в 1740—1770-х и в 1950—1960-х — собственно, как утверждают Л.Е. Гринин и А.Л. Гринин, во времена революционных изменений в промышленном принципе производства — когда происходили и первая и вторая промышленные революции [3]. Во время первой были изобре-

тены автономные механические машины вроде ткацкого станка и парового двигателя, во время второй — полупроводник и транзистор.

Что было внедрено в 1990-е — в начале пятой длинной волны? Где третья промышленная революция? Распространение сетей не было революцией — это было лишь продолжение второй промышленной революции, начавшейся в 1950-е. Отсюда четвертая длинная волна включила в себя две технико-экономические парадигмы — полупроводниковую и автомобилестроительную, поздно начинать отсчет развития ИКТ с 1990-х гг., когда началась пятая длинная волна.

Откуда взялся термин Industry 4.0, если не было третьей промышленной революции? Подъем пятой волны, кроме продолжения транзисторно-полупроводниковых технологий, не принес ничего принципиально нового. Да, появились и персональные компьютеры, сети и различные гаджеты. На этом все. Что мы ждем от шестой волны? Медицинских и биотехнологий в качестве ведущих, оптоволоконных систем, фотоники. И пятая, и шестая волны опираются на ориентированное на индивидуализированное потребление производство. Это принципиально новый мир, с удовлетворением неведомых ранее потребностей, но без экономического роста. И к развитым странам в этом мире можно отнести все страны, потребители в которых имеют доступ к ИКТ, а в будущем — и к разветвленной сети индивидуализированного медицинского производства, повышающего качество жизни, но мало отношения имеющего к накоплению богатства в его исходной форме, материализованной в средствах производства, требующих колоссальных вложений.

В то же время это борьба за ресурсы развитых стран между собой и развитых стран с развивающимися, которые, не достигнув еще удовлетворения первичных потребностей, осведомлены посредством ИКТ о возможном уровне комфорта. Информация о возможном комфорте стала доступной, порождая аффективное поведение — от терроризма до потоков миграции.

Борьба за комфорт или, точнее, против носителей комфорта — вот основа терроризма как составной части третьей мировой войны. Это сильный аффект. Но не менее сильный аффект и на другой стороне — мировое господство — «In God we Trust». Комфорт как образ жизни, когда инновации не являются жизненно необходимой потребностью — и аффекты господства и зависти становятся главными экономическими мотиваторами действия или бездействия людей. Вот таково начало шестой длинной волны.

Что представляла с экономической точки зрения собой пятая длинная волна в первую очередь? Финансовый пузырь. ИКТ не удовле-

творяют первичных потребностей человека, они уже были удовлетворены, они стали виртуальны, как виртуален и денежный оборот, обслуживающий их. Общество комфорта требует энергии, и к мультипликатору подключаются нефть и газ, становясь основными виртуальными биржевыми товарами. Остальной мир голодает. Страдает от засух и недостатка воды, детской и материнской смертности. Попытки разрешить дисбаланс между богатым Севером и бедным Югом были смесью наивности и цинизма, поскольку всерьез помогать никто не собирався, а подачки привели к демографическому буму при естественных мальтузианских ограничениях, что лишь усугубило проблему. Часть из них была просто коррупционно присвоена. Мир начал раскачиваться вслед за котировками нефти, порождая системные риски по всему миру.

Апокалиптичность кризиса усиливается нарастающими экологическими проблемами, которые затрагивают опять же в первую очередь третий мир — засухи, опустынивание, невозможность выращивать культуры, которые худо-бедно поддерживали воспроизводство населения стран с полупервобытнообщинным строем, находящиеся в югу от центра цивилизации.

Отсутствие объекта для колоссальных вложений, который перевернул бы наше представление о мире и сделал его более приспособленным к удовлетворению базовых потребностей людей по всему миру виртуализирует финансы первого мира, не замечая своего комфорта и заикленного на бесконечной игре.

Финансы идут под обеспечение новых финансов. Менеджерская революция 1980-х внесла в этот процесс и свою лепту — отделение функции управляющего от функции собственника выхолостило само понятие предпринимательства, в результате чего оптимизация на уровне равенства предельных и средних, которой мы учим студентов, превращается в реальный бред, поскольку менеджеры не смотрят на издержки, ориентируясь на оборот. Это создает благоприятную почву для развития спекулятивного и понци-финансирования а-la Мински, вызывающих финансовую хрупкость на микроуровне, которая через систему взаимно переплетенных долговых обязательств переползает на уровень макро- и глобальных финансов.

В то же время возможные носители старого предпринимательского духа — малые инновационные предприятия, которые могли бы внести свою посильную лепту в создание нового продукта — находятся в той же правовой среде, что и обычные предприятия промышленного сектора и сектора услуг, и даже если они находятся под эгидой своего доминиона, он требует от них... безубыточности.

Чего мы ждем от шестой волны? Подъема? На базе каких новых производственных секторов? На базе удовлетворения каких новых потребностей, кроме потребности в комфорте и развлечениях в рамках первого мира?

И это не просто переход к фазе мировой войны, по Модельски — за этим процессом не видится позитивной смены модели мироустройства. Первый мир комфортен и не склонен к инновациям. Остальные завидуют — это аффект. Идет война. Европу захлестывают волны мигрантов.

Популярной стала концепция интегрального общества [1]. Дескать, западные страны переняли элементы социализма, а восточные — Китай, Вьетнам, отчасти Индия — внедрили — и весьма успешно — у себя капиталистические отношения. Но в западных странах сворачиваются социальные программы, а в восточных странах капитализм никогда не перерастет в истинное шumpетерианское предпринимательство с внедрением радикальных инноваций, поскольку для последнего нужна доля хищничества, а не просто опора на руководящую и направляющую руку партии. Эти страны смогут стать конкурентами первому миру в борьбе за ресурсы в достижении эталонного образа комфорта, перенять некоторые модели потребительского поведения и военной защиты, но очень мала вероятность их потенциала в создании базисной инновации, создающей или удовлетворяющей новые потребности. А что делать с третьим миром?

Комфорт стал суперидеей первого и второго миров, куда относится и Россия. Эта суперидея борется с суперидеей терроризма. За схваткой этих идей мы забыли о главной — экологической — угрозе человечеству. И за схваткой этих идей не видно просвета, кроме новой борьбы в рамках первого и второго миров — уже за ресурсы, обеспечивающие комфорт. Инноватор-предприниматель шестой длинной волны умер, не родившись.

В этих условиях для России встает вопрос о реиндустриализации и ее методах. Связь инновационного прорыва с развитием базовых отраслей промышленности неоспорима — без базовых отраслей промышленности и сельского хозяйства новейшие технологии будет просто не к чему применять. Но куда ведет возможный инновационный прорыв в России? Какова цель реиндустриализации? Комфорт, в том числе и комфорт интеллектуальных игр, который мы выдаем за науку?

Есть ключевые технологии фотоники, биоинженерии, нанотехнологий, для национальной безопасности надо поднимать отечественную радиоэлектронику.

Но нет мечты, есть дрязги. И еще есть антимерца у террористов, и очень насыщенная энергией. Они не склонны к комфорту, но у них нет ни одной идеи, которую можно было бы назвать предпринимательской. Только возврат к истокам, в азиатское средневековье.

И в этих условиях — реиндустриализация. Да не просто возврат ключевых промышленных технологий назад в Европу, потому что ничего нового с нормальной капиталоотдачей не придумать. Даже в пятой волне, как указывает В.Т. Рязанов, инвестиции в основной капитал промышленности, основанной на ИКТ, не сопровождались значительным ростом нормы прибыли и производительности труда [5, 646]. А реиндустриализация России, у которой собственная промышленность сталкивается с постоянным инвестиционным голодом? Хорошо, пусть нефтяные деньги на инвестиции в промышленность, расширим инвестиционный спрос и вызовем при прочих равных шквал предложения... Чего? Супервысокотехнологичной продукции? Дефляция. Разорение. Заграница не купит — санкции. Спроса нет потребительского, из-за низкого уровня доходов, обеспечивающих привычный маленький комфорт. И именно его будут максимизировать — фрукты зимой, тепло и немного белковой пищи. А остальное даст изобретение 1930-х — телевизор — и изобретение 1940-х — компьютер.

В.Т. Рязанов пишет: необходимо расширить потребительский спрос, инвестиционный спрос, денежную политику [5, 535]. Расширить потребительский спрос, влить деньги непосредственно на потребительский рынок! А кто поставщик продукции? Другие страны, куда и уйдут деньги. Немного расширится сектор услуг, в том числе медицинских. Но может ли сектор услуг, обеспечивающих все тот же комфорт, стать стойкой основой экономического роста? Основная черта постиндустриализации — вымывание промышленного сектора [5, 514], да и аграрного том числе. В России постиндустриализация выразилась в концентрированной урбанизации, а те, кто остался в сельском хозяйстве? Даже в глухих деревнях мне доводилось наблюдать, как люди негодуют, что в универсам опять не завезли яйца...

Сельское хозяйство — и Россия снова великая аграрная держава?! Оказать одновременную финансовую поддержку и промышленному, и потребительскому сектору — и экономика вновь заработает? Но какова доля на наших рынках импортной продукции, собственно и обеспечивающей комфорт, от которого население не захочет отказываться в случае принятия автаркического мобилизационного режима? Запустить экономику России через развитие аграрного сектора возможно — там как раз пригодятся новые генные и биотехнологии, что потянет за собой развитие парка оборудования и научного парка. Спрос

на аграрную продукцию малоэластичен, и вполне можно попробовать поднять страну на новых технологиях через эту точку роста. Проблемой является объективное сравнение в человеческом сознании урбанистического комфорта и тягот сельской жизни, что предопределяет выбор миллионов, судя по масштабам ипотечного строительства. В духовном поле жителей России нет аффекта, порожденного завистью или тягой к мировому господству. В России есть только разность потенциалов в уровне комфорта между центрами и глубинкой. Решение этого вопроса на базе аграрной политики может привести к сайнтификации аграрного производства, повысив как следствие уровень комфорта в глубинке. Однако выбор между сельским предпринимательством и миграцией в урбанизированные районы — это реальный экономический выбор, в немалой степени определяемый аффектом зависти. Это то экономическое поведение, которое должно быть в центре внимания политэкономического анализа. Но это отдельная тема, связанная с общим кризисом экономической науки и поиском предмета политэкономического анализа.

Таковы извивы возможной футуристической истории, навеянные размышлениями над книгой В.Т. Рязанова. Он пишет о системном характере кризиса, исчерпанности как мировой, так и российской модели роста [5, 464—465]. В России надо просто создать условия для преодоления вывоза капитала за рубеж. А для этого необходимо обеспечить благоприятную бизнес-среду в российском обществе, предлагая для кредитов российским заемщикам и обеспечивая достаточный уровень монетизации экономики [2]. Выделяются отрасли с конкурентным преимуществом у России — это медицинская и фармацевтическая промышленности, оптоволоконные системы, фотоника. Но ведь не насадишь же эти технологии потребителю насильно, если он в них (кроме медицины) не очень-то и нуждается.

Максимизация комфорта и игра — вот что движет современным миром, а не максимизация прибыли. Америка — комфортная для жизни страна. И Россия — комфортная для жизни страна, особенно она была такой до санкций. Но вместо решения старой, канувшей уже в историю циничной постановки решения проблемы противостояния между богатым Севером и бедным Югом (циничной, поскольку никто не собирался ее решать), мир принял игру в войну. Социальное расслоение — тормоз экономического развития страны [5, 481], — пишет В.Т. Рязанов. Но то же самое можно сказать и о мире в целом. Перед лицом реальных угроз политики и финансисты создают игры в новые угрозы, пресытившись комфортом и максимизируя уже просто аффекты.

Дело в том, что дискомфорт (зависть) лишь в некоторых культурах порождает стремление к предпринимательству, и здесь не лишним будет вспомнить Макса Вебера. Но мы столкнулись с апокалиптической проблемой — те, кто раньше был проникнут предпринимательским духом, находятся в зоне комфорта и не склонны к производственным инновациям. Те же, кто находится в зоне дискомфорта, преобразуют аффект в миграцию и терроризм и тем более не склонны к инновациям. Конфронтации способствует техническая оснащенность неинновативных сообществ средствами ИКТ, которые они используют в военных целях.

При этом мир совершенно забыл о реальной угрозе, нависшей над ним, — угрозе изменения климата, — которую бы стоило быстро решать самыми высокотехнологичными методами.

Но Киотский протокол был предан забвению, а выхолощенное Парижское соглашение вообще не содержит экономических механизмов решения климатической проблемы.

Причиной всему этому — играющий, виртуализирующий все и вся финансовый капитал. Не прибыль там максимизируется предпринимательская, а аффекты. О необходимости социоинституционального реформирования мировой и российской экономики с упором на социализацию финансов, предотвращающую преобладание в экономике финансовых спекуляций и социализацию ренты, с акцентом на роль государства в поддержании научно-технологического разворота, пишет в своей книге В.Т. Рязанов [5, 635—636].

Вопрос лишь в том, куда должен быть направлен научно-технологический разворот. Мы всем приелись, нам всего хватает по меркам хотя бы столетней давности, а мы всё чего-то ищем, каких-то новых ощущений. Под дамокловым мечом экологической катастрофы. И под прицелом новой — совершенно иррациональной — войны.

Можно ли заглянуть за апокалипсис? Что будет там, лет через десять — когда мы пройдем бифуркацию дна кондратьевского цикла и фазы мировой войны по Модельски? Нет ни одной реально обоснованной жизнью угрозы, кроме климатической проблемы. Все остальное — игра во власть, аффект. Экономика аффекта и комфорта — при игнорировании того, что это не компьютерная симуляция — люди гибнут от бомбежек и голода.

Что-то должно произойти, чтобы из экономики деструктивного аффекта и пассивного комфорта перейти к конструктивной созидательной деятельности по спасению самой планеты, к предпринимательству поистине шумпетерианскому, но глобального масштаба.

Обращаясь к проблемам методологии экономической науки, ее столь часто обсуждаемого в сообществе экономистов кризиса и поиска ее предмета, стоит обратить внимание на зарождающуюся парадигму геополитэкономии, описанную В.Т. Рязановым [5, 40]. Рассматривая ее предмет, В.Т. Рязанов указывает, что в узком смысле им можно считать «экономические отношения по поводу самой глобализации в современном капиталистическом мире, ее эволюции и перспектив». Ведь в современном глобальном мире сталкиваются экономические мотивации множества культурных кодов, по-разному реагирующие на одни и те же экономические вызовы.

Можно с уверенностью сказать, что вызов дискомфорта представляет собой экономический аффект, который может быть как конструктивным (веберовская избранность, избранность идеологии коммунизма, например), так и деструктивным (избранность фашизма, терроризма, империализма). Аффект дискомфорта, в зависимости от исходно присущей культуре картине мира может породить как всплеск трудовой мотивации, так и военную агрессию, которую следует признать *следствием* экономического аффекта дискомфорта.

С другой стороны, экономическое развитие порождает безаффектный комфорт, экономическая мотивация которого распространяется на сохранение сложившегося порядка вещей, на модель безинновационного развития. В этой зоне комфорта с чисто экономической точки зрения находятся, в принципе, все развитые страны и Россия. Отсюда слабая инновационная мотивация старого мира. Но глобализация терроризма, возвышение новых держав-лидеров по валовому ВВП и стремление России запустить инновационный процесс сверху, через инвестиции в ВПК, вызвали аффект дискомфорта в центре империалистической системы, запустив цепочки прямых и обратных связей взаимных холодных и горячих агрессий.

Нам комфортно. И мы не хотим внедрять инновации. Кто-то обуреваем завистью, кто-то — страхом потерять экономическую власть. Эти факторы экономической мотивации определяют модель геоэкономики (Не)Реального капитализма, задавая нам только вектор понимания — что же все-таки в мире происходит.

Литература

1. Богомоллов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю., Глинкина С.П., Дашичев В.И., Куликова Н.В., Меньшиков С.М., Меньшикова Л.А., Пивоварова Э.П., Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество: Общетеоре-

тические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

2. Глазьев С., Фетисов Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономист. 2013. № 1 (25).

3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. О шестом технологическом укладе // Кондратьевские волны. Циклическая динамика в прошлом и настоящем / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2016.

4. Румянцева С.Ю. Особенности современной фазы мировой экономической конъюнктуры // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2012. № 3. С. 3—19.

5. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.

References

1. Bogomolov O.T., Vodolazov G.G., Glaz'ev S.YU., Glinkina S.P., Dashichev V.I., Kulikova N.V., Men'shikov S.M., Men'shikova L.A., Pivovarova E.H.P., TSagolov G.N. Novoe integral'noe obshhestvo: Obshheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika / Pod red. G.N. TSagolova. M.: LENAND, 2016. 256 s.

2. Glaz'ev S., Fetisov G. O strategii ustojchivogo razvitiya ehkonomiki Rossii // EHkonomist. 2013. № 1 (25).

3. Grinin L.E., Grinin A.L. O shestom tekhnologicheskom uklade // Kondrat'evskie volny. TSiklicheskaya dinamika v proshlom i nastoyashhem / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2016.

4. Rumyantseva S.YU. Osobennosti sovremennoj fazy mirovoj ehkonomicheskoy kon'yunktury // Vestn. Sankt-Peterburgsk. un-ta. Ser. 5. EHkonomika. 2012. № 3. S. 3—19.

5. Ryazanov V.T. (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstvij dlya mirovogo khozyajstva i Rossii. M.: EHkonomika, 2016. 695 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Юбилей А.А. Пороховского

Крупному ученому-политэконому *Анатолию Александровичу Пороховскому* исполнилось 75 лет, из которых более полувека посвящены теоретической экономике. Руководя уже два десятка лет старейшей в России кафедрой политической экономии, создавая монографии и учебники, председательствуя в совете по защите диссертаций, Анатолий Александрович стоит, как святорусский богатырь, за политическую экономию, за отечественную мысль, органично вплетенную как оригинальная ветвь в мировую мысль. Многая лета, дорогой Анатолий Александрович — коллега, сотрудник, сотоварищ!

* * *

Ю.М. ОСИПОВ

Знаменательное тридцатилетие!

Аннотация. Лаборатории философии хозяйства экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 30 лет. Это неугасаемый очаг разнообразной гуманитарной мысли, не имеющий аналогов.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства, гуманитарная мысль, философия хозяйства.

Abstract. Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University — 30 years. This is an unquenchable hotbed of diverse humanitarian thought, which has no analogues.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, humanitarian thought, philosophy of economy.

В декабре 2018 г. исполняется 30 лет существования и деятельности *научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства* (до 2000 г. *лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов*) экономического факультета МГУ, созданной в 1988 г. по линии Государственного комитета СССР по науке в качестве

проблемной лаборатории по инициативе д.э.н., профессора Ю.М. Осипова и функционирующей до сего дня под его руководством.

Объем работы, проделанный лабораторией за 30 лет, воистину огромен: три сотни личных и коллективных монографий; более полусотни крупных научных форумов; 120 книжек уникального для отечественной и мировой науки журнала «*Философия хозяйства*», выходящего в свет уже два десятилетия; великое множество малых научных мероприятий — симпозиумов, семинаров, заседаний круглого стола, дискуссий, лекций, встреч, не говоря об участии сотрудников лаборатории во внешних для МГУ и России мероприятиях и публикациях, ну и, конечно же, необозримое количество опубликованных сотрудниками лаборатории статей, разных иных материалов.

Главным научно-институциональным достижением лаборатории является создание, утверждение и развитие не имеющей аналогов в России и за рубежом *научно-образовательной школы философии хозяйства*, входящей с 1998 г. в государственный реестр научных школ Российской Федерации.

С появлением этой междисциплинарной школы произошли возрождение и окончательное утверждение в Московском университете открытого в начале XX в. творческими усилиями выдающегося русского мыслителя С.Н. Булгакова и подвергнутого затем нарочитому забвению в СССР философско-хозяйственного (а одновременно и социологического направления русской и мировой гуманитарной мысли).

Философия хозяйства — свободное, целостное, схолическое разнообразное, открытое, не стремящееся к предметной ограниченности, аксиоматической заданности, категориальной системности и концептуальной завершенности знание-размышление, не замыкающееся в пределах собственно науки и научной философии, приверженное метафизическому, полилектическому, софийному гнозису.

Философско-хозяйственный подход к гуманитарной, социальной, когнитивной, культурной, цивилизационной, научно-технической, природной, исторической, экономической, политической, государственной и иным реальным сферам позволяет по-особенному видеть и по-иному, чем обычно принято в науке, трактовать содержание, реализацию и ход человеческого бытия, как и самого человека, его хозяйства, учитывая как всё с ними связанное феноменально-фактологическое (по гносоонтологической горизонтали), так и всё нуминально-смысловое (по гносоонтологической вертикали), ничем из отмеченного не пренебрегая и ничего из него априорно не отвергая — ни непосредственно-имманентного, ни опосредованно-трансцендентного.

Идейно-концептуальный вклад лаборатории в гуманитарную, обществоведческую, хозяйственную и экономическую мысль объемён, разнообразен и уникален.

Заслуживают быть особо отмеченными следующие творческие достижения:

- идейно-концептуальная и методологическая разработка *современной философии хозяйства*, не порывающей ни с многовековой российской и мировой традицией, ни с отечественной и европейской донаучной мыслью, ни с рубежным (от С.Н. Булгакова) постнаучным откровением начала XX в., но интерпретируемой в соответствии с текущим и наступающим из будущего историческим временем, развернутой вокруг и интенсивно изменяющейся социохозяйственной реальностью, бурно нарастающей новой культурно-когнитивной революцией;

- разработка и внедрение в познавательно-размыслительную практику *постнаучной — метафизической, полилектической и софийной — методологии*, предназначенной для обнаружения, фиксации и осмысления глубинных (смысловых, сущностных, субстанциальных, ноуменальных) токов (течений, потоков, тенденций) реальности, как раз содержательно, событийно и динамично в основе и в главном человеческое бытие и определяющих;

- разработка и эффективное применение оригинального познавательно-оценочно-проективного направления гуманитарной мысли — *целостного социохозяйственного концептуализма*, позволяющего не только исследовать феноменально-фактическую сторону бытийно-исторической реальности, но и постигать ее внутренние сущностно-смысловые интенции и ходы, ориентируясь при этом не так на субъектно-гносеологический, как на объектно-онтологический концептуализм (объективный или реальный концептуализм), который, как осознает и утверждает софийная философия хозяйства, в реальности тоже есть;

- выделение и применение в мировоззренческом аспекте трех гносео-онтологических триад: «Бытие — Хозяйство — История», «Телеология — Апокалиптика — Эсхатология», «Премодерн — Модерн — Постмодерн», что позволило дать весьма убедительную картину большого мирохозяйственного процесса как, с одной стороны, проективно-имманентного человеческого деяния, так и, с другой стороны, самопроизвольно-трансцендентного объективного действия;

- существенный концептуальный вклад в *теоретическую экологию*, обусловленный различением феноменов-понятий «хозяйство» — как общего жизнеотправления человека, и «экономика» — как особого, *стоимостного* по сути и механизму, частного (локального) от-

правления хозяйства, а также трактовкой стоимости как идеальной (умственной, когнитивной, эфирной, духовной) субстанции, имеющей в реальности специфическую цифровую выраженность (плоть) и реализующейся в экономическом пространстве (ментальном, сознанием, ноосферном поле) не столько через воспроизводящийся системный порядок, сколько через синергично творящий внесистемный хаос, находящий функциональное выражение в *хаосмосе* — выходящим из хаоса, но не достигающем космической упорядоченности, неустойчивого, изменчивого, постоянно рождающегося порядка;

- трактовка реализующейся в реальности социохозяйственной организации, включая экономическую, как *«организации самоорганизации»*, синергически сочетающей *волевою сознательную организацию со стихийной бессознательной самоорганизацией*, а также трактовка управления в социуме, хозяйстве и экономике как триединого процесса, сочетающего собственно *субъектное управление со стихийным самоуправлением среды и ее же неуправлением*;

- разработка основ *теории хозяйственных механизмов, теории хозяйства, теории переходных кризисных процессов* (социохозяйственных трансформаций, трансгрессий, кризисов и катастроф), а также ведение систематического анализа (мониторинга) *мировой и российской социохозяйственной реальности*, отличающейся ныне особой динамичностью, неопределенностью, дискретностью, аритмичностью;

- фиксация, оценка и трактовка *качественных социохозяйственных перемен*, обусловленных *новой волной научно-технического прогресса* в обстановке постгуманистического Постмодерна с акцентом на *кибернейроцифровизацию* хозяйственной деятельности, экономики, сознания, интеллекта, мышления, творчества, образа жизни, культуры, цивилизации, что открывает дорогу не только к *феноменальной трансформации*, но и к существенной *трансгрессии* человеческого бытия в *постчеловеческое бытие*, а самого человека — в *постчеловека*;

- весомый, а в чем-то и определяющий, вклад в историческое и актуальное *россиеведение*, в осмысление российского трансгисторического пути и нынешних реформно-революционных перемен в хозяйстве, цивилизации, обществе, культуре, во всем образе бытия, как и в самой по себе России, с выдвижением идеи и обоснованием необходимости актуального *постреформенного социохозяйственного перестроения России* с движением России к... *самой России* — *новой России*, на условиях суверенитета, взаимовыгодного международного сотрудничества, мобилизации национальных производительных сил, интеллекта и ресурсов, для всестороннего внутривостранового развития;

- существенный вклад в трактовку российской истории как метаисторического, телеологического процесса, «зараженного» апокалиптикой и «заряженного» на неотмирную эсхатологию;
- заметный вклад в историю российской гуманитарной мысли (мировоззренческой, философской, хозяйственной, литературной, софийной) с подготовкой и изданием серии книг, брошюр, статей;
- обоснование феномена *русской софийной философии*, открытие и обоснование *софиасофии*;
- оригинального осмысления реализация сравнительного анализа российской и германской гуманитарной мысли Новейшего времени;
- разработка общего контура *русской идеологии для России* с учетом древнейших идеологических оснований «русизма» как особенного этно-культуры-культурного феномена, а также испытанных Русью-Россией внешних идейных влияний, не избежавших как силовых внедрений, так и относительно вольных заимствований (христианство, византизм, ордынство, европеизм, гуманизм, евразизм, глобализм), с выдвиганием итогового тезиса о *неотмирности русскости, русского духа, русского характера, русского когнитива*, но при этом с учетом полиэтничности и многоконфессиональности России, ее великодержавности и имперскости, однако все это с восприятием современных качественных перемен в бытии человека, человечества и России, на основе и в русле отечественной гуманитарной мысли, русской философии и софиологии;
- выдвигание и обоснование — в развитие идеологии русского космизма и в русле актуальных технологических и гуманитарных перемен — идеи и концепта *земно-космического хозяйства*, что означает и концептуальное преодоление парадигмы *глобальной экономики*;
- разработка и эффективное применение метода *концептуального мониторинга социохозяйственной реальности*, что позволяет отслеживать, а в известной мере и предвидеть происходящие в реальности и с реальностью перемены, предлагать и обосновывать как возможные их корректировки, так и находить новые проективно-практические разрешения;
- осмысление актуальных тектонического порядка перемен, имеющих место в планетарном мире, участие в обосновании перехода к *многополярной конструкции мира*, а также выдвигание и обоснование идеи *общемирового геостратегического компромисса* в противовес нависающей над миром угрозе глобальной истребительной войны «всех против всех»;

- выдвижение и обоснование необходимости и возможности обращения человека, во всяком случае — российского, к идеологии *гармонического космизма*, когда человек рассматривается как феномен космический, ведущий умеренное (с осознанием исходной и итоговой меры) *земно-космическое хозяйство*, а с ним и всё свое жизнеотправление, — и ежели это почитать за гуманизм, то уже за *новый гуманизм* — ответственный, аскетический, строгий.

Не обретя возможности вести полноценный учебный процесс в философско-хозяйственном (мировоззренческом, метафизическом, софийном) ключе, лаборатория все-таки подготовила *«Примерную программу философии хозяйства»* (2003), как и выпустила, помимо тех же *«Основ предпринимательского дела»* (1992, 1996) и трехтомной *«Теории хозяйства»* (1995—1998), учебное пособие *«Курс философии хозяйства»* (2003), обосновав тем самым не только чисто научный, но и вполне образовательный характер университетской школы философии хозяйства.

Ведя концептуальный мониторинг текущей российской и мировой реальности, осмысливая происходившие в ней деяния, события и процессы, оценивая их и квалифицируя, обозначая возможные перспективы и выражая свои предпочтения, лаборатория всегда стремилась доводить наработанное ею до высших правительственных кругов, находя известное отражение своих концептуальных интенций в государственной идейно-политической практике.

Следует отметить, что высокая плодотворность лаборатории в немалой степени обусловлена активным ее сотрудничеством с *Центром общественных наук при МГУ* (НИИ I кат., 1990—2016), ныне преобразованном в *Научный совет «Центр общественных наук МГУ»*, а также со созданными по инициативе ЦОН при МГУ и тесно связанными с лабораторией *Философско-экономическим ученым собранием* (1999 г., около 400 членов) и *Академией философии хозяйства* (2009 г., около 150 членов).

Лаборатория много сделала и делает для распространения идей и концептов философии хозяйства — теоретической экономики, постнаучной метафизической гносеологии, нового концептуализма, актуального мировоззрения, практической аналитики, ведя конструктивный диалог с заинтересованными учеными и преподавательскими кругами, добившись немалого признания, широкой известности и высокого авторитета в России и за рубежом, став оригинальным, не имеющим аналогов, вполне и притягательным центром-очагом разнообразной гуманитарной мысли.

* * *

Е.С. ЗОТОВА

О философско-хозяйственном мониторинге текущей реальности (дискуссия на Орленковских чтениях — 2018)

Аннотация. В статье представлен обзор выступлений на всероссийском научном симпозиуме «Философско-хозяйственный мониторинг текущей реальности: методологемы и прaxis» (сентябрь 2018 г.).

Ключевые слова: философия хозяйства, философско-хозяйственный мониторинг, космическое хозяйство.

Abstract. The article presents a review of reports on Russian scientific symposium «Philosophical and Economic Monitoring of the Present: methodology and practice» (september, 2018)

Keywords: philosophy of economy, philosophical and economic monitoring, space economy.

Организаторы — Научный совет «Центр общественных наук МГУ» и Академия философии хозяйства — состоявшегося в сентябре 2018 г. в ВДЦ «Орленок» научного симпозиума «Философско-хозяйственный мониторинг текущей реальности: методологемы и прaxis» сформулировали темы для обсуждения так: «Философия хозяйства — не только абстрактное мировоззренческое знание-размышление, это и практическое знание-размышление, имеющее уникальную возможность по-особому видеть, оценивать, моделировать текущую вокруг реальность (причем — любую!), проникая в суть, ноумен, криптосферу, оперируя смыслами и смыслопотоками, контактируя с метафизисом бытия, с ноосферой, с трансценденцией и неизвестностью (незнанием!). У действующего в России на базе МГУ философско-хозяйственного сообщества достаточно накоплено подтверждений как понимания им развертывающейся реальности, так и кое-какого предвидения вокруг напористо происходящего. Сложилась эффективная практика философско-хозяйственного мониторинга текущей реальности, дополняемого не только кое-каким “прогнозингом”, но и весьма недюжинным концептуальным управленчеством. Философия хозяйства не только объясняет реальность, не только ее предвидит, но и влияет на ее течение. Попробуем разобраться, собравшись в кружок, вдруг и в самом деле так! Тогда — вперед!».

Открывая заседание, профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Первой темой для обсуждения на симпозиуме выдвинута проблема концептуального, смыслового философско-хозяйственного, в основе метафизического, мониторинга текущей российской реальности, как раз той самой реальности, которая сложилась в стране как генетически *пореформенная*, но при этом и как уже непосредственно актуальная — *послевыборная* (с марта 2018 г.).

Возникший в России по итогам реформы 1990-х социохозяйственный строй был еще в середине 2010-х нами определен как *произвольный финансово-административный деспотизм*, вполне себе и азиатский, пусть и с экономикой, рынком, капиталами, банками и иной западной атрибутикой. Это определение было доведено до высших правящих кругов, включая и первого лица в российском государстве, его администрации. В то же время мы выступили за *системное перестроение страны в постреформенном* русле, призывая не к полной ликвидации уже достигнутого реформой, а к существенной корректировке по линии системной социохозяйственной сбалансированности (баланса интересов и возможностей) и создания условий для активного суверенного социотехнического развития. Это тоже было доведено тогда до высших органов власти.

Нельзя сказать, что мы не были услышаны или не поняты, но доминирующая и правящая в стране административно-корпоративная система не только не устремилась по предложенному нами пути, но увлеклась весьма странными управленческими реформами, то ли исполняя какие-то обязательства перед глобализмом, то ли попросту подражая “передовой загранице”, то ли намереваясь укрепить достигнутое.

Так или иначе, но сегодня, когда народные (электоральные) ожидания существенных перемен не сбылись, а власть по-прежнему увлечена “странными менеджерскими реформами”, лишь загоняющими проблемы страны и сам правящий режим в тупик, мы имеем не что иное, как *кризис пореформенного устройства и состояния страны*, сочетающийся с *кризисом системы и практики управления*, а главное — с *кризисом фундаментального, сакрального по характеру, отношения “власть — народ”*.

Доверие, оказанное народом действующему лидеру страны во время президентских выборов, тает на глазах. Вместо коренных перемен в устройстве и состоянии страны населению предлагаются либо косметические, либо поборные “новаторские инициативы”, причем не только в рамках и в угоду все той же пореформенной системы, но и никак не отвечающие потребностям “низов”, наоборот, явно идущие вразрез с ними. Вовсе не этого, надо полагать, ожидал широкий российский электорат!

В стране возникла ситуация, сходная с уже бывшими в истории России аналогичными невнятно-безнадежными ситуациями, как раз и приводящими рано или поздно к тем или иным социально-политическим потрясениям и катаклизмам. Это ситуации неодолимого просто так разрыва между “верхами” и “низами”, между правлением и национальной (управляемой) средой, между верховной властью и народом. Не упущен ли нынешним верховным руководством уникальный шанс не допустить сего опасного разрыва, опершись на народный электоральный мандат, выданный на необходимые для этого перемены, уже и *постреформенные*?!

Есть, над чем задуматься еще остающимся в стране мудрецам, есть, что им между собой обсудить, есть, что поведать властям предержажим, ибо Россия, хоть в целом и ошарашенно помалкивает, но ведь в умах и сердцах своих напряженно чего-то от властей нетерпеливо ждет — нет, конечно, не манны небесной, а всего лишь позитивных для страны коренных перемен, которых, судя по всему, не будет».

В выступлении профессора **В.Т. Рязанова** (СПбГУ) было обращено внимание на исторический контекст современной ситуации в экономике страны. Нарастающая потребность в смене экономического курса, определяемая усилением санкционного давления и исчерпанностью внутренних факторов роста, ранее используемых, требует серьезной коррекции проводимой экономической политики. В этой связи опыт нэповской политики разворота в сфере экономики, успешно осуществленного в 1920-е гг., дает пример того, как можно добиваться экономического успеха. Из такого опыта надо извлекать полезные уроки для современного периода. Об этих уроках и напомнил профессор Рязанов.

На рубеже XX—XXI вв., отметил профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ), разразился кризис неолиберальной идеологии и произошел крах практического социализма, что привело к хаосу в международных отношениях, глобальному перманентному экономическому кризису, религиозным войнам, кризису человека. Россия оказалась в западне неолиберализма, что подорвало ее силы, но не уничтожило. Выход сегодня видится в преодолении неолиберальной утопии, мобилизационной экономике, авторитарно-диктаторской форме правления, а в конечном счете — переходе к практическому гуманизму. Это должно стать сверхзадачей и для других государств мира, поскольку все яснее вырисовывается такая альтернатива: либо практический гуманизм, либо исчезновение человеческой цивилизации, сделал вывод М.М. Гузев.

В своем выступлении профессор **В.В. Кашицын** (Новороссийск) в качестве квинтэссенции основной методологической проблемы современной российской экономики и общества в целом обозначил стре-

нительно нарастающую актуализацию дилеммы смены экономического курса на основе активизации работы внутреннего рынка страны. От целого к части самый короткий путь. От части к целому — самый сложный и иррациональный. Все экономические функциональные проблемы в варианте движения от целого к части решаются, как правило, быстро и эффективно. В противном случае экономические противоречия углубляются, воспроизводятся и блокируют развитие и, в конечном итоге, могут привести к катастрофе, что и наблюдается применительно к экономическому курсу, реализуемому в стране последние 30 лет.

Кредитно-инвестиционный коллапс в российской экономике, производный от зависимой от доллара курсовой политики рубля, фактически блокирует экономический рост, обесценивает реальные доходы юридических и физических лиц и практически выводит механизмы управления в сферу влияния глобальных конкурентов страны. Санкции, практически конфискационная пенсионная реформа, фактический крах системы образования, особенно высшего, системная коррупция масштабно подрывают остатки кредита доверия к сложившейся системе управления и мотивации как на коммерческом, так и в целом на государственном уровне. И здесь имеющие безусловно место отдельные функциональные, в целом поверхностные для экономики и общества успехи все более напоминают вершину айсберга, который в любой момент может перевернуться, так как методологический актив накопившихся проблем, находящихся под водой, стимулируется уже не только проблемами, но и, на первый взгляд, успехами, так как усиливает противоречия и диспропорции по всему экономическому и общественному спектральному полю. Вместе с тем развитие всегда зиждется на системном гибком причинно-следственном балансе политико-экономических процессов, заметил В.В. Кашицын.

В выступлении д.э.н., профессора **Л.Ю. Андреевой** (РГУПС, Ростов-на-Дону) была дана оценка перспективе дедолларизации российской экономики, начавшемуся процессу приобретения большего веса рубля и активного его использования. Для снижения влияния западных санкций правительство стремится уменьшить долю доллара во вложениях российских инвесторов. Современные долларские торговые операции в глобальной экономике способствуют возникновению больших объемов долларов, которые фактически направляются на кредитование США по очень низким ставкам. Такая ситуация на мировом финансовом рынке позволяет США выдерживать огромные военные расходы и обслуживать многотриллионный госдолг. В ответ на американские санкции Россия может отказаться от доллара в международных расчетах, в том числе при торговле нефтью и нефтепродуктами. Цель дедолларизации состоит в том, чтобы посредством продуманной экономиче-

ской политики обеспечить российскому бизнесу лучшие условия для расчета в любых валютах — например, со странами Евросоюза российские компании могут производить расчеты в евро, а с КНР соответственно в юанях. У российских инвесторов необходимо сформировать интерес к приобретению активов в рублях, поэтому для укрепления российской экономики важно сделать более привлекательными не валютные, а рублевые депозиты, создавая стимулы для инвестирования, заметила Л.Ю. Андреева.

В своем выступлении **В.В. Чапля** (к.э.н., доцент КубГУ, Краснодар) сказал, что в условиях кризиса концептуальной модели бытия актуализируется поиск альтернатив. Различия в подходах и виденье будущего обусловлены личными предпочтениями (любимой теорией): так, одни призывают к возврату традиционного прошлого, вторые — к модернизации существующего, третьи — к прыжку в бездну будущности. При этом наличие индивидуальных предпочтений приводит к попаданию в идеологическую ловушку, когда альтернативный взгляд не просто неприемлем, а воспринимается как угроза. Узость концептуального горизонта исторических проектов не дает скомплементировать альтернативы виденья бытия. Синергетический эффект альтернатив как исторически логическое множество практики бытия не просто возможен, а представляет собой хаос, рождающий новый порядок, порядок большей размерности и концептуальности. В условиях смены модели нет невозможностей, можно реализовать самый нелогичный проект, так как нелогичность есть конфликт с частью целого, а при соотношении с новой концептуальностью бывшая нелогичность становится необходимостью.

Два тысячелетия человечество мучается верой и неверием в приход Спасителя. Ощущаемая человечеством пустота бытия достигла того уровня, что появившийся спаситель удивился бы гораздо больше, чем уставшие ждать его люди, заметил В.В. Чапля.

Профессор **С.П. Рамазанов** (Волжский филиал ВолГУ) констатировал наличие кризиса российского общества в сферах науки, образования, но кризис, по его мнению, как коренная ломка пока не затронул административную систему. Он обосновал это тем, что представители этой системы в своих действиях игнорируют принципы дополненности, целостности, историзма, базируясь, по преимуществу, на аксиологическом подходе с акцентом на ценности западного мира. Однако симптомы такого кризиса ощущаются все больше.

Профессор **И.Р. Бугаян** (ЮФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону) отметил, что внушительность количества новых предприятий, созданных в РФ в последнее время, мало и лишь косвенно влияет на экономику, поскольку преимущественно относится по своему профилю к обще-

ственному сектору ее хозяйства (ВПК, инфраструктура и иное подобное).

В РФ, как и в странах «золотого миллиарда», действует тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства. Мы развиваемся так, как можем, но не так, как нужно — без адекватного сопровождения экономическим сектором всего нашего хозяйства, что накладывает некую избыточную зависимость от: 1) конъюнктуры рынка мирового хозяйства; 2) темпов проникновения части общественного сектора хозяйства РФ в космическое пространство и его прикладного использования (ВКС, ГЛОНАСС). Последнее, возможно, и станет вынужденным содержанием всего нашего дальнейшего хозяйственного развития, подытожил И.Р. Бугаян.

Доцент **А.В. Андреева** (РГЦПС, Ростов-на-Дону) отметила, что оценка приемов, которые позволяют построить модель, предполагающую наличие решения, важного для дальнейшей деятельности или результата («методологема»), а также действия по их реализации («праксис»), имеет большое значение при попытке применения системного анализа при рассмотрении сложившейся социально-экономической ситуации в России. С учетом сохраняющегося фактора неопределенности модель развития экономики и общества в современной России зависит также и от ряда внутренних переменных, которые остаются неизменно задействованными в течение периода времени.

Если использовать теорию менеджмента и рассматривать модель как некий управляемый процесс, то в последовательности «цель — средства — результат — контроль достигнутого результата» можно остановиться на роли ограничения этапа «средства» (финансовые факторы: снижение покупательной способности рубля, платежеспособного спроса, прямых инвестиций в экономику России, бегство капитала, осуществление пенсионной реформы, повышение НДС с 2019 г. и т. д.). Следует также подчеркнуть важность именно проектного управления моделью развития экономики и общества в современной России как управленческого метода решения задач в масштабах всей страны в условиях ограничения времени и ресурсов, но с ориентиром на достижение поставленных целей. Вместе с тем управление процессами (политическими, экономическими, социальными и другими) в системе проектного управления способно переключить внимание с главного на второстепенное и помешать успешному достижению масштабных целей. В качестве одного из вариантов такого проектного управления можно рассмотреть управление по *Agile* — новую гибкую систему управления проектами, которая оказывает влияние на весь последующий праксис. В основе управления по *Agile* лежит идея того, что каждый участник управляемого процесса должен быть вовлечен в процесс

переосмысления своих задач и реализации всего своего потенциала ради общего дела, пояснила Л.В. Андреева.

Далее к.и.н. **И.П. Смирнов** (экономический факультет МГУ) дал оценку актуальной дискуссии, ведущейся в Европе и в первую очередь в Германии, по поводу отношения к исламу. Не только в политических, но и в академических кругах ведущих европейских стран в той или иной степени поддерживается тезис о «принадлежности ислама Европе», а постановка его под сомнение осуждается как неполиткорректная. Докладчик осветил стоящую в центре проблемы ситуацию с мигрантами, историю вопроса, видение будущего Европы разными политическими силами, затронул тему европейской идентичности, а также ловушек и тупиков идеологии политкорректности.

Заключая дискуссию по теме симпозиума, **Ю.М. Осипов** отметил, что «состоявшийся обмен мнениями в целом подтвердил наличие в стране кризиса пореформенной социохозяйственной системы, выражающегося, в частности, в нежелании верховного правления радикально преодолевать пагубное наследие 1990-х, менять в постреформенном направлении курс, не допускать опаснейшего разрыва между реформными “пастырями” и реформируемой непрерывно “паствой”. Что тут сказать?

Тут ведь не преступление, а... *ошибка*, как раз та самая — историческая, которая дорого обычно обходится самым что ни на есть успешным и удачливым ее “совершантам”.

Власть, лишаящаяся доверия народных-де масс, теряет так необходимую ей духовную поддержку, внешне, быть может, и не слишком выразительную, ибо она, как издавна водится на Руси, молчалива и неприметна, но зато единственно для властей предрежащих спасительна. Тут, знаете ли, сплошная мистика, но куда же от нее и без нее?

Да, можно не называть нынешнее состояние страны (и управления) кризисным, можно не считать его даже предкризисным, но согласимся, что не так важно бывает констатировать уже случившееся, как предвидеть еще только надвигающееся, хотя, как мне представляется, перед нами все-таки кризис, причем не кризис, пришедший из 1990-х, а уже совсем новый кризис, самый что ни на есть актуальный, уже вполне свой, для сложившейся системы собственный, родной, ясно говорящий о неспособности *этой* системы решать стоящие перед страной важнейшие социохозяйственные задачи, но зато говорящий о способности системы мешать стране спокойно жить, работать, творить, решая при этом *эти* важнейшие задачи.

Нужны серьезные и масштабные перемены, включая и перемены в системе управления национальным хозяйством и основными соци-

альными процессами, а их-то — этих перемен — нет и, кажется, не предвидится.

Одной “мертвой воды”, вылитой на страну в 2010-е в виде потока нефтедолларов, явно недостаточно для восстановления и подъема страны, нужна еще и “живая вода”, раскрепощающая все здоровые созидательные силы общества, причем “вода” уже не денежная, а духовная, — и откуда же ей, этой “воде”, излиться, ежели не с самого верха, из самого странового центра, а вот... станется ли оно — это сакральное излияние?».

Осознание кризиса, о котором речь, подвел итог Ю.М. Осипов, должно послужить откупориванию живого источника «живой воды», который пока, увы, закрыт, а «вода»-то уже рвется на российский простор, в пленении своем вынужденно закипая.

Предваряя вторую тему дискуссии — о *космическом хозяйстве*, — профессор **Ю.М. Осипов** отметил, что она родилась по причине выхода в свет двух работ нашего коллеги О.В. Доброчеева: статьи в «Независимой газете» от 6 июля с. г. под названием «Когда наступит XXI век» и брошюры «Философия космического хозяйства», подготовленной автором по его просьбе по случаю нашего симпозиума.

«*Космическое хозяйство*», сказал Ю.М. Осипов, — это не только хозяйство, творимое человеком непосредственно в космосе, это все нынешнее хозяйство, реализуемое человеком на планете Земля и в околоземном космическом пространстве. На смену «глобальному хозяйству» приходит *хозяйство космическое* — и не потому только, что в нынешнем хозяйстве задействована космическая составляющая, а и потому, что само зёмное хозяйство, виртуализируясь, цифровизируясь, преодолевая зёмное протяжение и земную долговость, оказывается уже не чем иным, как вполне себе достоверным космосом — *хозяйственным космосом*. Вот откуда, по мнению Ю.М. Осипова, весь космический пафос Доброчеева, а соответственно и космический уклон нашей философии хозяйства.

Далее, говоря о космических перспективах глобализации, к.т.н. **О.В. Доброчеев** (Научный центр «Курчатовский институт») заметил, что глобализация является первой фазой формирования на Земле единой планетарной социально-экономической системы. Для понимания особенностей и перспектив ее дальнейшего развития он рассмотрел различные варианты космической экспансии человечества. Свои прогнозы космического будущего автор построил на основе развиваемой им в последние десятилетия физической теории очень больших систем, ключевые аспекты которой опубликованы в 2002—2018 гг. в журнале «Философия хозяйства».

В частности, О.В. Доброчеев представил следующую краткую таблицу важнейших событий XXI в.:

- 1983—2018 гг. — рождение новых философских и научных идей и концепций;
- 2018—2053 гг. — период социального и инженерного изобретательства;
- 2030—2035 гг. — создание первой Разумной Машины;
- 2053 г. — завершение кризиса глобализации и построение мира глобальных держав;
- 2045—2060 гг. — волна космических открытий XXI в.;
- 2070—2075 гг. — появление принципиально нового вида космического транспорта;
- 2101 г. — начало внеземной формы жизни — солнечного человечества.

В заключительном слове профессор **Ю.М. Осипов** подчеркнул, что не будет никаким преувеличением, ежели мы поздравим себя и О.В. Доброчеева с рождением не только новых категорий, называемых «космическое хозяйство» и «философия космического хозяйства», но и с открытием *новой хозяйственной реальности*, стимулирующей и новые концептуальные разработки: новый тут онтос и новый гнозис! Со всем неплохо, не правда ли? — подвел итог Ю.М. Осипов.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

«(Не)Реальная экономика: кто, что, как?».

Экономика давно уже не просто совокупность взаимодействующих экономических субъектов, хотя это и продолжает быть так, а некое весьма деятельски и информационно закрытое ноосферное поле, в котором все творится настолько само внутри и в тени, что невольно возникает вопрос: «Что есть в реальности экономика, кто ее реально делает, как она реально работает, а может, она уже более теперь нереальна, чем реальна?».

Февраль 2019 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

***«Гуманитарная мысль перед вызовом, под прессом
и через призму цифрующей реальности»***

Цифра осваивает гуманитарную реальность, а цифрующая реальность атакует гуманитарную мысль, ставя ее, с одной стороны, на техногенный конвейер, а с другой — требуя от нее новой, весьма уже тоже технотронной, гносеологии. Что теперь гуманитарная мысль: отражение и дознаватель хомоса или же служанка и распорядитель техноса? Что с «гуманитаризацией» бытия: эволюция, революция, трансгрессия?

Март 2019 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019

Секция лаборатории философии хозяйства

***«Цифровой императив и новейшая экономика:
практика и концепты»***

Техногенная цифровизация все более внедряется в экономику, изменяя не только механизмы ее реализации, но и саму ее суть. Что реально происходит на практике и какие приходят на ум новые концептуальные разрешения?

Апрель 2019 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

***«Идеология актуальной России: традиция
и новизна»***

Россия уникальна, это не только особая страна и не просто специфический мир, это еще и большая трансисторическая идея, воплощающаяся и в своеобразной идеологии. Какова же она теперь — идеология актуальной России, та самая идеология, которая отражает, служит, ведет? Как в ней сочетаются традиция и новизна, какая при этом традиция и какая же новизна?

Май 2019 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

***«На родных просторах:
проблемы, деяния, разрешения»***

Что вершится на родной земле? Чем живет село и чем город? Труд, предпринимательство, творчество. Образование, занятость, социальная сфера. Технотронное бытие. Оцифровка. Новизна и традиция: новый мир по старой колее или же новая колея по старому миру: что?

Июнь 2019 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина

(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Орленковские чтения — 2019

***«Россия в перекрестке актуальных напряжений:
социум, экономика, технос»***

Актуальные напряжения: эндогенные (внутрисистемные) и экзогенные (извне). Социальноэкономический строй в России, его состояние и ход, задачи и проблемы, разрешения и неразрешения, риски. Давление извне и внутренние импульсы. Деяния, следствия, перемены. Бытие под перекрестным напряжением: что в итоге?

Сентябрь 2019 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**«Россия в координатах ударных перемен: социум,
экономика, технология»**

Перемены в мире и в России: общее и особенное. Вызревание перемен, их осознание, реальный ход и фактические итоги: что и как? Потребности, императивы, разрешения и неразрешения, риски, новейший социоэкономический портрет России. Количественная и качественная динамика. Что же на повестке: перемены в России или перемена самой России, ее концепта — ради перемен в России, но чьих и для кого?

Секции:

1. Концептуальная Россия в координатах мировых перемен.
2. Изменяющаяся Россия: социум, экономика, технос.
3. Управление переменами: намерения, практика, концепты.

Декабрь 2019 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, факультет стратегического управления ИБДА, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

РУДАКОВА ИСКРА ЕВСЕЕВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*iskrrud@mail.ru*).

ЕРМОЛЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и маркетинга, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Краснодар, Россия (*ermolenko_alex@inbox.ru*).

БРИЖАК ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и инвестиций, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия (*brizhak71@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория фи-

лософии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

МИРОШНИКОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

старший научный сотрудник, Омский аграрный научный центр, Омск, Россия (*55asc@bk.ru*).

БУШУХИНА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА,

научный сотрудник, Омский аграрный научный центр, Омск, Россия (*55asc@bk.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет, Киев, Украина (*sinjakovsv@gmail.com*).

ЛУЧИНИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*sergey.luchynin@yandex.ru*).

ОСИН РОМАН СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*roman.2014.os@gmail.com*).

ЛЕДЕНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент по кафедре истории и философии. Доцент, кафедра философии и биоэтики, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*ledenevaelena72@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

СИМОНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра профессиональных коммуникаций, Российский университет транспорта — РУТ-МИИТ, Москва, Россия (*kedinas@mail.ru*).

БАЯНОВ КВИНРАЙ РАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории и социально-гуманитарных дисциплин, Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, Глазов, Россия (*kvinray@mail.ru*).

ПАВЛОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА,

кандидат педагогических наук, доцент, департамент педагогики, Институт педагоги и психологии образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия (mapavl1@yandex.ru).

ЛАКОМОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

магистрант, кафедра общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (nastyalakovova@mail.ru).

ХУСЯИНОВ ТИМУР МАРАТОВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (timur@husyainov.ru).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Москва, Россия (tzag@mail.ru).

ДРАШКОВИЧ ВЕСЕЛИН,

доктор экономики, профессор, Морской факультет, Университет Черногории, Котор, Черногория (vesodraskovic@gmail.com).

РУМЯНЦЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (sveilana-rumyantseva@mail.ru).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (eszotova@mail.ru).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (osipov.msu@mail.ru).

SHEVCHENKO IGOR GEORGYEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (managerial@mail.ru).

SHULEVSKI NIKOLAI BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (shylevsk@mail.ru).

GUZEV MIKHAIL MIKHAYLOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Volzhskiy Branch of Volgograd State University, Volzhskiy, Russia (*guzev@vgi.volsu.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENEVICH
Candidate of Economics, Associate Professor, Chair of Economic Theory and World Economy, Moscow Financial-Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

RUDAKOVA ISKRA EVSEEVNA,
Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*iskrrud@mail.ru*).

ERMOLENKO ALEXANDER ALEXANDROVICH,
Doctor of Economics, Professor, Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia (*ermolenko_alex@inbox.ru*).

BRIZHAK OLGA VALENTINOVNA,
Candidate of Economics, Associate Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia (*brizhak71@mail.ru*).

ALPIDOVSKAIA MARINA LEONIDOVNA,
Doctor of Economics, Professor, Department of Theoretical Economy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

MIROSHNIKOV YURI ALEKSANDROVICH,
Senior Researcher, Omsk Agricultural Research Center, Omsk, Russia (*55asc@bk.ru*).

BUSHUKHINA LARISA LEONIDOVNA,
Researcher, Omsk Agricultural Research Center, Omsk, Russia (*55asc@bk.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,
Doctor of P Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

SINIAKOV SERGEY VASILIEVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, National Transport University, Kyiv, Ukraine (*sinjakovsv@gmail.com*).

LUCHININ SERGEY VLADIMIROVICH,
Postgraduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*sergey.luchynin@yandex.ru*).

OSIN ROMAN SERGEEVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow Financial-Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (*roman.2014.os@gmail.com*).

LEDENEVA ELENA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Bioethics, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia (*ledenevaele-na72@mail.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

SIMONOVA TATYANA ALEKSEEVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Professional Communications, Russian University of Transport — RUT MII, Moscow, Russia (*kedinas@mail.ru*).

BAYANOV KVINRAY RAEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History and Socio-Humanitarian Disciplines, V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, Glazov, Russia (*kvinray@mail.ru*).

PAVLOVA NADEZHDA PETROVNA,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogics, Institute of Education and Psychology of Education Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia (*mapav1@yandex.ru*).

LAKOMOVA ANASTASIYA ALEKSANDROVNA,

Master's Student, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Undergraduate of Department of General Sociology and Social Work, Nizhnii Novgorod, Russia (*nastyalakomova@mail.ru*).

KHUSYAINOV TIMUR MARATOVICH,

Postgraduate Student, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (*timur@husyainov.ru*).

YAKOVEZ TATIANA YURIEVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Pitirim Sorokin — Nikolai Kondratieff International Institute, Moscow, Russia (*tzag@mail.ru*).

DRASKOVIC VESELIN,

PhD, Professor, Marine Faculty Kotor, Montenegro University, Podgorica, Montenegro (*vesodraskovic@gmail.com*).

RUMYANTSEVA SVETLANA YURIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*svetlana-rumyantseva@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Содержание за 2018 год

Двадцатый! (Главный редактор)	№ 1
Слово и цифра (Главный редактор).....	№ 2
Хомос и Технос: кто кого? (Главный редактор)	№ 3
Философско-хозяйственный концептуализм (Главный редактор).....	№ 4
(Не)Заметное тридцатилетие (Главный редактор)	№ 5
Ю.М. Осипов	
Российский миттельшпиль	№ 5
В долгу перед Россией (Главный редактор).....	№ 6
Часть I. Философия хозяйства	
<i>М.С. Байнова, А.В. Петров</i>	
Культура и современная хозяйственная система в творчестве Сергея Булгакова.....	№ 4
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Религиозный характер советской эпохи.....	№ 2
<i>И.А. Горюнов</i>	
Постмодерн: от интернета вещей к нейронету людей?.....	№ 3
<i>М.М. Гузев</i>	
От неолиберальной утопии к практическому гуманизму	№ 6
<i>М.Г. Демина, В.С. Кравченко, О.Р. Чепьюк</i>	
От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации.....	№ 4
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Народодинамика, или Основы натуральной философии хозяйства	№ 1
<i>О.Г. Задорожная.</i>	
Триалектика как софийное исток-ядро хозяйственной полилектики.....	№ 3
<i>Г.В. Задорожный</i>	
Уномика и глобалистика как оконеченные судьбоносные науки о личности и хозяйстве и сценарии будущего	№ 5
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Воспроизводствогенез суверенности России.....	№ 3
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Коммерция против искусства: театрално-эстрадное шоу в механистической и органической философских парадигмах	№ 2
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Преодоление противоречий цифровой экономики при помощи органической философии	№ 5
<i>Д.А. Купряжкин</i>	
Наброски к философии криптоэкономики	№ 3

<i>А.О. Лёвкина, В.Е. Лёвкин, С.М. Халин</i> Онтологические и гносеологические особенности концепции социально-экономической системы гуманного общества, ее проектирования и осуществления.....	№ 3
<i>А.А. Одинцова</i> От неэкономического сознания к нооэкономическому сознанию: категориальный дискурс философии хозяйства	№ 1
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i> Солнечная система как текст культуры и ближняя область хозяйственной активности	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка»	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i> Бремя тектонических перемен, или Мистерияльный танец мировых пирамид	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i> Гуманитарная мысль сегодня: от невольной научной квазиметафизики к вольной постнаучной метафизике	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Софиасофские тетради (тетрадь восьмая).....	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i> Экономика и цифра: кто кого?	№ 2
<i>С.П. Рамазанов, Д.В. Гарбузов</i> Глобализация: восприятие и преодоление	№ 4
<i>Л.И. Ростовцева, М.Л. Гельфонд</i> Человек и техника: исторические аналогии <i>И.И. Рудяк</i> Этическая экономика: постмодерн как ненависть производителя к потребителю	№ 3
<i>С.В. Синяков</i> Метафизика в системе экономического бытия, истории и познании.....	№ 4
<i>Р.Е. Соколов</i> Становление философии хозяйства Евангелическо-социального конгресса	№ 6
<i>Р.Е. Соколов</i> Философия хозяйства германского протестантизма	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i> Метафизика стоимости	№ 6
<i>Н.Б. Шулевский</i> О чем безмолвствует современная Россия?	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i> Россия на пути создания Центрального военного совета русской неоимперии	№ 2
<i>Н.Б. Шулевский</i> Телеология и эсхатология техники	№ 5

<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Технос и Сфинкс	№ 6
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Новое видение теории и истории будущего цивилизации в России	№ 1
Часть II. Экономическая теория	
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Противоречия социально-экономической системы будущего: есть ли альтернативы?	№ 6
<i>И.В. Астафьев</i>	
Система мотивации как ключевой элемент эволюции макроэкономических систем	№ 3
<i>Д.Ю. Афанасьев</i>	
Философская проблема понимания капитала как общественной категории	№ 4
<i>В.В. Бирюков</i>	
Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки	№ 2
<i>М.И. Бородина, В.В. Столяренко</i>	
Политическая экономия сегодня: наука ради науки?	№ 2
<i>А.А. Гусейнова</i>	
Особенности инновационного развития современной экономики	№ 1
<i>С.А. Дятлов, Г.Ф. Фейгин</i>	
Факторы формирования инфраструктуры глобальной цифровой экономики	№ 5
<i>А.А. Ждановская</i>	
Общественный аудит государственного долга: опыт других стран и необходимость проведения в России	№ 5
<i>А.А. Ермоленко, О.В. Брижак</i>	
Новые формы отношений, возникающие в движении капитала	№ 6
<i>В.Я. Иохин, И.В. Ващекина</i>	
О теории трудовой стоимости	№ 4
<i>С.В. Кадомцева, Ю.О. Золотарева</i>	
Гармонизация налоговых систем как условие развития ЕАЭС	№ 5
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Цифровизация социально-экономического пространства: вызов и шанс для прорывного развития России	№ 5
<i>В.П. Кожевников</i>	
Структурный кризис российского капитализма	№ 1
<i>В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева, М.Л. Альпидовская</i>	
Может ли отечественная экономика иметь (обрести) помноженную (сдвоенную) производительность труда	№ 5
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Россия в глобальной экономике: аксиологический подход	№ 2

<i>В.М. Кульков</i> Российская экономическая модель: этапы и новые вызовы	№ 5
<i>Г.А. Логинов</i> Криптовалюты, блокчейн и майнинг как проявления постмодернизма в технологиях: pro et contra.....	№ 3
<i>Г.А. Маслов</i> Творческий труд: предпосылка теоретической революции?.....	№ 2
<i>Ю.А. Мирошников, Л.Л. Бушухина</i> Производительность труда и лицемерие архаичных методов ее измерения	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i> Об одной из катастрофических ошибок К. Маркса.....	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i> Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения	№ 1
<i>А.П. Никитин</i> Социальные и антропологические последствия развития технологий денежного обмена	№ 4
<i>О.В. Нифаева</i> Об эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой	№ 2
<i>Л.В. Решетова</i> Механизм взаимодействия разделения труда и монетарных отношений при переходе к цифровому экономическому укладу.....	№ 2
<i>И.Е. Рудакова</i> Поведенческая экономика — новая мода или новая парадигма?	№ 6
<i>А.И. Селиванов, С.Н. Сильвестров, В.Г. Старовойтов, Д.В. Трошин</i> Новое качество общественного развития как вызов современной эпохи	№ 4
<i>С.С. Слепаков</i> Институты в России: политико-экономические реалии и перспективы	№ 3
<i>Н.Л. Смелик</i> Формы количественно-качественных изменений: причинность и функциональность	№ 4
<i>Е.В. Трифонов</i> Закон системной демократизации экономической собственности	№ 3
<i>Е.В. Трифонов</i> Экономическое содержание совокупной личной собственности	№ 5
<i>А.М. Цикин</i> Проблемы трансформации отношений собственности в условиях развития конкурентоспособности.....	№ 5

<i>А.М. Цикин</i>	
Структура факторов конкурентоспособности национальной экономики	№ 3
<i>С.П. Юхачев, В.И. Меньщикова, И.В. Сафронов</i>	
Методология форсайта для формирования стратегических приоритетов развития экономики региона.....	№ 5
<i>А.В. Ямушкин</i>	
Закон возвышения потребностей и фундаментальное познание	№ 1
Часть III. Актуальная философия	
<i>К.Р. Баянов</i>	
Поисково-прогнозные основы преодоления неосознанности происходящего.....	№ 3
<i>И.Н. Белоногов</i>	
От эволюционной эпистемологии к вирусологической.....	№ 3
<i>И.Н. Белоногов</i>	
От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания.....	№ 4
<i>А.Р. Геворкян</i>	
Метафизические основания смерти Бога у Ницше	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Основные принципы дигитальной философии.....	№ 6
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Рассеянное существование как проблема современной России	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Философия хозяйства и антропогенез	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Философская аналитика сказки «Морозко».....	№ 3
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Противоречие (тезисы)	№ 4
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Субъекты логики (тезисы).....	№ 6
<i>Д.А. Давыдов</i>	
Есть ли смысл в транс-/постгуманизме?	№ 3
<i>А.В. Журавлева</i>	
Эсхатологическая этика как феномен русской философской культуры	№ 1
<i>О.Н. Казакова</i>	
Ценностно-смысловые императивы информационного мира: антропологический аспект	№ 2
<i>К.А. Кузнецов</i>	
О «треугольнике Фреге». Гносеологическое исследование трехуровневой семантики.....	№ 3

<i>В.А. Кутырёв</i> Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации).....	№ 1
<i>Е.В. Леденева</i> Природа и культура в концепции Карла Густава Юнга.....	№ 6
<i>Е.В. Леденева</i> Толкование культуры у Зигмунда Фрейда.....	№ 4
<i>С.В. Лучинин</i> Научный и идеологический аспекты марксизма в социально-философском уче- нии А.А. Зиновьева	№ 6
<i>С.К. Макаров</i> Несовпадение плана внутреннего и плана внешнего как антропологическая катастрофа.....	№ 5
<i>К.В. Молчанов</i> Антропогенез в смысле диалектики: от природы к природе, от человека к его индивидуальному духу.....	№ 2
<i>К.В. Молчанов</i> Могут ли современные науки осмыслить актуальные проблемы?	№ 5
<i>Р.С. Осин</i> О некоторых особенностях современного противоречия между производительными силами и производственными отношениями (социально-философский аспект).....	№ 6
<i>В.Е. Рыженков</i> Концептуализация хаоса в экономике как перспектива для современной философии.....	№ 5
<i>С.В. Сняжков</i> Эволюция идеи прогресса в зеркале противоречий современной цивилизации.....	№ 6
<i>А.Н. Фатенков</i> Сотворение и порождение в диалектике мужского и женского.....	№ 4
<i>А.Г. Штейнберг</i> К вопросу об онтологии женственности. К.Г. Юнг.....	№ 4
Раздел IV. Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i> Социальное знание и контексты знаний	№ 2
<i>Н.Е. Астафьева, В.Е. Черенков</i> Актуальные пути профессионального самоопределения обучающихся	№ 3
<i>А.А. Иванов, В.Н. Иванова</i> Истоки, структура и функции социальных связей в инновационной деятельности.....	№ 3

Часть V. Общая социология

К.Р. Баянов, Н.П. Павлова

Трансформация образовательной и воспитательной модели:
исторический и логический аспекты .....№ 6

А.А. Лакомова, Т.М. Хусяинов

Особенности социальной адаптации женщин-мигрантов:
региональный аспект .....№ 6

Т.А. Симонова

Демократизм социокультурных практик Древней Руси .....№ 6

Т.Ю. Яковец

Социальная безопасность — основа российской устойчивости .....№ 6

Часть VI. Актуальный менеджмент

А.Ю. Бухарина

Использование женской модели управления
в персональной и корпоративной практике .....№ 1

А.И. Разумовский

Управление: понимание, объяснение .....№ 1

А. Постула

Обучение менеджменту в вузах: с точки зрения студента .....№ 5

Ю.В. Харитонова

Применение лин-технологий в авиационной
промышленности и их влияние на мотивацию персонала.....№ 5

Часть VII. Проблемы цифровой экономики

Л.Ю. Андреева, Н.А. Курьянов

Технологии корпоративного кредитования
в условиях развития цифровой экономики:
компетентностный подход .....№ 1

Г.Б. Клейнер

Системные основы цифровой экономики .....№ 1

Г.А. Логинов

Блокчейн, ризома, шизоанализ:
виртуализация эффективности.....№ 1

Т.М. Хусяинов

Проблема (не)единства прав и обязанностей
работников в контексте дестандартизации рынка труда
и распространения интернет-занятости.....№ 1

Раздел VIII. 100 лет Русской революции

Р.М. Нуреев

Революция 1917 года: предпосылки и экономические
последствия для России и мировой экономики .....№ 2

Н.А. Шапиро

Экономическая компаративистика и 100-летие русской
революции (1917—2017) .....№ 2

**Часть IX. Европейская разногласия:
социум, экономика, управление**

А.А. Гриценко

Противоречия фрагментации и глобализации социально-экономической жизни
как источник европейской
разногласия .....№ 4

Я. Пасечны

Закономерности создания и развития профилей
гмин в Польше.....№ 4

А.А. Пугачев, Л.Б. Парфенова, Д.С. Вахрушев

Налоговая конкуренция как характеристика
регионализации и инструмент сглаживания
пространственной дифференциации .....№ 4

И.П. Смирнов

К дискуссии о принадлежности ислама Европе .....№ 4

Л. Юрчишин

Состояние отношений между Польшей и Францией
на двустороннем уровне, ЕС и НАТО: сходства и вызовы.....№ 4

Часть X. Рецензии и отклики

А.М. Белянова, В.А. Бирюков

Солидарная экономика: утопия XXI в.
или реалии завтрашнего дня?.....№ 2

Биение мысли в вопросах и ответах:

к Ю.М. Осипову и от Ю.М. Осипова.....№ 1

В. Драшковиц

Экономическая альтернатива как открытая загадка .....№ 6

А.А. Козлачков

Мир Иной как планетарный субъект права.....№ 1

В.А. Кутырёв, А.С. Нилогов

Технологии переступают через человека...
Но люди боятся знать об этом.....№ 5

Ю.М. Осипов

Наталья, русская душою.....№ 5

А.А. Погребняк

Русский век в зеркале кинематографа:
от Сергея Эйзенштейна до Алексея Балабанова.....№ 2

Н.Н. Ростова

Метаморфозы русской души и русская живопись .....№ 3

Н.Н. Ростова

Самоирония в современном искусстве.....№ 2

С.Ю. Румянцева

Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта
(Размышления над книгой «(Не)Реальный капитализм
В.Т. Рязанова») .....№ 6

А.А. Субботин

Инфернальная метафизика экономики.....№ 2

Н.Б. Шулевский
Родина или призрак экономизма! .....№ 3

Belle-lettre

Г.С. Широкалова
1993: 21 сентября — 4 октября
(записки очевидца: взгляд ученого-социолога
из настоящего на прошлое) .....№ 5
Е.Г. Пономаренко
Беседы о сущностях сада .....№ 5

Научная жизнь

Е.С. Зотова
«Cognito и Incognito в познании»:
круглый стол в Московском университете .....№ 1
Е.С. Зотова
Об абстрактном экономизме и новой книге Ю.М. Осипова .....№ 2
Е.С. Зотова
Хомос и Технос: кто кого?
(дискуссия в Московском университете) .....№ 5
Е.С. Зотова
Цифра как феномен бытия
(обзор дискуссии на круглом столе) .....№ 4
Е.С. Зотова, Т.С. Сухина
Европейская разногласица: социум, экономика, управление
(дискуссия в Варшавском университете) .....№ 3
Е.С. Зотова
О философско-хозяйственном мониторинге текущей
реальности (дискуссия на Орленковских чтениях — 2018) .....№ 6
С.С. Нина
Трансформация обществоведения: от отрывочного
гносеологического конструктивизма к целостному
воззренческому онтологизму .....№ 3
С.С. Нина, Т.С. Сухина
Россия — вибрирующие горизонты .....№ 5
Ю.М. Осипов
Евразийский интеграционный вектор России .....№ 4
Ю.М. Осипов
Знаменательное тридцатилетие! .....№ 6
Ю.М. Осипов
Философия хозяйства и иное .....№ 4
Т.С. Сухина
Цифровая экономика: проблемы и особенности .....№ 4

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не

подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.